

МИРОВОЙ
НАУЧНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Дж. Лакофф
М. Джонсон

Мы все еще с трепетом
относимся к тем
особенностям
функционирования
языка, которые
показывают, что мы сами
и окружающие нас люди
живем такими
метафорами, как
ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ,
ЛЮБОВЬ — ЭТО
ПУТЕШЕСТВИЕ
и ПРОБЛЕМЫ —
ЭТО ЗАГАДКИ.

Воспитанный в нас
способ восприятия
мира —
не единственный!

Способность понимать
опыт с помощью
метафоры — это
как одно из чувств,
как видение,
осознание или слух.

Метафоры по своей сути
являются феноменами,
обеспечивающими
понимание.

Метафоры способны
творить реальность!

МЕТАФОРЫ, КОТОРЫМИ МЫ ЖИВЕМ

URCC

G. Lakoff and
M. Johnson

METAPHORS We Live By

МЕТАФОРЫ, КОТОРЫМИ ЖИВЕМ

Издательство УРСС
рекомендует
следующие книги:

ИЗДАТЕЛЬСТВО **УРСС**
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тел./факс: 7 (095) 135-42-16
Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

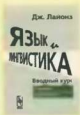
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернет:
<http://URSS.ru>

1734 10 7499

7МБ
Л-195,
В настоящей книге излага
когнитивного подхода к
языковому, когнитивному
феномену. Обсуждаются как научные
аспекты изучения этого феномена
в лингвистике и философии, так и роль
метафоры в современном обществе,
в повседневном общении между людьми.
Особое внимание обращается на
возможности использования метафоры
как средства познания действительности,
как инструмента организации опыта
человека, структурирования его знаний
о действительности.

Книга, впервые вышедшая на языке
оригинала в 1980 г., стала бестселлером
в англоязычных странах и получила
широкий отклик в научной периодике
и публицистике.

Дж. Лакофф, М. Джонсон
МЕТАФОРЫ,
КОТОРЫМИ МЫ ЖИВЕМ

GEORGE LAKOFF and MARK JOHNSON

METAPHORS

We Live By

The University of Chicago Press

Chicago and London

Дж. Лакофф
М. Джонсон

МЕТАФОРЫ КОТОРЫМИ МЫ ЖИВЕМ

Перевод с английского
А.Н.Баранова и А.В.Морозовой

Под редакцией и с предисловием
А.Н.Баранова

МОСКВА

УРСС

Лакофф Джордж, Джонсон Марк

Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

ISBN 5-354-00222-2

В книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» излагаются основы когнитивного подхода к метафоре — языковому, когнитивному и культурному феномену. Обсуждаются как научные аспекты изучения этого феномена в лингвистике и философии, так и роль метафоры в современном обществе, в повседневном общении между людьми. Особое внимание обращается на возможности использования метафоры как средства познания действительности, как инструмента организации опыта человека, структурирования его знаний о действительности.

Книга, впервые вышедшая на языке оригинала в 1980 г., стала бестселлером в англоязычных странах и получила широкий отклик в научной периодике и публицистике.

Книга почти не содержит специальной терминологии и будет интересна как специалистам в области лингвистики и литературоведения, так и широким кругам читателей, интересующихся функционированием языка в современном обществе, проблемами речевого воздействия и связью между языком, мышлением и сознанием.

Перевод на русский язык публикуется
по соглашению с *The University of Chicago Press*

Licensed by The University of Chicago Press, Chicago, Illinois, U. S. A.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 21.07.2004 г.
Формат 60×90/16. Тираж 3000 экз. Печ. л. 16. Зак. № 3-1471/645.

Отпечатано в типографии ООО «РОХОС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

ISBN 5-354-00222-2

© 1980 by The University
of Chicago. All rights reserved
© Перевод на русский язык:
А. Н. Баранов,
А. В. Морозова, 2004
© Едиториал УРСС, 2004

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРСС
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

 E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Internet: <http://URSS.ru>
Тел./факс: 7 (095) 135-42-16
Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

1734 ID 7499

9 785354 002221 >

Оглавление

<i>Предисловие редактора (А. Н. Баранов)</i>	7
<i>Предисловие авторов</i>	22
<i>Слова благодарности</i>	23
Глава 1. Концепты, которыми мы живем	25
Глава 2. Системность метафорических концептов	28
Глава 3. Системность в метафорах: высвечивание и затемнение . .	31
Глава 4. Ориентационные метафоры	35
Глава 5. Метафора и непротиворечивость культуры	46
Глава 6. Онтологические метафоры	49
Глава 7. Персонификация	59
Глава 8. Метонимия	61
Глава 9. Свидетельства против согласованности систем метафор	68
Глава 10. Некоторые дополнительные примеры	74
Глава 11. Фрагментарность метафорического структурирования . .	89
Глава 12. На чем основывается наша понятийная система?	93
Глава 13. Основание структурных метафор	97
Глава 14. Категория причинности: непосредственный опыт и метафорическое осмысление	104
Глава 15. Согласование в структурировании опыта	112
Глава 16. Согласованность метафор	120
Глава 17. Сложные случаи согласования между метафорами	130
Глава 18. Некоторые следствия для теорий понятийной структуры	139
Глава 19. Определение и понимание	147

Глава 20. Как метафоры привносят в форму значение	157
Глава 21. Новый смысл	169
Глава 22. Создание сходства	177
Глава 23. Метафора, истина и действие	184
Глава 24. Истина	187
Глава 25. Мифы объективизма и субъективизма	209
Глава 26. Миф объективизма в западной философии и лингвистике	218
Глава 27. Как метафоры показывают ограниченность мифа субъективизма	230
Глава 28. Неадекватность мифа субъективизма	241
Глава 29. Альтернатива эмпиризма: новое звучание старых мифов	243
Глава 30. Понимание	246
<i>Послесловие</i>	253
<i>Литература</i>	254

Предисловие редактора

Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя

Метафора как феномен художественной литературы (прежде всего поэзии), языка, культуры и искусства никогда не была обделена вниманием ученых и деятелей искусства. Разумеется, были и пики интереса. Один из них приходится на 60–70 годы XX века. Тогда кто-то из историографов теории метафоры писал, что если количество студентов, изучающих метафору, будет увеличиваться в такой же прогрессии, то к началу XXI века их будет больше, чем людей. От первого издания книги «Метафоры, которыми мы живем» на языке оригинала нас отделяет уже без малого четверть века. Она вышла как раз на пике интереса к метафоре и могла затеряться в огромном потоке научной литературы, как это происходит с большинством публикаций по этой проблематике. Однако с книгой Дж. Лакоффа и М. Джонсона этого не произошло.

Книга «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа — уже в те времена очень известного специалиста по лингвистике и одного из творцов порождающей семантики — и М. Джонсона — философа и логика — вызвала оживленную дискуссию и приобрела чрезвычайную популярность не только среди языковедов, но и представителей других дисциплин, да и просто среди читающей публики¹⁾. Специалистами по когнитивной лингвистике она была признана библией когнитивного подхода к метафоре — своеобразным аналогом соссюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода.

Как и полагается книге такого ранга, она уже имеет свою историю перевода на русский язык. Отдельные главы этой работы публиковались в сборнике «Язык и моделирование социального взаимодействия»²⁾ в переводе автора данной статьи и в сборнике «Теория метафоры»³⁾ в пе-

¹⁾ Вот лишь некоторые отклики: *Black M. Lakoff, George, and Mark Johnson. Metaphors we live by // Journal of Aesthetics and criticism. 1981. V. 40. P. 208–210; Booth W. C. Lakoff, George and Johnson, Mark. Metaphors we live by // Ethics. April 1983. P. 619–621; Nuessel Frank. H. George Lakoff and Mark Johnson, Metaphors we live by // Lingua. 1982. V. 56. P. 185–192; Smith M. K. Metaphor and mind. Metaphors we live by. By George Lakoff and Mark Johnson // American Speech. 1982. V. 57. P. 128–134; Wagner R. Metaphors we live by. George Lakoff and Mark Johnson // American Anthropologist. 1982. Vol. 84. P. 953–954.*

²⁾ Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. Гл. 1, 13, 21, 23, 24.

³⁾ Теория метафоры. М., 1990. Гл. 1–6.

реводе Н. В. Перцова. Однако в полном виде книга в русском переводе выходит впервые.

Читатель, знакомый с книгой Лакоффа и Джонсона по изложениям и фрагментарным переводам, обнаружит для себя много нового. Во-первых, в ней практически отсутствует знакомая по современным публикациям терминология когнитивной лингвистики — «когнитивное отображение», «метафорическая проекция», «профилирование свойств» и т. д. Вместо фрейма используется термин «гештальт», лингвистическим аспектам которого Дж. Лакофф в свое время посвятил отдельную статью⁴⁾. Впрочем, и позже в обширной монографии «Женщины, огонь и опасные вещи» Дж. Лакофф не отказывается от гештальта, воспроизводя соответствующее описание эмпирического гештальта из данной книги⁵⁾. Избегая специфической терминологии, авторы, по-видимому, сознательно стремились расширить круг читателей, что им и удалось в полной мере. При этом в книге «Метафоры, которыми мы живем» действительно излагаются основы когнитивного подхода к изучению метафорики. Другое дело, что базовые идеи когнитивного подхода, не потерявшие своей актуальности и сейчас, передаются на содержательном уровне.

Во-вторых, читатель-лингвист будет несколько удивлен обилию собственно философской проблематики — сопоставлению объективизма и субъективизма, а также обоснованию эмпирического подхода к проблемам истинности, к явлениям языка, в частности к описанию функционирования метафор. У читателей (не философов) моего поколения непременно воскреснут в памяти фрагменты оживленной дискуссии из «Материализма и эмпириокритицизма». У философов — тем более. Впрочем, автор данной статьи не берет на себя смелость погружаться в философскую проблематику, хотя она и заслуживает всяческого внимания.

Наконец, в-третьих, при всей живости изложения (которую переводчики и редактор по мере сил старались передать), обилию интересных примеров и отчасти публицистической манере изложения проблем, касающихся метафор и жизни общества, книга не свободна от известного дидактизма. Авторы не упускают случая при каждой удобной возможности повторить все то, что они сказали ранее в более или менее обобщенной форме. Выигрывает или проигрывает от этого книга — судить читателю. Заметим, однако, что в любом случае это будет уже оценка *post factum*. Как гласит известная формула — книга заслуживает, более того, давно уже заслужила самой высокой оценки, а авторы snискали исключительную популярность в самых широких кругах читающей общественности.

Не имеет большого смысла излагать в предисловии содержание книги — лучше уж прочитать сам текст. Остановимся на двух моментах,

⁴⁾ Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981. С. 350–368.

⁵⁾ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004. С. 631 и далее.

представляющих интерес для тех, кто хочет ознакомиться с основными идеями когнитивного подхода к метафоре — на современном состоянии когнитивной теории метафоры и на перспективных направлениях исследования метафор.

1. Когнитивная теория метафоры: исходные положения

Основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний — фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром — как с миром объектов, так и с социумом. Особую роль играет опыт непосредственного взаимодействия с материальным миром, отражающийся на языковом уровне, в частности, в виде онтологических метафор.

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «**метафорическая проекция**» (metaphorical mapping) или «**когнитивное отображение**» (cognitive mapping). Предположение о частичном воспроизведении структуры источника в структуре цели получило название «**гипотезы инвариантности**» (Invariance Hypothesis)⁶⁾. Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора НАРОД/ОБЩЕСТВО [цель] — ЭТО СТАДО [источник] в выражениях типа *мы вновь являемся лишь бессловесным стадом для губительных игр «верхов»* обращает внимание адресата на идею «несамостоятельности, пассивности», которая является частью когнитивной структуры (фрейма) «стада»: знания о мире говорят нам, что стадо животных (например, коров — как прототипический вариант для европейской культуры) управляется пастухом.

Высвечивание отдельных свойств источника в области цели, возникающее в процессе метафорической проекции и проявляющееся на уровне предложения и текста в виде метафорических следствий, часто называют «**профилированием**».

В настоящее время когнитивная теория метафоры не дает ясно-го ответа на вопрос о том, как, в сущности, происходит сам процесс взаимодействия когнитивной области источника и области цели в процессах метафоризации. Основная причина этого заключается в том, что не разработан общепринятый метаязык представления знаний для целей

⁶⁾ См., например: Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image—Schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. № 1. P. 54.

описания функционирования языка, не определен инвентарь формальных процедур преобразования знаний. Имеющиеся отдельные попытки в этом направлении не меняют общей картины⁷⁾. Подчеркнем, что основная проблема здесь даже не в том, как описать структуру фрейма и содержание соответствующих преобразований, а в том, как представлять семантическую информацию в компонентах структуры фрейма (соответственно, сценария или плана).

Области источника и области цели неэквивалентны не только в смысле направления метафоризации. Область источника — это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Это «знание по знакомству», если пользоваться терминологией Б. Рассела. Сфера цели — менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание, это, скорее, «знание по определению». Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей»⁸⁾. Аналогичный тезис неоднократно повторяется и в книге «Метафоры, которыми мы живем». Эта идея была отражена в **тезисе об однонаправленности метафорической проекции**. В дальнейшем тезис об «однонаправленности», выдвинутый в когнитивной теории метафоры, вызвал множество критических откликов. И действительно, противоречащие примеры очевидны. Например, в русском политическом дискурсе концептуализация политика как члена семьи в метафоре РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ вряд ли отвечает тезису об «однонаправленности», ср. метафоры типа *идеи дедушки Ленина, отец народов, Горбачев — дитя партийного аппарата, крестный отец перестройки*. Вряд ли, например, концепт ДЕДУШКА более конкретен, чем концепт ЛЕНИН. Есть и другие типы метафор, которые явно противоречат тезису об однонаправленности: метафора ЛИТЕРАТУРЫ (ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ), метафора СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВА, метафора ИСТОРИИ и др.

В этих случаях следует говорить не столько о прояснении (структурировании) неясной целевой области, сколько об изменении уже имеющейся структуры области цели, о ее переструктурировании. Новое знание возникает в данном случае благодаря профилированию некоторых свойств источника, не представленных или скрытых в области цели.

⁷⁾ См., например, ряд работ автора Предисловия и Д. О. Добровольского по формальному моделированию порождения актуального значения идиомы, связанного с метафорическими преобразованиями: *Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Cognitive modeling of actual meaning in the field of phraseology // Journal of pragmatics. 1996. Vol. 25; Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Типология формальных операций при порождении актуального значения идиомы // Linguistische Arbeitsberichte 75. Leipzig: Institut für Linguistik der Universität Leipzig, 2000.*

⁸⁾ *Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Ed. by Ortony A. Cambridge. 1993. P. 245.*

Однако в целом следует признать верным, что ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису «однонаправленности». Собственно, этот тезис отражает одну из важнейших функций метафоры — когнитивную, или функцию получения нового знания.

Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде «**схем образов**» (image schemas) — относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью⁹⁾. К схемам образов относятся, например, такие категории, как «вместилище», «путь», «баланс», «верх—низ», «перед—зад», «часть—целое». Эти категории обсуждаются и в данной книге.

Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «**концептуальных метафор**». К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, СПОР — ЭТО ВОЙНА, ЖИЗНЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и др. Концептуальные метафоры могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня — «когнитивные модели», которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии.

2. *Дескрипторная теория метафоры*

Когнитивная теория метафоры развивается в настоящее время в различных направлениях. Одно из них — это дескрипторная теория метафоры¹⁰⁾. Последняя представляет собой попытку формализации когнитивной теории метафоры для формализованного (вряд ли формального в точном смысле) описания большого корпуса контекстов использования метафор, т. е. для исследования метафорики дискурса в целом, а не анализа отдельных изолированных примеров.

С формальной точки зрения метафорическая проекция представляет собой **функцию отображения** элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается «**областью отправления**» функции отображения, а цель — «**областью прибытия**». В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьирует — от наименее

⁹⁾ Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago; L., 1987. P. 267.

¹⁰⁾ Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2; Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1.

стабильных творческих метафор до устойчивых «стертых» метафор, фиксированных в культурной традиции общества. Когда элементы области назначения хорошо структурированы, соответствие между элементами области отправления и области прибытия метафорической функции отображения может быть взаимно-однозначным.

В дескрипторной теории метафоры метафора описывается как множество кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, представляющих, соответственно, область источника и область цели метафорической проекции. Так, метафора *война законов* представляется в дескрипторной теории метафоры в виде двухэлементного множества следующего типа: {<война>, <законодательская деятельность; законодательство>}. Первый дескриптор — «война» — является сигнификативным, а вторые два — «законодательская деятельность», «законодательство» — денотативными. Использование метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов позволяет единообразно описывать контексты употребления метафор и обрабатывать их с помощью компьютерных программ — баз данных.

Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов формируют «**метафорические модели**» (М-модели). Например, сигнификативные дескрипторы, имеющие семантику военных действий, армии, образуют М-модель ВОЙНЫ; дескрипторы, тематически связанные с родственными отношениями, формируют М-модель РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ и т. д. Каждая М-модель описывается иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных дескрипторов¹¹⁾. В описании наиболее частотных метафор русского политического дискурса эпохи перестройки используется порядка пятидесяти М-моделей.

Такое понимание метафорической модели отличается от принятого в когнитивной теории метафоры, в которой метафорическая модель интерпретируется как пара сущностей — соответствие между элементами источника и элементами цели. Принятое в дескрипторной теории метафоры словоупотребление отражает языковой аспект функционирования метафоры. Метафорической моделью в этом случае оказываются однородные области источника — однородные с точки зрения опыта человека и, отчасти, семантики. В этом смысле М-модель в дескрипторной теории метафоры — это «языковая метафорическая модель».

Язык дескрипторов и деревьев дескрипторов метафорических моделей, разрабатываемый в дескрипторной теории метафоры, позволяет количественно оценивать М-модели с точки зрения их функционирования в дискурсе. Например, можно определить, насколько «когнитивно нагруженными» являются сигнификативные дескрипторы М-модели: чем

¹¹⁾ Такое представление метафорических моделей принято в словарях политических метафор: Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991; Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

больше различных реалий описываются сигнификативными дескрипторами, т. е. чем больше ее «денотативное разнообразие», тем больше потенциал М-модели в данном типе дискурса. Так, применительно к политическому дискурсу эпохи перестройки, денотативное разнообразие М-модели ФАУНЫ — 1,3269, М-модели РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ — 2, а М-модели МЕХАНИЗМА — 1,904. Это означает, что в политическом дискурсе эпохи перестройки один сигнификативный дескриптор М-моделей МЕХАНИЗМА и РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ в среднем использовался для описания двух различных реалий политической и экономической жизни, а в М-модели ФАУНЫ — фактически только для метафорического осмысления одного явления. Иными словами, М-модели МЕХАНИЗМА и РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ обладают большим потенциалом в метафорической интерпретации политических реалий, чем М-модель ФАУНЫ.

Еще один важный параметр, характеризующий М-модель с точки зрения ее отображений в область цели, это «стабильность денотативных отображений» М-модели. Одним из центральных объектов изучения в когнитивной теории метафоры являются концептуальные метафоры, которые определяют способы осмысления человеком действительности в данной культуре. В дескрипторной теории метафоры концептуальные метафоры представляют собой регулярно воспроизводящиеся в рамках М-модели пары отображений <сигнификативный дескриптор_н, денотативный дескриптор_т>. Чем больше таких стабильных или хотя бы достаточно регулярных пар в М-модели, тем больше ее денотативная стабильность. Этот параметр также можно оценить количественно¹²⁾.

3. Инвентаризация метафорики дискурса и использование корпусных технологий

Совокупность М-моделей, использующихся в дискурсе, образуют «**метафорику**» данного дискурса. Часть из этих М-моделей типичны для данного дискурса, формируют его как таковой, как специфический и отличающийся от других типов дискурсов. Такие М-модели относятся к «**дискурсивным практикам**»¹³⁾. Таким образом, говоря об исследовании метафорики некоторого дискурса, мы должны выявить, во-первых, использующиеся там метафорические модели и, во-вторых, установить, какие из них являются дискурсивными практиками.

Концептуальное развитие когнитивной теории метафоры в 70-е годы опережало накопление языкового материала. Однако уже с конца 70-х годов начинается осязаемый рост исследований, в которых накапливаются значительные корпуса примеров употребления метафор. Так, для

¹²⁾ См. подробнее: Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2.

¹³⁾ Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1.

немецкого языка здесь следует упомянуть монографию Вольфа-Андреаса Либерта «Области метафор в обыденном общении на немецком языке»¹⁴⁾, в которой на солидном языковом материале показаны основные метафорические концепты и типичные метафоризируемые сущности (элементы области цели, в дескрипторной теории метафоры — денотативные дескрипторы). Так, концепт *Vertikalität* 'вертикальность' проецируется в немецком обыденном дискурсе на такие категории, как *Preis* 'цена', *Temperatur* 'температура', *Zinsen* 'проценты по банковским вкладам'¹⁵⁾. В 1999–2001 годы в университете г. Билефельд (Германия) была создана база данных по политической метафоре эпохи объединения Германии — порядка 9 000 контекстов (см. ниже). Анализ результатов, полученных на достаточно большом корпусе примеров, позволяет составить общую картину использования метафор различных типов в дискурсе.

Продолжалось накопление материала по метафоре и для английского языка. На сайте Дж. Лакоффа в университете Беркли опубликовано порядка 400 примеров использования метафор английского языка, классифицированных по разным параметрам — в том числе по области источника¹⁶⁾.

Для русского языка собран весьма репрезентативный материал по политической метафоре и по поэтическим метафорам. Сбор политических метафор основывался на методологии инвентаризации метафор, разработанной в дескрипторной теории метафоры. В Институте русского языка РАН создана база данных по русской политической метафоре эпохи перестройки, включающая порядка 9 000 контекстов употребления. Эта база данных легла в основу словаря политических метафор, вышедшего двумя выпусками в 1991 и 1994 годах¹⁷⁾. В дальнейшем эта база данных использовалась в российско-немецком проекте сопоставления политических метафор эпохи перестройки и периода объединения ГДР и ФРГ (*die Wende*)¹⁸⁾.

Контексты использования метафор в русской поэзии собраны в обширном двухтомном словаре Н. В. Павлович, который также основан на компьютерной базе данных¹⁹⁾.

Полное исследование метафорического дискурса с использованием корпусных технологий предполагает, во-первых, сбор представительного

¹⁴⁾ Liebert W.-A. *Metaphern Bereiche der deutschen Alltagssprache*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1992.

¹⁵⁾ Ibid. S. 71.

¹⁶⁾ См.: cogsci.berkeley.edu/lakoff/metaphors/.

¹⁷⁾ Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991; Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

¹⁸⁾ Проект "Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten" был поддержан DFG. Работа над проектом велась с 1999 по 2000 гг. В организации проекта решающую роль сыграл профессор Л. Цыбаков.

¹⁹⁾ Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. Т. 1, 2. М.: УРСС, 1999.

корпуса контекстов употребления метафор, во-вторых, разработку мета-языка описания области источника и области цели; в-третьих, описание типичных метафорических моделей в смысле дескрипторной теории метафоры, в-четвертых, выявление концептуальных метафор дискурса (в качестве формального параметра для этого может использоваться параметр стабильности денотативных отображений) и, наконец, в-пятых, определение набора М-моделей и концептуальных метафор как дискурсивных практик.

Инвентаризация метафорики привела к появлению множества осмыслений, интерпретаций особенностей употребления метафор в различных типах дискурсов — часто публицистического толка. В англоязычной литературе такие работы вписываются в традицию «критики языка» (*critical study of language*)²⁰. Парадигмальным образцом анализа такого рода можно считать работу Дж. Лакоффа об использовании метафор в американской прессе во время «войны в заливе»²¹. С точки зрения идеологической (в широком смысле) направленности метафор исследовался в последнее десятилетие и российский политический дискурс. Так, функциям метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ в перестроечном дискурсе посвящено исследование автора данной статьи и Е. К. Казакевич²². В ряде работ обсуждаются метафорические осмысления категорий «идеология», «национальная идея», «коррупция»²³. В исследованиях А. П. Чудинова показан широкий спектр метафорических моделей современного русского политического дискурса в сочетании с публицистическим осмыслением причин частого использования тех или иных метафор²⁴.

Корпусная инвентаризация метафорических моделей дискурса представляет собой важный этап научного описания функционирования метафор в реальном употреблении. Именно поэтому появляется все больше исследований не выборочного, а «сплошного» анализа метафорики, результаты которого можно считать статистически достоверными. Очевидный социальный заказ (понимаемый отнюдь не в вульгарном смысле этого слова) стимулирует и исследования воздействующей, идеологиче-

²⁰ См., например: Fairclough N. *Critical discourse analysis: the critical study of language*. L. & N. Y., 1995.

²¹ *Metaphor in Politics. An open letter to the Internet from George Lakoff*. 1991. Находится на сайте: cogsci.berkeley.edu/lakoff.

²² Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации (русский политический язык; от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991.

²³ Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н. Идеология как феномен общественного сознания (лингво-статистический анализ) // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997; Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н. Интерпретации «национальной идеи» в политическом дискурсе // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997; Баранов А. Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. РАН. 2004. № 2.

²⁴ Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале. Екатеринбург, 2001; Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

ской функции метафоры. Это позволяет рассматривать анализ метафоры политического дискурса как один из базовых методов исследования политической лингвистики.

4. Верификация гипотезы о когнитивной функции метафоры

Поскольку основу процессов метафоризации образуют процедуры обработки структур знаний, то метафора в первую очередь оказывается когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека. Как пишут в своей книге Дж. Лакофф и М. Джонсон, «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» (с. 208). Этот исходный тезис когнитивной теории метафоры не был, однако, удовлетворительным образом подтвержден экспериментально. Очевидность тезиса, быть может, и была бы достаточным условием признания его истинности в эмпирическом подходе к явлениям языка, однако с объективистских позиций правдоподобная гипотеза так бы и оставалась гипотезой, если бы не ряд исследований, проведенных за последние десять лет.

Одно из проявлений тезиса о когнитивной функции метафоры — это предположение о том, что метафора влияет на процесс принятия решений. Согласно современным представлениям, процесс принятия решений включает следующие основные этапы: 1) осознание проблемной ситуации; 2) выявление альтернатив разрешения проблемной ситуации; 3) оценка альтернатив; 4) выбор альтернативы (собственно принятие решения). Метафора так или иначе может влиять на любой из этапов принятия решений, но она особенно важна при формировании множества альтернатив разрешения проблемной ситуации. Несколько огрубляя, можно сказать, что человек видит только те альтернативы, которые совместимы с данной метафорой и которые она высвечивает в ситуации коммуникативного взаимодействия.

Выказывались гипотезы о связи метафор с кризисным состоянием сознания, с проблемной ситуацией и с поиском решений проблемы. На это прямо указывает когнитивная теория метафоры, согласно которой метафорическое осмысление действительности позволяет сформировать множество альтернатив разрешения проблемной ситуации. Лапидарно эту идею можно было бы иллюстрировать следующим образом. В начале перестройки в публицистике и речах политиков различного калибра широко использовался такой прием построения статьи или выступления, который позволял сравнивать преобразования, начавшиеся в СССР, как движение корабля по морю, как полет самолета в воздухе (типа *Самолет взлетел, но не знает, куда сесть/где посадочная площадка*), с перестройкой строения (дома, сарая — *Дядя Миша перестраивал сарай и пр.*) и т. п. Понятно, что при интерпретации процесса перестройки как ДВИЖЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА в сферу внимания попадают (или

«профилируются») такие характеристики, как выбор курса/направления движения, скорость передвижения, состав команды корабля, летчики самолета. При этом выводится из рассмотрения возможность изменения самого транспортного орудия, его модификации. Свойства последнего типа, наоборот, характерны для метафоры перестройки как СТРОЕНИЯ. Иными словами, выбор метафорической модели навязывает, формирует набор альтернатив разрешения проблемной ситуации.

Следующий шаг рассуждения таков: если метафора влияет на процесс принятия решений в проблемных ситуациях, то количество метафор должно возрастать в периоды общественно-политических и экономических кризисов. К. де Ландтсхеер провела исследование использования политической метафорике в голландском политическом дискурсе за период с 1831 по 1981 годы²⁵⁾. В результате удалось показать, что при коррекции абсолютной частоты употребления метафор параметрами, учитывающими тип метафорической модели и новизну метафоры, результирующая кривая частоты употребления метафор коррелирует с периодами кризисов.

Другой эксперимент проводился на материале русского политического дискурса (точнее, дискурса СМИ) в период августовского кризиса 1998 года. На объеме выборки в 750 000 словоупотреблений за период с июня по сентябрь 1998 года количественные показатели относительной частоты употребления метафор, откорректированные по степени новизны метафоры, резко возрастали во время пика кризиса 15–21 сентября²⁶⁾.

Эти эксперименты показали, что гипотеза о влиянии политических метафор на процесс принятия решений справедлива. Интуитивное представление о высокой частоте употребления политических метафор, например в период перестройки, вполне объяснимо, так как именно в период кризисов общество нуждается в интенсивном поиске решений существующих проблем.

Подтверждение гипотезы о связи метафоры с «кризисным» мышлением косвенно подтверждает и исходный тезис когнитивной теории метафоры о влиянии метафор на мышление человека.

5. Синтактика метафор

Еще одно важное направление изучения метафорике, инициированное книгой Дж. Лакоффа и М. Джонсона, касается возможностей взаимного сочетания метафор. Здесь авторы рассматривают два основных случая —

²⁵⁾ Christ'l de Landtsheer. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // Communication and cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4.

²⁶⁾ Баранов А. Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Sprachwandel in der Slavia. Teil 1. Frankfurt am Main, 2000; Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.

метафоры могут быть согласованными друг с другом (coherent), а могут быть совместимыми друг с другом (consistent). Согласование — это соотношенность метафор с более общим концептом, а совместимость — способность формировать общий образ. Например, метафоры ПУТЕШЕСТВИЕ НА МАШИНЕ, ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПОЕЗДЕ и ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МОРЮ несовместимы, поскольку не формируют общего образа. При этом они оказываются согласованными, поскольку относятся к более общему концепту ПУТЕШЕСТВИЯ. С другой стороны, в контекстах типа *Мы просто должны идти каждый своей дорогой* одновременно реализуется метафора ДВИЖЕНИЯ и метафора ПУТИ, которые вместе образуют единый образ. В этом случае речь идет о совместимости метафор.

Изучение согласованности метафор относится к парадигматике и опеределяет вхождение метафоры в метафорическую модель. Исследование условий совместимости касается синтактики метафор и представляет собой очень важное направление исследований, которое, в частности, дает значимую информацию о способности человека сочетать в процессе мышления различные области источников и тем самым одновременно использовать данные из различных сфер человеческого опыта. В работе «О типах сочетаемости метафорических моделей»²⁷⁾ автор данного предисловия пытался показать, что контексты одновременной реализации нескольких метафор разделяются на два основных класса — примеры **«когнитивно-семантической»** сочетаемости и **«онтологической сочетаемости»**. Когнитивно-семантическая сочетаемость реализуется в тех случаях, когда между двумя М-моделями, точнее между стоящими за ними фреймами, устанавливаются семантические связи на уровне следствий. Так, в контексте *Экономические «проекты века» эпохи перестройки проваливались один за другим <...> «Отцы» же оставались у руля* метафора РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ совместима с метафорой РУЛЯ: они легко образуют единый образ — отцы управляют транспортным средством с помощью руля. Онтологическая сочетаемость не мотивируется семантически (с помощью метафорических следствий). В лучшем случае она может быть объяснена устройством мира. Так, примеры онтологической сочетаемости М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ и МЕХАНИЗМА *«Знаю, знаю», — бурчала машина* или *учет интересов рыночного механизма* реально представлены в дискурсе и, в принципе, также образуют единый образ. Однако семантически его мотивировать невозможно. Однако известно, что первые механизмы создавались по образцу и подобию людей, они моделировали те или иные функции человека — способность передвигаться, делать какую-то работу (пусть простую и однообразную), исполнять музыкальные произведения (например, шарманки являют-

²⁷⁾ Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2.

ся весьма сложно устроенными механизмами). Возможно, именно это и мотивирует возможность таких сочетаний метафорических моделей.

Широкое использование комбинаций метафорических моделей в дискурсе сопровождается увеличением частоты политической метафоризации. Это дополнительная возможность расшатывания стандартных рамок осмысления действительности, фиксированных в структурах знаний, которые уже могут не отвечать новым реалиям. Сочетаемость метафорических моделей в речи — это способ самонастраивания когнитивной системы и попытка борьбы с ритуализацией ее собственного мышления.

6. Метафоры и искусственный интеллект

Название этой главки может показаться неожиданным, а само направление искусственного интеллекта (ИИ) — слабо связанным со сферой лингвистического знания. Сами авторы книги негативно оценили возможность создания систем ИИ, моделирующих человеческое понимание: «...сможет ли компьютер когда-нибудь понять то, что понимают люди? Наш ответ „нет“ просто потому, что понимание требует опыта, а у компьютеров нет тел, и у них нет опыта, присущего человеку» (с. 239). Между тем сотрудничество между лингвистами и разработчиками систем искусственного интеллекта началось еще в 70-е годы XX века и дало очень интересные результаты, в том числе и для теории языка. Именно поэтому метафору как языковой феномен и феномен мышления и проявление интеллектуальной способности человека не обошли своим вниманием специалисты по созданию интеллектуальных программ. Книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона оставила свой след и в проблематике ИИ. Казалось бы, чисто философская проблема, широко обсуждаемая в книге, — соотношение подхода объективизма, субъективизма и эмпиризма к проблемам истинности и функционирования метафор — оказывается весьма значимой для стратегий разработки систем ИИ, моделирующих те или иные стороны интеллектуального поведения человека.

Если правы сторонники объективизма, то черты сходства, на которых строится метафорическая проекция — это реальные характеристики сущностей (объектов реального или воображаемого мира), которые не зависят от человека и могут быть верифицируемы. Тогда моделирование порождения метафор сводится, во-первых, к фиксации черт сходства сущностей в модели мира (в частности, в словаре системы ИИ) и, во-вторых, к процедуре поиска черт сходства между различными сущностями, что и позволяет порождать метафоры. На таких принципах основана, например, интеллектуальная модель Патрика Уинстона “Transfer Frame system”, изначально предназначенная для порождения рассуждений по аналогии²⁸⁾. Система способна на основе характеристик сходства, имеющих

²⁸⁾ Winston P.H. Learning New Principles from precedents and Exercises // Artificial Intelligence. 1982. № 19.

у нее в модели мира, порождать предложения типа *Robbie is like a fox* в значении 'Робби умен'.

Субъективизм, между тем, утверждает, что представления человека о мире уникальны, черты сходства могут возникать в конкретной ситуации, их невозможно предсказать заранее. С этой точки зрения, программы, в которых черты сходства заданы изначально, не в состоянии порождать креативные, новые метафоры. Сторонники эмпиризма, к которым принадлежат и авторы книги, отчасти согласны в этом с субъективизмом, утверждая, что характеристики сходства индивидуальны в том смысле, что они порождаются на основе опыта взаимодействия человека с объектами окружающего мира. Иными словами, новые метафоры возникают на основе специфического индивидуального опыта.

Стремясь решить эту проблему, специалисты по ИИ идут различными путями. Так, Д. Румельхарт и Д. Хоббс исходят из того, что метафорическая интерпретация языкового выражения не отличается существенным образом от множества различных интерпретаций и реинтерпретаций предложений типа *Полицейский поднял руку и остановил машину*, обеспечивающих его понимание²⁹). Для исчерпывающего понимания этой фразы требуется множество знаний о полиции, полицейских, правилах движения на дорогах, водителях и т. д. Системе ИИ, моделирующей понимание текста, не нужен специальный блок интерпретации метафор. Они должны пониматься как любые другие идиоматические выражения. Тем самым снимается проблема понимания новых метафор. Впрочем, остается неясным, как в этом случае должны выглядеть правила порождения новых метафор.

Аналогичный взгляд на проблему компьютерного моделирования метафоры демонстрирует Карбонелл³⁰). В его системе текст интерпретируется специальными правилами понимания идиоматических выражений (в том числе и метафор) лишь в том случае, если буквальное понимание оказывается неприемлемым.

В целом следует констатировать, что эмпирический подход к метафоре, представленный в книге «Метафоры, которыми мы живем», вызвал оживленное обсуждение в кругах специалистов по ИИ, однако перспективность его использования в моделировании процессов понимания есте-

²⁹) *Rumelhart D. E.* Some Problems with the Notion of Literal Meanings // Ortony A. (ed.) *Metaphor and Thought*, Cambridge University Press, 1980; *Rumelhart D. E., McClelland J. L.* *Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition. Vol. 1: Foundations*. Cambridge, MA: MIT Press., 1986; *Hobbs J.* *Metaphor Interpretation as Selective Inferencing: Cognitive Processes in Understanding Metaphor* // *Empirical Studies in the Arts*. Vol. 1. № 1, 2. Несколько другой подход Хоббса к процессам метафоризации представлен в: *Hobbs J.* *Metaphor and Abduction* // Ortony A., Stock O. (eds.) *Communication from an Artificial Intelligence Perspective: Theoretical and Applied Issues*. Berlin: Springer-Verlag, 1992.

³⁰) *Carbonell J. G.* *Metaphor: An inescapable phenomenon in natural-language comprehension* // Lehnert W. G. and Ringle M. H. (eds.) *Strategies for Natural Language Processing*. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Hillsdale, NJ, 1982.

ственного языка до сих пор остается не вполне ясной. Объективистский подход к метафоре и к рассуждению по аналогии в ИИ оказался более продуктивным. Использование новых способов представления знаний — в частности инструментария коннекционизма — позволяет не только фиксировать имеющиеся характеристики сходства между сущностями, но и порождать новые в конкретных проблемных ситуациях³¹⁾.

* * *

Книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» креативна как сам объект ее описания — метафоры. Креативна в том смысле, что она стимулирует и исследование метафор, и осознанное отношение к использованию метафорики в обыденной речи, создавая для этого не только чисто научную, но и общественно значимую мотивацию. Быть может, именно в этом заключается причина ее исключительной притягательности и популярности в самых широких кругах читателей. Русский перевод этого научного бестселлера безусловно запоздал, но не стал от этого менее актуальным. Остается только предложить его вниманию читателя.

А. Н. Баранов

³¹⁾ См. обсуждение некоторых теорий когнитивного отображения между структурами знаний при установлении аналогии, а также при понимании и порождении метафор в: *Veale T., O'Donoghue D., Kean M. Comutibility as limiting cognitive constraint: complexity concerns in metaphor comprehension about which cognitive linguists should be aware* // www.compapp.dcu.ie/~tonyv/ICLC/ICLC95.html.

Предисловие авторов

Эта книга возникла из нашего общего интереса к тому, как люди понимают свой язык и свой опыт. Во время нашей первой встречи в начале января 1979 года выяснилось, что мы едины во мнении о том, что доминирующие в западной философии и лингвистике взгляды на *значение* неадекватны и что «значение» в этих традициях имеет очень мало общего с тем, что люди считают *значимым* в своей жизни.

Вместе нас свел общий интерес к метафоре. Марк обнаружил, что в традиционных философских концепциях метафоре отводится весьма незначительная роль в понимании нас самих и нашего мира (если об этом вообще идет речь). Джордж обнаружил лингвистические данные, показывающие, что метафора проникает в наш повседневный язык и мышление, — данные, которые не могла объяснить ни одна из существующих англо-американских лингвистических или философских теорий. В этих дисциплинах метафора традиционно рассматривалась как периферийный концепт. У нас же, наоборот, было интуитивное ощущение, что она является центральным понятием, возможно, ключом к адекватному объяснению понимания.

Вскоре после нашей встречи мы решили совместно работать над небольшой (как мы думали) статьей, в которой хотели привести некоторые лингвистические доказательства недостаточности современных теорий значения. За неделю мы обнаружили, что некоторые предположения современной философии и лингвистики, считающиеся со времен «греков» бесспорными в западной философской традиции, препятствовали даже постановке вопросов, которые нам хотелось бы рассмотреть. Проблема заключалась не в том, чтобы расширить или улучшить какую-то существующую теорию значения, но в том, чтобы пересмотреть центральные установки западной философской традиции. В частности, это означало отрицание существования какой-либо объективной или абсолютной истины и множества связанных с нею теоретических положений. Это также означало необходимость формулировки альтернативного подхода, в котором центральную роль играли бы скорее человеческий опыт и понимание, чем объективная истина. В процессе создания книги мы выработали элементы эмпирического подхода не только к языку, истинности и пониманию, но и к проблеме значимости нашего повседневного опыта.

Беркли, Калифорния.
Июль, 1979 г.

Слова благодарности

Идеи не возникают из ничего. Важнейшие положения этой книги представляют собой синтез различных интеллектуальных традиций и демонстрируют влияние наших учителей, коллег, студентов и друзей. Кроме того, многие соображения появились как результат обсуждений буквально с сотнями людей. Мы не можем должным образом выразить нашу благодарность всем научным школам и ученым, которым это следовало бы сделать. Все, что мы можем — это перечислить некоторых из них и надеяться, что остальные поймут, что мы им тоже благодарны и ценим их. Вот некоторые из тех ученых, кто способствовал появлению идей этой книги.

Джон Роберт Росс и Тед Коэн во многом упорядочили наши представления о лингвистике, философии и жизни.

Пит Беккер и Шарлотта Линде натолкнули нас на идею о том, как люди связывают события своей жизни в единое целое.

Работы Чарльза Филлмора по семантике фреймов, идеи Терри Винограда о системах представления знаний и концепция сценариев Роджера Шенка подготовили основу оригинальной теории лингвистических гештальтов Джорджа, которые мы затем обобщили в концепции *эмпирических гештальтов*.

Наши взгляды на фамильное сходство, теорию категоризации, основанную на прототипах, и представления о неопределенности категоризации восходят к Людвигу Витгенштейну, Элеоноре Рош, Лотфи Заде и Джозефу Гогену.

Наши выводы о том, что язык отражает концептуальную систему его носителей, в значительной мере иницированы работами Эдварда Сепира, Бенджамина Ли Уорфа и других исследователей, работавших в рамках этой традиции.

Наши идеи о связи метафоры и ритуала родились из антропологической традиции Бронислава Малиновского, Клода Леви-Стросса, Виктора Тернера, Клиффорда Гиерца и других.

Наши представления о том, как формируется концептуальная система в результате нашего постоянного успешного функционирования в материальном и культурном окружении, частично возникли из традиции исследований в области развития человека, начатых Жаном Пиаже, а частью — из традиции экологической психологии, выросшей из трудов Дж. Дж. Гибсона и Джеймса Дженинса, особенно в том виде, как она изложена в работах Роберта Шоу, Майкла Турвей и других.

На наши взгляды о сущности наук о человеке сильно повлияли Пол Рикер, Роберт МакКоли и европейская философская традиция.

Сандра МакМоррис Джонсон, Джеймс Мелчерт, Ньютон и Элен Харрисон, Дэвид и Элли Антин помогли нам увидеть общее между нашим эстетическим опытом и другими аспектами человеческого бытия.

Дон Арбитблит обратил наше внимание на политические и экономические следствия наших идей.

И. С. Чианг позволил нам увидеть связь между телесным опытом и способами видения себя и мира.

Мы также очень многим обязаны современным ученым, разработавшим в мельчайших деталях философские идеи, против которых мы выступаем. Мы с уважением относимся к исследованиям Ричарда Монтегю, Сола Крипке, Дэвида Льюиса, Дональда Дэвидсона и других, так как их работы внесли существенный вклад в традиционные западные теории значения и истинности. Именно их уточнения традиционных философских понятий позволили нам увидеть, где мы не согласны с традицией, а где сохраняем ее элементы.

Наши утверждения в основном опираются на лингвистические доказательства. Многие из них, если не большинство, появились в результате дискуссий с коллегами, студентами и друзьями. Джон Роберт Росс, в частности, по телефону и по почте постоянно снабжал нас множеством примеров. Большая часть примеров из глав 16 и 17 принадлежит Клаудии Бругман, которая также оказала нам неоценимую помощь в подготовке рукописи. Авторами многих других примеров являются Дон Арбитблит, Джордж Бергман, Дуайт Болинджер, Анн Боркин, Метью Бронсон, Клиффорд Хилл, Д. К. Хулгейт III, Деннис Лав, Том Мандел, Джон Манлей-Бузер, Моника Маколей, Джеймс Д. МакКоли, Вильям Наги, Реза Нилипур, Джоэфф Нанберг, Маргарет Радер, Майкл Редди, Рон Силлиман, Ив Свитсер, Марта Тобей, Карл Циммер, а также студенты из университетов Калифорнии, Беркли и Художественного института Сан-Франциско.

Множество отдельных идей этой книги возникли из неформальных бесед. Мы особенно хотели бы поблагодарить в этой связи Джей Атлас, Пола Беннасерафа, Бетси Брандт, Дика Брукса, Ива Кларка, Херба Кларка, Дж. В. Коффмана, Алана Дундес, Гленна Эриксона, Чарльза Филлмора, Джеймса Гейсера, Лин Хинтон, Пола Кея, Леса Лампорта, Дэвида Льюиса, Джорджа МакКлюра, Джорджа Ранда, Джона Серля, Дана Слобина, Стива Тейнера, Лена Талми, Элизабет Воррен и Боба Виленски.

Глава 1

Концепты*, которыми мы живем

Для большинства людей метафора является инструментом поэтического воображения и риторических излишеств — частью какого-то особенного, а не повседневного языка. Более того, метафора обычно рассматривается как собственно языковая характеристика, связанная скорее со словами, чем с мышлением и деятельностью. По этой причине множество людей считает, что они прекрасно обходятся без метафор. Вопреки этому мнению мы обнаружили, что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична.

Концепты, которые управляют нашим мышлением, — не просто порождения ума. Они влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых тривиальных деталей. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям. Тем самым наша концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни. Если мы правы, предполагая, что наша концептуальная система в значительной степени метафорична, тогда то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре.

Однако в обычном случае концептуальная система не осознается. О большинстве мелочей, которые мы делаем каждый день, мы просто не думаем, и делаем их более или менее автоматически по определенным схемам. Что представляют собой эти схемы — не ясно. Один из способов изучения этого — наблюдение за особенностями функционирования языка. Так как коммуникация основывается на той же концептуальной системе, которая используется и в мышлении, и в деятельности, язык оказывается важным источником данных об этой системе.

Опираясь на собственно языковые факты, мы установили, что большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична. И мы нашли путь, позволяющий подробно исследовать, чем являются метафоры, структурирующие наше восприятие, мышление и деятельность.

* Здесь и далее английский термин *concept* переводится и словом «концепт», и словом «понятие». Синонимично используются и производные, например, прилагательные «концептуальный» и «понятийный». — *Прим. ред.*

Чтобы как-то объяснить, что означает метафоричность концепта и как он структурирует нашу повседневную деятельность, начнем с понятия ARGUMENT/СПОР и концептуальной метафоры ARGUMENT IS WAR/СПОР — ЭТО ВОЙНА. Эта метафора представлена в обыденном языке целым рядом выражений:

ARGUMENT IS WAR

СПОР — ЭТО ВОЙНА

Your claims are *indefensible*.

Ваши утверждения недоказуемы (букв. *незащитимы*).

He *attacked every weak point* in my argument.

Он *нападал на каждое слабое место* в моей аргументации.

His criticisms were *right on target*.

Его критические замечания *били точно в цель*.

I *demolished* his argument.

Я *разбил* его аргументацию.

I've never *won* an argument with him.

Я никогда не *побеждал* его в споре.

You disagree? Okay, *shoot!*

Вы не согласны? Хорошо, ваш *выстрел!*

If you use this *strategy*, he'll *wipe you out*.

Если вы используете эту *стратегию*, он вас *уничтожит*.

He *shot down* all of my arguments.

Он *разгромил* (букв. *расстрелял*) все мои аргументы.

Важно отметить, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны: мы действительно можем выиграть или проиграть спор. Мы рассматриваем человека, с которым спорим, как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем свои. Мы побеждаем или проигрываем. Мы разрабатываем и используем стратегии. Если мы обнаруживаем, что позицию невозможно защитить, мы можем покинуть ее и занять новую позицию для атаки. Множество вещей, которые мы *совершаем* в споре, частично структурированы концептом войны. Хотя реального сражения нет, есть словесное противостояние, и структура спора — атака, защита, контратака и т. п. — отражает это. Именно в этом смысле мы живем метафорой СПОР — ЭТО ВОЙНА в данной культуре; она структурирует наши действия в споре.

Попробуйте представить культуру, в которой споры не воспринимаются в терминологии военных действий, когда один участник выигрывает, а другой — проигрывает; где нет атаки и защиты, победы или поражения. Представьте культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники — как танцоры, а цель заключается в гармоничном и эстетически

привлекательном танце. В такой культуре люди по-другому будут относиться к спорам, по-другому их переживать, по-другому их вести и по-другому о них говорить. Для нас же это вообще не будет спором: просто эти люди будут делать нечто иное. Будет странным даже называть их действия «спором». Возможно, наиболее нейтральный способ описания различия между их культурой и нашей заключался бы в утверждении, что форма нашего дискурса структурирована в терминах битвы, а у них — в терминах танца.

Перед нами хороший пример того, что означает для метафорического понятия, а именно для концепта СПОР — ЭТО ВОЙНА, структурировать (по меньшей мере, частично) то, что мы делаем и как мы понимаем свои действия в споре. *Суть метафоры — это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида.* Это не означает, что споры — это разновидности войны. Споры и войны — это разные сущности: вербальный дискурс, и вооруженный конфликт, и производимые ими действия — это разные виды деятельности. Но мы частично структурируем, понимаем и говорим о СПОРЕ в терминах ВОЙНЫ. Концепт метафорически структурирован, деятельность метафорически структурирована и, следовательно, язык метафорически структурирован.

Более того, это *обычный* способ проведения и обсуждения спора. Для нас естественно говорить об атаке позиции, используя выражение *attack a position* 'атаковать позицию'. Конвенциональный способ обсуждения спора предполагает использование метафоры, которую мы вряд ли осознаем. Метафора не только в словах, которые мы используем, — она в самом понятии спора. Язык спора — не поэтический, причудливый или риторический; он — буквальный. Мы так говорим о спорах, потому что мы так их понимаем — и мы действуем так, как мы понимаем.

Итак, самое важное утверждение, которое мы сделали, — это то, что метафора принадлежит не только языку, т.е. не только словам. Мы утверждаем, что *процессы человеческого мышления* во многом метафоричны. Это то, что имеется в виду, когда мы говорим, что концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры. Метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека. Таким образом, когда в этой книге мы говорим о метафорах, таких как СПОР — ЭТО ВОЙНА, следует иметь в виду, что под *метафорой* подразумевается *метафорическое понятие*.

Глава 2

Системность метафорических концептов

Спор, как правило, строится по определенному образцу, т. е. что-то в споре обычно делается, а что-то нет. То, что мы частично концептуализируем спор в терминах военных действий, систематически влияет и на форму спора, и на рефлексию нашего поведения в споре. Так как метафорический концепт организован системно, то и язык, который мы используем, когда говорим о нем, также характеризуется свойством системности.

Мы видели, что в метафоре СПОР — ЭТО ВОЙНА выражения из военного лексикона, например *attack a position* 'атаковать позицию'; *indefensible* 'неудобный для обороны'; *strategy* 'стратегия'; *new line of attack* 'новое направление атаки'; *win* 'победить'; *gain ground* 'занять плацдарм' и т. п., формируют систему описания военной стороны спора. Неслучайно, что семантика, присущая этим выражениям, реализуется, когда мы говорим о споре. Некоторый фрагмент концептуальной сети военных действий частично переносится на концепт спора, и язык следует этому примеру. Так как метафорические выражения в языке системно соотнесены с метафорическими концептами, мы можем использовать метафорические выражения для изучения природы метафорических концептов и для понимания метафорической природы человеческой деятельности.

Для того, чтобы установить, каким образом метафорические выражения обыденного языка могут пролить свет на метафорическую природу понятий, которые структурируют нашу повседневную деятельность, рассмотрим метафорический концепт *TIME IS MONEY*/ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ в том виде, как он представлен в современном английском языке.

TIME IS MONEY

ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ

You're wasting my time.

Ты попусту *тратишь* мое время.

This gadget will save you hours.

Это устройство *экономит* тебе много времени.

I don't have the time to give you.

У меня нет времени для тебя (букв. *дать* тебе).

How do you spend your time these days?

Как ты провел (букв. *потратил*) время?

That flat tire cost me an hour.
Эта спустившаяся шина *стоила* мне часа.

I've *invested* a lot of time in her.
Я *потратил* (букв. *вложил, инвестировал*) на нее много времени.

I don't *have enough time to spare* for that.
У меня *недостаточно* времени на это (букв. *нет достаточно* времени *потратить* на это).

You're *running out* of time.
Твое время *истекает* (*истощается*).

You need to *budget* your time.
Тебе необходимо *рассчитывать* свое время.

Put aside some time for ping pong.
Выдели (букв. *накоти*) немного времени на пинг-понг.

Is that *worth you while*?
Стоит ли это вашего времени?

Do you *have much time left*?
Много ли времени у тебя *осталось*?

He is living on *borrowed* time.
Он живет *взаимы* (букв. *за счет занятого времени*).

You don't *use* your time *profitably*.
Ты не используешь свое время с пользой (букв. *прибыльно*).

I *lost* a lot of time when I got sick.
Я *потерял* много времени во время болезни.

Thank you for your time.
Спасибо за *потраченное* время.

Время в нашей культуре — ценность. Это ограниченный ресурс, который мы используем для достижения своих целей. Так как в современной западной культуре концепт РАБОТЫ обычно ассоциируется с потраченным на нее временем, а время может быть точно количественно определено, плата за труд, как правило, назначается за час, неделю или год. В нашей культуре метафора ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ выступает во многих облициях: как единица оплаты телефонных сообщений, почасовое жалование, плата за гостиничные номера, годовой бюджет, проценты по займам, выполнение общественных обязанностей, измеряемое потраченным на них временем. Эта практика относительно нова в истории человечества и существует не во всех культурах. Она появилась в современном индустриальном обществе и в значительной степени структурирует повседневную деятельность человека. Поскольку в нашей *деятельности* мы исходим из представления о времени как о ценности, сопоставимой с ограниченным ресурсом и даже деньгами, то мы и *воспринимаем* время таким образом. Мы понимаем и ощущаем время

как сущность, которая может быть потрачена впустую или с пользой, вложена мудро или бесполезно, как сущность, которую можно сохранить или растратить.

ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, TIME IS A RESOURCE/ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, и TIME IS A VALUABLE COMMODITY/ВРЕМЯ — ЭТО ЦЕННОСТЬ — это все метафорические концепты. Они метафоричны, так как мы используем свои практические знания о деньгах, об ограниченности ресурсов и ценностях для концептуализации времени. Это не единственный возможный для человека способ концептуализации времени; он связан с нашей культурой. Существуют культуры, в которых время не концептуализируется ни одним из этих способов.

Метафорические концепты ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС и ВРЕМЯ — ЭТО ЦЕННОСТЬ формируют особую систему, базирующуюся на субкатегоризации, так как в нашем обществе деньги являются ограниченным ресурсом, а ограниченный ресурс представляет собой ценность. Эти субкатегориальные отношения характеризуют отношения следования в метафорах. Из метафоры ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ следует метафора ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, из которой следует метафора ВРЕМЯ — ЭТО ЦЕННОСТЬ.

Мы используем наиболее специфичный метафорический концепт, в данном случае ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, для характеристики всей системы понятий. Из тех примеров, которые были отнесены к метафоре ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, некоторые связаны с собственно деньгами (spend 'тратить', invest 'вкладывать', budget 'рассчитывать', profitably 'прибыльно', cost 'стоить'), другие — с ограниченным ресурсом (use 'использовать', use up 'истратить', have enough of 'достаточно иметь чего-л.', run out of 'кончаться, иссякать'), третьи — с ценностью (have 'иметь', give 'давать', lose 'терять', thank you for 'благодарю тебя за что-л.'). Это пример того, как метафорические следствия (metaphorical entailments) могут характеризовать согласованную систему метафорических концептов и соответствующую им согласованную систему метафорических выражений.

Глава 3

Системность в метафорах: высвечивание и затемнение

Та же системность, которая позволяет нам осмыслять некоторый аспект одного концепта в терминах другого (например, интерпретировать спор как войну), с неизбежностью «затемняет» другие стороны этого концепта. Позволяя сфокусировать внимание на одном аспекте понятия (например, на «военной» стороне спора), метафора может препятствовать тому, чтобы мы заметили другие аспекты понятия, несовместимые с нею. Например, в пылу спора, намереваясь атаковать позиции противника и защищать свои, мы теряем из виду кооперативность спора. В некотором смысле тот, кто спорит с вами, в попытке достичь взаимопонимания тратит на вас принадлежащую ему ценность — свое время. Но когда идет война, сотрудничество теряется из виду.

Намного более сложный пример сокрытия метафорой нашего опыта — это то, что Майкл Редди назвал «метафорой канала связи» (CONDUIT METAPHOR). Редди заметил, что наши суждения о языке в самом общем виде структурируются следующей сложной метафорой:

IDEAS (or MEANINGS) ARE OBJECTS

ИДЕИ (или ЗНАЧЕНИЯ) — ЭТО ОБЪЕКТЫ

LINGUISTIC EXPRESSIONS ARE CONTAINERS

ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩА

COMMUNICATION IS SENDING

КОММУНИКАЦИЯ — ЭТО ПОСЛАНИЕ

Говорящий вкладывает идеи (объекты) в слова (вместилища) и посылает их (в послании) слушателю, который вынимает идеи/объекты из слов/вместилищ. Редди подтверждает это многочисленными примерами выражений английского языка различных типов (более сотни вариантов), которые, по его подсчетам, составляют около 70 процентов всех выражений, используемых по отношению к языку. Вот несколько примеров:

The CONDUIT Metaphor

Метафора КАНАЛА СВЯЗИ:

It's hard to *get* that idea *across* to him.

Трудно *донести* эти идеи до него.

I *gave* you that idea.

Я *подал* тебе эту идею.

Your reasons *came through* to us.

Ваши соображения *дошли* до нас.

It's difficult to *put* my ideas *into* words.

Трудно выразить мои идеи словами (букв. *вложить* в слова).

When you *have* a good idea, try to *capture* it immediately in words.

Когда у тебя появляется хорошая идея, постарайся сразу *воплотить* ее в слова (букв. *поймать* ее словами).

Try to *pack* more thought *into* fewer words.

Старайся быть кратким (букв. Постарайся *вложить* больше мыслей в меньшее количество слов).

You can't simply *stuff* ideas *into* a sentence any old way.

Нельзя говорить так же, как раньше (букв. Вы не можете просто *набить* предложение идеями любым старым способом).

The meaning is right there *in* the words.

Смысл прямо *в* словах.

Don't *force* your meanings *into* the wrong words.

Не *затихивайте* смысл *в* неподходящие слова.

His words *carry* little meaning.

В его словах мало смысла (букв. Его слова *несут* мало смысла).

The introduction *has* a great deal of thought *content*.

Во введении много важных соображений (букв. много смыслового *содержания*).

You words seem *hollow*.

Ваши слова кажутся *пустыми*.

The sentence is *without* meaning.

В предложении *нет* смысла.

The idea is *buried* in terribly dense paragraphs.

Идея *погребена* под совершенно идиотскими абзацами.

В таких примерах трудно обнаружить, что метафора что-то скрывает, не осознается даже сама метафора. Это настолько привычный способ восприятия языка, что иногда трудно представить себе, что что-то здесь не соответствует реальности. Но если посмотреть следствия из метафоры КАНАЛА СВЯЗИ, то можно установить, как она маскирует некоторые стороны коммуникативного процесса.

Во-первых, из метафоры ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ — это ВМЕСТИЛИЩА ЗНАЧЕНИЙ как одного из аспектов метафоры КАНАЛА СВЯЗИ следует, что слова и предложения сами по себе имеют значения, независимо от контекста или говорящего. Один из компонентов этой метафоры ЗНАЧЕНИЯ — ЭТО ОБЪЕКТЫ предполагает, например, что значения существуют

независимо от людей и контекстов. Из другой части метафоры КАНАЛА СВЯЗИ — ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ — это ВМЕСТИЛИЩА ЗНАЧЕНИЙ, следует, что слова (и предложения) имеют значения, опять-таки независимые от контекстов и говорящих. Эти метафоры применимы ко множеству ситуаций, а именно к таким случаям, когда различие контекстов не играет роли и все участники беседы понимают предложения одинаково. Эти два следствия могут быть проиллюстрированы примерами типа

The meaning is *right there in the words*.

Смысл *прямо в словах*.

которые в соответствии с метафорой КАНАЛА СВЯЗИ могут относиться к любому предложению. Но есть масса случаев, когда контекст оказывается существенным. Вот один из самых удачных примеров, записанный в реальной беседе Памелой Даунинг:

Please sit in the apple-juice seat.

букв. Пожалуйста, садитесь на место яблочного сока.

Если взять это предложение вне контекста, у него не будет значения, так как выражение apple-juice seat 'место яблочного сока' нельзя считать общепринятым способом указания на объект. Но у этого же предложения есть вполне разумный смысл в контексте, в котором оно было употреблено. Гость, оставшийся на ночь, спускается к завтраку. Стол с вечера был накрыт на четверых, напротив трех мест стоял апельсиновый сок, а напротив четвертого — яблочный. Тем самым вполне понятно, что имеется в виду под выражением apple-juice seat 'место яблочного сока'. И даже на следующее утро, когда яблочного сока уже нет, остается ясным, которое из мест за столом может быть названо apple-juice seat.

Кроме предложений, бессмысленных вне контекста произнесения, есть случаи, когда одно предложение имеет разный смысл для различных людей. Рассмотрим следующий пример:

We need new alternative sources of energy.

Нам нужны альтернативные источники энергии.

Эта фраза означает разное для президента нефтяной компании Mobil Oil и для главы экологического общества Friends of the Earth («Друзья природы»). Смысл этой фразы не заключен прямо в словах — важно, кто говорит или слушает и каковы их политические и социальные предпочтения. Метафора КАНАЛА СВЯЗИ не применима в тех случаях, когда необходимо обратиться к контексту, чтобы определить, есть ли у предложения смысл вообще, и если «да» — то какой.

Приведенные примеры показывают, что рассмотренные метафорические концепты обеспечивают лишь частичное понимание коммуникации, спора и времени, скрывая многие стороны этих понятий. Важно отметить, что метафорическое структурирование понятийных областей оказывается частичным, а не глобальным. Если бы оно было глобальным, то один

концепт *абсолютно совпадал* бы с другим, а не просто понимался в его терминах. Например, реально время — это не деньги. Если вы безуспешно *потратили время* в попытках что-то сделать, то вернуть потраченное время невозможно. Банков времени не существует. Я могу *потратить на вас много времени*, но вы не можете отдать мне обратно это же время, хотя можете *потратить на меня столько же времени*. И так далее. Таким образом, некоторая часть метафорически осмысляемого концепта не подходит и не может подходить соответствующей метафоре.

С другой стороны, метафорические концепты могут выйти за пределы обычного мышления и речи в область, которую можно назвать образным, поэтическим, красочным или фантастическим мышлением и языком. Таким образом, если идеи — это объекты, мы можем *обряжать их в причудливые наряды* (dress them up in fancy clothes), *жонглировать ими* (juggle them), *выстраивать их изящно и стройно* (line them up nice and neat) и т. п. Итак, когда мы говорим, что концепт структурирован метафорой, мы имеем в виду, что он частично структурирован и может быть расширен только в определенном направлении.

Глава 4

Ориентационные метафоры

До сих пор мы исследовали то, что можно назвать *структурными метафорами*, т. е. случаи, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого. Но есть другой вид метафорических концептов, не структурирующих один концепт в терминах другого, а организующих целую систему концептов относительно другой системы. Мы будем называть такие понятия *ориентационными метафорами*, так как многие из них связаны с ориентацией в пространстве: «верх—низ», «внутри—снаружи», «передняя сторона — задняя сторона», «на поверхности — с поверхности», «глубокий—мелкий», «центральный—периферийный». Такие типы пространственных отношений возникают вследствие того, что человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром. Ориентационные метафоры придают концепту пространственную ориентацию: например, HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ. То, что концепт СЧАСТЬЕ ориентирован на ВЕРХ, проявляется в английских фразах типа *I'm feeling up today* 'Я сегодня чувствую себя *на вершине* блаженства'.

Такие метафорические ориентации не произвольны. Они основаны на нашем физическом и культурном опыте. Хотя полярные противопоставления «верх—низ», «внутри—снаружи» и т. п. по сути являются физическими, основанные на них ориентационные метафоры различаются от культуры к культуре. Например, в некоторых культурах будущее находится как бы впереди нас, в других оно — за нами. Для примера рассмотрим метафоры пространственной ориентации типа «верх—низ», которые детально были изучены Уильямом Наги (1974). Для каждого случая мы постараемся дать приблизительное объяснение, как метафорический концепт мог возникнуть на основе нашего физического и культурного опыта. Эти объяснения имеют вероятностный характер, они правдоподобны, но не абсолютно точны.

HAPPY IS UP; SAD IS DOWN

СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ; ПЕЧАЛЬ — НИЗУ

I'm feeling up.

Я чувствую себя *на вершине* блаженства.

That boosted my spirits.

Это *подняло* мое настроение.

My spirits *rose*.

Мой дух *воспрял*.

You're in *high* spirits.

Вы в хорошем настроении (букв. в *высоком* духе).

Thinking about her always gives me a *lift*.

Мысли о ней всегда вызывают во мне *подъем*.

I'm feeling *down*.

Я расстроен (букв. чувствую себя *внизу*).

I'm *depressed*.

Я угнетен (букв. *опущен*).

He's really *low* these days.

Он сейчас действительно расстроен (букв. *внизу*).

I *fell* into a depression.

Я *впал* в депрессию (букв. *упал*).

My spirits *sank*.

Я *упал* духом.

Физическая основа: Склоненная поза человека обычно соотносится с печалью и депрессией, прямая поза — с позитивным эмоциональным состоянием.

CONSCIOUS IS UP; UNCONSCIOUS IS DOWN

СОЗНАНИЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ;

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ — ВНИЗ

Get *up*.

Поднимайся.

Wake *up*.

Проснись (букв. проснись *вверх*).

I'm *up* already.

Я уже *встал*.

He *rises* early in the morning.

Он *встает* рано утром.

He *fell* asleep.

Он заснул (букв. *упал* в сон).

He *dropped* off to sleep.

Он отошел ко сну (букв. *впал* в сон).

He's *under* hypnosis.

Он *под* гипнозом.

He *sank* into a coma.

Физическая основа: Люди и большинство других млекопитающих спят лежа и встают, когда просыпаются.

HEALTH AND LIFE ARE UP; SICKNESS AND DEATH ARE DOWN
ЗДОРОВЬЕ И ЖИЗНЬ ОРИЕНТИРОВАНЫ НАВЕРХ;
БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ — ВНИЗ

He's at the *peak* of health.

Он на *пике* здоровья.

Lazarus *rose* from the dead.

Лазарь *восстал* из мертвых.

He's in *top* shape.

Он в лучшей форме (букв. в *верхней* форме).

As to his health, he's way *up* there.

Что касается здоровья, то он *выздоровливает* (букв. находится на дороге *вверх*).

He *fell* ill.

Он заболел (букв. *упал* в болезнь).

He's *sinking* fast.

Он быстро *угасает* (букв. *погружается*).

He came *down* with the flu.

Он *свалился* с гриппом.

His health is *declining*.

Он чахнет (букв. его здоровье *падает*).

He *dropped* dead.

Он умер (букв. *упал* мертвым).

Физическая основа: Серьезные болезни заставляют нас лежать.
Мертвый падает, лежит в могиле и т. п.

HAVING CONTROL OR FORCE IS UP;
BEING SUBJECT TO CONTROL OR FORCE IS DOWN
ВЛАСТЬ И СИЛА ОРИЕНТИРОВАНЫ НАВЕРХ;
ПОДЧИНЕНИЕ КОНТРОЛЮ ИЛИ СИЛЕ — ВНИЗ

I have control *over* her.

Она у меня в руках (букв. У меня есть *над* ней контроль).

I am on *top* of the situation.

Я управляю ситуацией (букв. на *вершине* ситуации).

He's in *superior* position.

Он в лучшем (букв. *превосходящем*) положении.

He's at the *height* of his power.

Он на *вершине* своей власти.

He's in the *high* command.

Он высокопоставленный чиновник (букв. Он *высоко* командует).

He's in the *upper* echelon.

Он в *верхнем* эшелоне власти.

His power *rose*.

Его власть *возросла*.

He ranks *above* me in strength.

Он сильнее меня (букв. рангом *выше* по силе).

He is *under* my control.

Он у меня *под* контролем.

He *fell* from power.

Он *потерял* силу (букв. *упал* из силы).

His power is on the *decline*.

Его власть *ослабевает* (букв. *падает*).

He is my social *inferior*.

Его социальное положение *ниже* моего.

He is *low* man on the totem pole.

Он занимает *низкое* положение в тотемистической иерархии.

Физическая основа: Физический размер, как правило, связан с физической силой, и победитель в схватке обычно находится наверху.

MORE IS UP; LESS IS DOWN

БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ; МЕНЬШЕ — ВНИЗ

The number of books printed each year keeps going *up*.

Ежегодно *растет* число публикуемых книг (букв. *идет вверх*).

His draft number is *high*.

Его доля *высока*.

My income *rose* last year.

В прошлом году мой доход *вырос*.

The amount of artistic activity in this state has gone *down* in the past year.

Количество культурных мероприятий в этом штате в прошлом году *снизилось*.

The number of errors he made is incredibly *low*.

Он сделал невероятно мало ошибок (букв. число ошибок невероятно *низко*).

His income *fell* last year.

В прошлом году его доход *снизился*.

He is *underage*.

Он несовершеннолетний (букв. *под* возрастом).

If you're too hot, turn the heat *down*.

Если слишком жарко, уменьшите отопление (букв. направь тепло *вниз*).

Физическая основа: Если вы добавляете некоторое количество субстанции или физических объектов во вместилище или в кучу, уровень содержимого вместилища растёт, а куча увеличивается.

FORESEEABLE FUTURE EVENTS ARE UP (and AHEAD)

ПРЕДСКАЗУЕМЫЕ БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ — НАВЕРХУ (и ВПЕРЕДИ)

All *up* coming events are listed in the paper.

Все будущие (букв. идущие *вверх*) события перечислены в документе.

What's coming *up* this week?

Что будет на этой неделе? (букв. *идет вверх*).

I'm afraid of what's *up ahead* of us.

Я боюсь того, что с нами будет (букв. находится *наверху впереди*).

What's *up*?

Что происходит? (букв. Что *наверху*?).

Физическая основа: Обычно мы смотрим туда, куда движемся (вперед, вдаль). Когда объект приближается к человеку (или человек приближается к объекту), объект кажется больше. Поскольку поверхность земли воспринимается как неподвижная, то с точки зрения наблюдателя верхняя часть объекта при перемещении как бы движется наверх.

HIGH STATUS IS UP; LOW STATUS IS DOWN

ВЫСОКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ;

НИЗКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС — НИЗУ

He has a *lofty* position.

У него очень *высокое* положение.

She'll *rise* to the *top*.

Она достигнет больших *высот*.

He's at the *peak* of his career.

Он *наверху* своей карьеры.

He's *climbing* the ladder.

Он делает карьеру (букв. *поднимается* по лестнице).

He has little *upward* mobility.

У него мало пробивной силы для карьеры (букв. Он обладает малой *восходящей* мобильностью).

He's at the *bottom* of the social hierarchy.

Он находится на *дне* социальной иерархии.

She *fell* in status.

Ее статус *понижился*.

Социальная и физическая основа: Статус связывается с (социальной) силой/властью, а (физическая) сила — ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ.

GOOD IS UP; BAD IS DOWN**ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ; ПЛОХОЕ — ВНИЗ**

Things are looking *up*.

Дела улучшаются (букв. смотрят *вверх*).

We hit a *peak* last year, but it's been *downhill* ever since.

Мы достигли *вершины* в прошлом году, но с тех пор дела ухудшаются (букв. идут *под гору*).

Things are at an all-time *low*.

Дела на небывало *низком* уровне.

He does *high*-quality work.

Он делает *высококачественную* продукцию.

Физическая основа для личного процветания: счастье, здоровье, жизнь и власть — т. е. то, что по большей части характеризует лучшее для человека — все **ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ**.

VIRTUE IS UP; DEPRAVITY IS DOWN**ДОБРОДЕТЕЛИ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХ; ПОРОЧНОСТИ — НИЗ**

He is *high*-minded.

Он *великодушен* (букв. *высокодушен*).

She has *high* standards.

У нее *высокие* требования.

She is *upright*.

Она честна (букв. *вертикальна*).

She is an *upstanding* citizen.

Она *прямой* человек.

That was a *low* trick.

Это была *низкая* уловка.

Don't be *underhanded*.

Будьте искренни (букв. Не будьте *под руками*).

I wouldn't *stoop* to that.

Я не *опущусь* до этого (букв. не *наклонюсь*).

That would be *beneath* me.

Это было бы недостойно меня (букв. *ниже* меня).

He *fell* into the *abyss* of depravity.

Он *погряз* в пороке (букв. *упал в тучину* порока).

That was a *low-down* thing to do.

Это был *низкий* поступок.

Физическая и социальная основа метафоры: **ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ** для любого человека (физическая основа); вместе с метафорой, которую мы обсудим ниже, **ОБЩЕСТВО — ЭТО ЛИЧНОСТЬ** (в случае,

когда человек не отождествляет себя с обществом). Быть добродетельным — значит действовать в соответствии с нормами, установленными обществом/личностью для поддержания его благополучия. ДОБРОДЕТЕЛЬ интерпретируется как ВЕРХ, так как добродетельное поведение, с точки зрения общества/личности, соответствует социальному благоденствию. Поскольку социально мотивированные метафоры являются частью культуры, важна именно точка зрения общества/личности.

RATIONAL IS UP; EMOTIONAL IS DOWN
РАЦИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ;
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ — ВНИЗ

The discussion *fell to the emotional level*, but I *raise* it back up to the rational plane.

Дискуссия *опустилась на эмоциональный уровень*, но я опять *поднял* ее на уровень рационального.

We put our *feelings* aside and had a *high-level intellectual* discussion of the matter.

Мы оставили *чувства* в стороне и провели *высокоинтеллектуальное* обсуждение вопроса.

He couldn't *rise above* his emotions.

Он не мог стать *выше* своих эмоций.

Физическая и культурная основа: в нашей культуре считается, что люди, благодаря своей уникальной способности мыслить, осуществляют контроль над животными, растениями и объектами материального мира, что позволяет им стоять над животными и иметь над ними власть. Таким образом, метафора ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ образует основу для метафоры MAN IS UP/ЧЕЛОВЕК — ЭТО ВЕРХ и, следовательно, для метафоры РАЦИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ.

Выводы

Рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы относительно эмпирического основания, согласованности и системности метафорических концептов:

- Большинство наших фундаментальных концептов организованы с помощью одной или более пространственных метафор.
- Каждая пространственная метафора обладает внутренней системностью. Например, метафора СЧАСТЬЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, скорее, характеризует согласованную систему понятий, нежели несколько изолированных и случайных случаев. (Примером несогласованной системы мог бы быть такой случай, когда, скажем, фраза I'm feeling up 'Я чувствую себя на верху блаженства' означала бы 'Я счастлив', а выражение My spirits rose 'Мой дух воспрял (букв. возрос)' означало бы 'Я становлюсь печальнее'.)

- Различным пространственным метафорам присуща общая внешняя системность, которая и определяет их согласованность. Так, метафора ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ задает ориентацию НАВЕРХ для общего позитивного состояния, и эта ориентация прослеживается в таких частных примерах, как: HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, HEALTH IS UP/ЗДОРОВЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, ALIVE IS UP/ЖИВОЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, CONTROL IS UP/КОНТРОЛЬ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ. Метафора STATUS IS UP/[ВЫСОКИЙ] СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ согласуется с метафорой CONTROL IS UP/КОНТРОЛЬ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ.
- Пространственные метафоры коренятся в нашем физическом и культурном опыте, а не устанавливаются произвольным образом. Метафора может служить средством понимания концепта только благодаря своей эмпирической природе. (Некоторые сложности, связанные с эмпирической природой метафор, обсуждаются в следующей главе.)
- Метафора может иметь множество физических и социальных оснований. Представляется, что согласованность внутри общей системы частично предопределяет выбор той или иной основы. Например, имеется тенденция связывать счастье в физической сфере с улыбкой и общим чувством экспансивности¹⁾. Это в принципе могло бы создать основу для метафоры HAPPY IS WIDE/СЧАСТЬЕ — ШИРОКОЕ; SAD IS LOW/ПЕЧАЛЬ — УЗКОЕ. И действительно, обнаруживается некоторое количество метафорических выражений типа *I'm feeling expansive* 'Я экспансивен'²⁾, которые высвечивают иную сторону счастья по сравнению с *I'm feeling up* 'Я чувствую себя на вершине блаженства'. Но в нашей культуре основная метафора все же HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, и именно поэтому мы говорим о пике экстаза, а не о широте экстаза. Метафора HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ полностью согласована с метафорами GOOD IS UP/ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, HEALTHY IS UP/ЗДОРОВЬЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ и т. п.
- В некоторых случаях пространственные отношения оказываются настолько важной частью концепта, что трудно представить себе какую-нибудь другую метафору, которая могла бы его структурировать. В нашем обществе таким понятием является «высокий статус». В других случаях, таких как, например, концепт «счастье», это выражено менее явно. Независим ли концепт счастья от метафоры HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ или пространственная ориентация счастья «верх—низ» образует часть этого концепта? Как кажется, это часть концепта в данной понятийной системе. Метафора HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ помещает счастье в согласованную систему метафор, и часть семантики понятия счастья вытекает из его роли в этой системе.

¹⁾ Здесь имеется в виду такое понимание экспансивности (*expansiveness*), при котором обращается внимание на неспособность сдерживать свои чувства: сила выражения чувств переходит некоторый стандарт, принятый в обществе. — *Прим. ред.*

²⁾ В указанном выше значении: *I'm feeling expansive*, т. е. мои чувства выходят наружу, переходя границу нормы. Отсюда семантические эффекты обсуждаемой метафоры. — *Прим. ред.*

- Так называемые чисто интеллектуальные концепты, например, понятия научной теории, часто (а, возможно, и всегда) основаны на метафорах с физическим и/или культурным основанием. Использование прилагательного high 'высокий' в словосочетании high-energy particles 'частицы высоких энергий' основано на метафоре MORE IS UP/БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ. Наличие этого же прилагательного в термине физиологической психологии high-level functions 'функции высокого уровня' базируется на метафоре RATIONAL IS UP/РАЦИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ. Присутствие слова low 'низкий' в словосочетании low-level phonology 'фонология низкого уровня' (фонология, которая занимается подробным описанием фонетической стороны звуковых систем языков) мотивировано метафорой MUNDANE REALITY IS DOWN/ЗЕМНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВНИЗ (как в выражении down to earth 'приземленный, букв. направленный вниз к земле'). Интуитивная привлекательность научной теории зависит от того, насколько хорошо ее метафоры соответствуют опыту человека.
- Наш физический и культурный опыт предоставляет множество различных оснований для пространственных метафор. То, какие из этих оснований будут выбраны и какие станут базовыми, варьируется от одной культуры к другой.
- Материальное основание метафоры неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами.

Эмпирические основания метафор

Об эмпирических основаниях метафор известно сравнительно немного. Именно по этой причине мы описывали метафоры отдельно, лишь затем добавляя гипотетические замечания о возможных эмпирических основаниях метафоризации. Мы используем такую форму изложения не из принципиальных соображений, а из-за недостатка наших знаний. *В действительности мы осознали, что ни одну метафору нельзя понять или адекватно описать изолированно, без учета ее эмпирических оснований.* Например, эмпирическое основание метафоры MORE IS UP/БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ существенно отличается от эмпирического основания метафор HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ или RATIONAL IS UP/РАЦИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ. Хотя концепт ВЕРХ во всех этих метафорах одинаков, эмпирические знания, на которых основываются метафоры этой группы, весьма различны. Это не означает, что существует много различных понятий ВЕРХ; скорее, вертикальное измерение различными способами вторгается в область нашего опыта и таким образом порождает множество разных метафор.

Чтобы подчеркнуть неотделимость метафор от их эмпирических оснований, можно было бы встроить эмпирические основания в сами репрезентации метафор. Таким образом, вместо репрезентаций MORE IS UP/БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ и RATIONAL IS UP/РАЦИОНАЛЬНОЕ

ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, можно было бы на диаграмме отображать более сложные отношения.

Такое представление позволило бы обратить внимание на то, что две части каждой из метафор связаны только через эмпирические основания, и лишь благодаря эмпирическому основанию метафора может служить средством понимания.

Только потому, что наши знания об опытных основаниях метафор незначительны, мы отказываемся от подобных репрезентаций. Мы и далее используем слово *is*³⁾ 'есть' в формулировке таких метафор, как БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, но слово *is* следует воспринимать как сокращенное обозначение некоторых элементов эмпирического опыта, на котором основывается метафора и в терминах которого мы ее понимаем.

Роль эмпирического основания важна в понимании метафор, которые плохо соответствуют друг другу, так как они базируются на разных видах эмпирического опыта. Возьмем, например, метафору UNKNOWN IS UP/НЕИЗВЕСТНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ; KNOWN IS DOWN/ИЗВЕСТНОЕ — ВНИЗ. Примеры таковы: *That's up in the air* 'Это носится в воздухе' (букв. *вверху в воздухе*) и *The matter is settled* 'Вопрос решен'⁴⁾. Опытная основа этой метафоры очень похожа на UNDERSTANDING IS GRASPING/ПОНИМАНИЕ — ЭТО СХВАТЫВАНИЕ, как в выражении *I couldn't grasp his explanation* 'Я не могу ухватить суть его объяснения'. В мире материальных объектов если вы можете схватить нечто и удержать это нечто в руках, то у вас появляется возможность внимательно рассмотреть эту вещь и составить довольно хорошее представление о ней.

³⁾ В переводе в этих случаях используется тире (часто в сочетании с местоимением *это*) или глагол *ориентировать*. — Прим. ред.

⁴⁾ В одном из пространственных значений глагола *settle* букв. 'опущен'. — Прим. ред.

Проще схватить и внимательно рассмотреть что-либо, если оно находится на земле в фиксированном положении, чем если этот объект плавает в воздухе (как листок дерева или клочок бумаги). Таким образом, метафоры UNKNOWN IS UP/НЕИЗВЕСТНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ; KNOWN IS DOWN/ИЗВЕСТНОЕ — ВНИЗ связаны с метафорой ПОНИМАНИЕ — ЭТО СХВАТЫВАНИЕ.

Однако метафора UNKNOWN IS UP/НЕИЗВЕСТНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ не связана с такими метафорами, как ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ; ПЛОХОЕ — ВНИЗ и FINISHED IS UP/ЗАКОНЧЕННОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ (как в примере *I'm finishing up* 'Я заканчиваю (букв. заканчиваю *вверх*)'). Можно было бы ожидать, что FINISHED/ЗАКОНЧЕННЫЙ соответствует KNOWN/ИЗВЕСТНЫЙ, а UNFINISHED/НЕЗАКОНЧЕННЫЙ соответствует UNKNOWN/НЕИЗВЕСТНЫЙ. Но в случае с вертикально ориентированными метафорами это не так. Причина заключается в том, что метафоры UNKNOWN IS UP/НЕИЗВЕСТНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ и ЗАКОНЧЕННОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ имеют различные эмпирические основания.

Глава 5

Метафора и непротиворечивость культуры

Наиболее фундаментальные культурные ценности согласуются с метафорической структурой основных концептов этой культуры. В качестве примера рассмотрим некоторые суждения о культурных ценностях нашего общества, которые согласуются с пространственными метафорами типа ВЕРХ—НИЗ, при том что понятия, противоположные этим ценностям — не согласуются.

«Большее — лучше» согласуется с метафорами

БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ и

ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ.

«Меньшее — лучше» не согласуется с ними.

«Более крупное — лучше» согласуется с метафорами

БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ и

ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ.

«Более мелкое — лучше» не согласуется с ними.

«Будущее будет лучше» согласуется с метафорами

БУДУЩЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ и

ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ.

«Будущее будет хуже» — не согласуется с ними.

«В будущем будет больше» согласуется с метафорами

БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ и

БУДУЩЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ.

«В будущем ваш статус повысится» согласуется с метафорами

ВЫСОКИЙ СТАТУС — ЭТО ВЕРХ и

БУДУЩЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ.

Эти ценности глубоко коренятся в нашей культуре. Сентенция «будущее будет лучше» представляет собой базовую идею прогресса. Частные случаи утверждения «в будущем будет больше» — это накопление товаров и увеличение заработка. Высказывание «в будущем ваш статус повысится» является лозунгом карьеризма. Эти суждения о ценностях согласованы с нашими пространственными метафорами; а суждения, обратные им, — нет. Таким образом, похоже, что наши ценности не автономны; они вместе с метафорическими понятиями, которыми мы живем, должны формировать непротиворечивую систему. Мы не утверждаем, что все культурные ценности, связанные с метафорической системой, действительно

существуют, мы лишь считаем, что те ценности, которые существуют и глубоко укоренились в культуре, согласованы с системой метафор.

Приведенные выше ценности в общем случае значимы для нашей культуры — при прочих равных условиях. Но поскольку обычно условия неравны, то между ценностями часто возникают конфликты, а тем самым и между метафорами, связанными с ними. Для объяснения таких конфликтов между ценностями (и связанными с ними метафорами) необходимо определить приоритеты ценностей и метафор в тех субкультурах, где они бытуют. Например, метафора БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, как кажется, всегда имеет приоритет, так как у нее наиболее очевидное физическое основание. Приоритетность метафоры БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ над метафорой ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ можно заметить на таких примерах, как *Inflation is rising* 'Инфляция растет (букв. поднимается)' и *The crime rate is going up* 'Преступность растет'. Очевидно, что инфляция и преступность — это плохо, однако данные предложения обладают присущим им смыслом в силу того, что метафора БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ более приоритетна.

В общем случае приоритет ценностей частично определяется субкультурой, в которой живет человек, а частично — его личными предпочтениями. Различным субкультурам культуры всего общества в целом (*mainstream culture*) присущи одни и те же базовые ценности, однако каждая субкультура задает для них различные приоритеты. Например, представление BIGGER IS BETTER/БОЛЕЕ КРУПНОЕ — ЛУЧШЕ может вступать в конфликт с представлением В БУДУЩЕМ БУДЕТ БОЛЬШЕ в ситуации, когда приходится делать выбор между покупкой в данный момент времени большой машины с выплатами, которые будут съедать зарплату в будущем, и покупкой меньшей, но более дешевой машины. В Америке есть субкультуры, в которых покупается большая машина и никто не заботится о будущем, а есть и такие, в которых будущее — очень важно, и там, скорее, купят маленькую машину. Было время (перед инфляцией и энергетическим кризисом), когда иметь маленькую машину означало иметь более высокий статус в субкультуре, где представления VIRTUE IS UP/ДОБРОДЕТЕЛИ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХ и SAVING RESOURCES IS VIRTUOUS/СОХРАНЕНИЕ РЕСУРСОВ ДОБРОДЕТЕЛЬНО были более приоритетны, чем БОЛЕЕ КРУПНОЕ — ЛУЧШЕ. Сейчас число владельцев маленьких машин резко увеличилось, потому что появилась многочисленная субкультура, в которой идея SAVING MONEY IS BETTER/ЭКОНОМИТЬ ДЕНЬГИ — ЛУЧШЕ более важна, чем БОЛЕЕ КРУПНОЕ — ЛУЧШЕ.

Помимо субкультур, в обществе есть социальные группы, для которых определяющим началом является следование некоторым важным ценностям, вступающим в конфликт с ценностями магистральной культуры (*mainstream culture*). То, что они сохраняют другие ценности, менее очевидно. Для примера возьмем монашеский орден траппистов. В этом обществе представления МЕНЬШЕЕ — ЛУЧШЕ и БОЛЕЕ МЕЛКОЕ — ЛУЧШЕ

верны по отношению к материальным благам, которые рассматриваются как помеха чему-то более значимому, а именно служению Господу. Трапписты разделяют ценностную категорию основной культуры ДОБРОДЕТЕЛИ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХ, придавая ей наивысшую значимость и определяя ее особым образом. Принцип БОЛЬШЕЕ — ЛУЧШЕ продолжает действовать, но применяется только к добродетели; остается в силе и ценностное представление ВЫСОКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, хотя и он относится не к этому миру, а к высшему — к Царству Божию. Более того, сентенция БУДУЩЕЕ БУДЕТ ЛУЧШЕ верна в сфере духовного роста (ВЕРХ) и в конечном счете спасения души (поистине ВЕРХ). Это типично для социальных групп, находящихся вне культуры мейнстрима. Добродетель, доброта и статус могут пониматься совершенно по-другому, но они все же остаются в позиции ВЕРХА. Все же лучше иметь больше того, что считается важным; принцип БУДУЩЕЕ БУДЕТ ЛУЧШЕ продолжает действовать относительно того, что важно, и т. п. С точки зрения того, что важно для монашеского ордена, система ценностей остается внутренне согласованной и коррелирует с основными ориентационными метафорами магистральной культуры.

У отдельных людей, как и у групп, приоритеты и понимание хорошего или добродетельного могут варьироваться. В этом смысле человек может рассматриваться как подгруппа, состоящая из одного члена. В рамках того, что для человека важно, его система индивидуальных ценностей согласовывается с основными ориентационными метафорами магистральной культуры.

Не во всех культурах приоритетность определяется ориентацией «верх—низ», как это присуще нашей культуре. В некоторых культурах куда более важную роль играют категории «баланса» и «центральности». Или возьмем непространственную ориентацию «активное—пассивное». В целом для нас понятия ACTIVE IS UP/АКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНО НАВЕРХ и PASSIVE IS DOWN/ПАССИВНОЕ — ВНИЗ вполне осмысленны. Но есть культуры, в которых пассивность ценится выше, чем активность. Вообще основные ориентационные категории «верх—низ», «внутри—снаружи», «центральное—периферийное», «активное—пассивное» и т. п., по-видимому, встречаются во всех культурах, но то, как концепты ориентированы и какие ориентации важнее, в разных культурах различно.

Онтологические метафоры

Метафоры сущности и субстанции

Такие пространственные категории, как «верх—низ», «спереди—сзади», «нахождение где-л. — удаление от чего-л.» (on-off), «центр—периферия» и «близкое—далекое», обеспечивают исключительно богатую основу для осмысления концептов в терминах ориентации. Однако концептуализация с помощью пространственных категорий имеет свои пределы. Наш опыт обращения с физическими объектами и веществами формирует другую основу для понимания, выходящую за рамки простой ориентации. Понимание нашего опыта в терминах объектов и веществ позволяет нам вычленять части опыта и обращаться с ними, как с единообразными дискретными сущностями или веществами. Стоит только отождествить части нашего опыта с объектами или веществами, появляется возможность ссылаться на них, относить их к определенным категориям, группировать и определять их количество — и тем самым размышлять о них.

Когда объекты недискретны или неразграничены, мы все же их классифицируем как четко определенные или разграниченные; таковы, например, горы, углы улиц, изгороди и т. п. Такой способ восприятия феноменов материального мира необходим для достижения определенных целей: установления местоположения гор, достижения договоренности о встречах на углах улиц, подрезания живых изгородей. Целеполагание в человеческой деятельности обычно требует проведения искусственных границ между материальными феноменами, что делает их таким же дискретными, как и мы сами: сущностями, ограниченными поверхностью.

Подобно тому как опыт пространственной ориентации человека порождает ориентационные метафоры, опыт обращения с материальными объектами (особенно с нашим собственным телом) создает основу для исключительно широкого разнообразия онтологических метафор, т. е. способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т. п., как материальных сущностей и веществ.

Онтологические метафоры служат разным целям, и разнообразные виды метафор отражают разные цели. Возьмем, например, опыт человека, относящийся к феномену повышения цен, который можно метафорически представить как автономную сущность с помощью существительного inflation 'инфляция'. Это позволяет нам при обсуждении инфляции ссылаться на опыт:

INFLATION IS AN ENTITY

ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО СУЩНОСТЬ¹⁾

Inflation is lowering our standard of living.

Инфляция снижает наш уровень жизни.

If there's much more inflation, we'll never survive.

Если инфляция увеличится, мы не выживем.

We need to combat inflation.

Нам нужно бороться с инфляцией.

Inflation is backing us into a corner.

Инфляция загоняет нас в угол.

Inflation is taking its toll at the checkout counter and the gas pump.

Инфляция наносит тяжелый урон и в магазине (букв. на контрольном прилавке в магазине), и на заправочной станции.

Buying land is the best way of dealing with inflation.

Покупка земли — лучший способ бороться с инфляцией.

Inflation makes me sick.

Инфляция мне надоедает.

В этих случаях рассмотрение инфляции как автономной сущности позволяет нам ссылаться на нее, определять ее количество, выделять ее определенные стороны, видеть в ней причину чего-л., действовать с ее учетом и, возможно, даже верить, что мы ее понимаем. Такие онтологические метафоры необходимы для попыток рационального осмысления нашего опыта.

Количество онтологических метафор, используемых для подобных целей, огромно. Предлагаемый ниже список дает некоторое представление о том, какие это могут быть цели. Кроме того, приводятся также метафоры, соответствующие этим целям.

*Referring**'Отсылка к номинации'*

My fear of insects is driving my wife crazy.

Мой страх перед насекомыми сводит жену с ума.

¹⁾ Перевод метафоры INFLATION IS AN ENTITY как ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО СУЩНОСТЬ в данном контексте не вполне точен. Русское слово *сущность* относится к чему-то нематериальному и абстрактному. Между тем сфера употреблений англ. слова *entity* в этом отношении шире. Например, оно стандартно используется в примерах типа *legal entity* 'юридическое лицо', *economic entity* 'экономический объект, объект экономических отношений'. В рассматриваемой метафоре речь идет именно об этом аспекте семантики слова *entity* — об 'отдельности, автономности' — свойстве, характерном, скорее, для объекта (см. также приводимые Дж. Лакоффом и М. Джонсоном примеры). Иными словами, метафору INFLATION IS AN ENTITY уместнее переводить как ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО АВТОНОМНАЯ СУЩНОСТЬ. — *Прим ред.*

That was a *beautiful catch*.
Это была *превосходная уловка*.

We are working toward *peace*.
Мы работаем для достижения *мира*.

The *middle class* is a *powerful silent force* in *American politics*.
Средний класс — *влиятельная молчаливая сила* в *американской политике*.

The *honor of our country* is at stake in this war.
Ставка в этой войне — *честь нашей страны*.

Quantifying

'Количественная оценка'

It will take a *lot of patience* to finish this book.
Для окончания этой книги потребуется *много терпения*.

There is *so much hatred* in the world.
В мире *так много ненависти*.

Du Pont has a *lot of political power* in Delaware.
Дюпон обладает *большим политическим влиянием* в Делавере.

You've got *too much hostility* in you.
В тебе *слишком много враждебности*.

Pete Rose has a *lot of hustle and baseball know-how*.
У Пита Роса *много энергии и знаний о бейсболе*.

Identifying Aspects

'Определение аспекта рассмотрения'

The *ugly side of his personality* comes out under pressure.
В сложной ситуации проявляется *безобразная сторона его личности*.

The *brutality of war* dehumanizes us all.
Жестокость войны делает всех нас бесчеловечными.

I can't keep up with the *pace of modern life*.
Я не успеваю за *темпом современной жизни*.

His *emotional health* has deteriorated recently.
В последнее время его *эмоциональное здоровье* ухудшилось.

We never got to feel the *thrill of victory* in Vietnam.
Нам никогда не приходилось чувствовать *волнение победы* во Вьетнаме.

Identifying Causes

'Определение причин'

The *pressure of his responsibilities* caused his breakdown.
Груз обязательств привел его к срыву.

He did it out of *anger*.
Он сделал это от *злости*.

Our influence in the world has declined because of our *lack of moral fiber*.
Наше влияние в мире уменьшилось из-за *недостатка морали*.

Internal dissention cost them the pennant.
Внутренние разногласия стоили им потери призового вымпела.

Setting Goals and Motivating Actions *‘Определение целей и мотивация действий’*

He went to New York to *seek fame and fortune*.
Он отправился в Нью-Йорк в поисках *славы и счастья*.

Here's what you have to do to *insure financial security*.
Вот что ты должен сделать для *обеспечения финансовой безопасности*.

I'm changing my way of life so that I can *find true happiness*.
Я меняю свой образ жизни, чтобы *найти настоящее счастье*.

The FBI will act quickly in the face of *threat to national security*.
ФБР будет действовать быстро перед лицом *угрозы национальной безопасности*.

She saw getting married as the *solution to her problems*.
В замужестве она видела *решение своих проблем*.

Как и в случае с ориентационными метафорами, метафоричность большинства этих выражений не осознается. Одна из причин этого заключается в том, что онтологические метафоры, как и ориентационные, служат ограниченному набору целей — отсылке к номинации, количественной оценке и т. п. Простой взгляд на нематериальное как на автономную сущность или субстанцию отнюдь не гарантирует исчерпывающего понимания. Но онтологические метафоры можно развивать дальше. Вот два примера того, как онтологическая метафора THE MIND IS AN ENTITY/РАЗУМ²⁾ — АВТОНОМНАЯ СУЩНОСТЬ развивается в нашей культуре.

THE MIND IS A MACHINE РАЗУМ — ЭТО МАШИНА

We're still trying to *grind out* the solution to this equation.
Мы все еще пытаемся *выработать* решение этого уравнения (букв. *выточить*).

My mind just isn't *operating* today.
У меня просто сегодня не *работает* голова (букв. ум/разум).

²⁾ Английское слово *mind* не имеет однословного перевода на русский язык. В рассматриваемых контекстах оно понимается либо как «ум/разум», либо как «дух/душа». Русский перевод английской метафоры выбирается в зависимости от обсуждаемых примеров. — Прим. ред.

Boy, the *wheels* are *turning* now!
Слушай, колесики-то крутятся!³⁾

I'm a little *rusty* today.
Я сегодня медленно соображаю (букв. заржавел).

We've been working on this problem all day and now we're *running out of steam*.
Мы работали над этой проблемой весь день, и теперь у нас *иссяк* весь пар.

THE MIND IS A BRITTLE OBJECT ДУША — ЭТО ХРУПКИЙ ОБЪЕКТ

Her ego is very *fragile*.
У нее очень *хрупкая* душа (букв. Ее «я» очень *хрупкое*).

You have to *handle him with care* since his wife's death.
Вы должны *осторожно обращаться с ним* после смерти его жены.

He *broke* under cross-examination.
Он *сломался* под перекрестным допросом.

She is *easily crushed*.
Она *легко поддается давлению*.

The experience *shattered* him.
Это переживание *разрушило* его.

I'm *going to pieces*.
Я *разваливаюсь на куски*.

His mind *snapped*.
Его рассудок *сломался*.

Эти метафоры связаны с различными видами объектов. Они формируют различные метафорические модели разума и души и тем самым дают возможность обратить внимание на различные аспекты ментального опыта. Метафора МАШИНЫ создает представление о разуме как об устройстве, которое характеризуется фазами включения-выключения, эффективностью, производственной мощностью, в котором есть внутренний механизм, источник энергии, которому свойственны те или иные условия эксплуатации. Метафора ХРУПКОГО ОБЪЕКТА не так богата. Она позволяет нам говорить только о психологической силе человека. Тем не менее некоторая часть опыта, связанного с внутренним миром человека, может пониматься в терминах и той, и другой метафоры. Имеются в виду такие примеры:

³⁾ Ср. использование той же метафоры во внутренней форме русских фразеологизмов *крутить шарики (кому-л.)*, *шарики заскакивают/заходят за ролики (у кого-л.)*. Выбор такой номинации не влечет, однако, появления у идиомы того же актуального значения, как у разбираемого английского выражения. — Прим. ред.

He broke down.

‘Он сломался’ (ДУША — ЭТО МАШИНА).

He cracked up.

‘Он тронулся (букв. треснул)’ (РАЗУМ — ЭТО ХРУПКИЙ ОБЪЕКТ).

Но эти две метафоры высвечивают в опыте совсем не одно и то же. Когда машина ломается, она просто перестает работать. Когда разрушается хрупкий объект, его части разлетаются, возможно, с опасными последствиями. Таким образом, когда кто-нибудь сходит с ума и становится буйным или неистовым, уместно выражение He cracked up. С другой стороны, когда кто-нибудь становится вялым и неспособным действовать по психологическим причинам, мы, скорее, скажем He broke down.

Такие онтологические метафоры настолько естественны и так понижают наше мышление, что воспринимаются как самоочевидные, прямые описания мыслительных процессов. То, что они метафоричны, большинству из нас даже не приходит в голову. Мы считаем, что такие выражения, как He cracked under pressure ‘Под давлением обстоятельств он тронулся (букв. треснул)’, непосредственно могут быть проверены на истинность—ложность. Это выражение реально использовалось различными журналистами для объяснения, почему Ден Уайт принес свое ружье в здание городского магистрата Сан-Франциско, выстрелил и убил мэра Джорджа Москоне. Такие объяснения для большинства из нас кажутся вполне естественными. Причина этого заключается в том, что такие метафоры, как РАЗУМ/ДУША — ЭТО ХРУПКИЙ ОБЪЕКТ, являются неотъемлемой частью модели внутреннего мира человека, свойственной нашей культуре; большинство людей мыслит и действует на языке этой модели.

Метафоры вместилища

Пространства

Мы — физические существа, отграниченные и отделенные от остального мира поверхностью кожи; мы воспринимаем остальной мир как находящийся вне нас. Каждый из нас — это вместилище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией «внутри—снаружи». Мы проецируем нашу собственную ориентацию «внутри—снаружи» на другие физические объекты, ограниченные поверхностями. Таким образом, мы также представляем их себе как вместилища с внутренней частью и и внешней поверхностью. Комнаты и дома — явные вместилища. Переходя из комнаты в комнату, мы движемся из одного контейнера в другой, т. е. перемещаемся из одной комнаты в другую. Мы даже придаем эту ориентацию твердым объектам, когда, например, разбиваем камень, чтобы посмотреть, что находится внутри. Мы переносим эту ориентацию на природную среду. Так, поляна в лесу также воспринимается как ограниченное пространство, тем самым мы мыслим себя находящимися

на поляне (букв. *внутри* поляны) или *вне* ее, в лесу или *вне* леса. В нашем восприятии поляна в лесу действительно имеет нечто вроде естественных границ — неопределенный участок, где деревья постепенно сходят на нет, и начинается поляна. Но даже в тех случаях, когда нет естественной физической границы, которую можно было бы рассматривать как границу вместилища, мы налагаем границы — как если бы внутреннее пространство и ограничительная поверхность реально существовали — будь то стена, забор, воображаемая линия или плоскость. Совсем немногие инстинкты человека могут претендовать на большую укорененность в человеческом мышлении, чем чувство пространства. И отграничение некоторой территории, и проведение границ вокруг нее — это акт количественной оценки. У ограниченных объектов — людей, камней или территорий — есть размеры. Размеры можно оценивать количественно по тому количеству субстанции, которое эти объекты содержат. Канзас, например, ограниченное пространство и в силу этого ВМЕСТИЛИЩЕ, поэтому мы можем сказать: *There's a lot of land in Kansas* 'В Канзасе много земель'.

Сами субстанции также можно рассматривать как вместилища. Возьмем, например, ванну, наполненную водой. Когда вы залезаете в ванну, вы погружаетесь в воду. И ванну, и воду можно рассматривать как вместилища, но разного рода. Ванна — CONTAINER OBJECT/ОБЪЕКТ-ВМЕСТИЛИЩЕ, а вода — CONTAINER SUBSTANCE/СУБСТАНЦИЯ-ВМЕСТИЛИЩЕ.

Поле зрения

Мы концептуализируем поле зрения как вместилище, а то, что видим — как содержимое внутри его. Само выражение *visual field* 'поле зрения' наводит на эту мысль. Эта вполне естественная метафора мотивирована тем, что когда мы смотрим на некоторую территорию (земельный участок, пол и т. п.), поле зрения определяет границу того, что мы видим. Поскольку ограниченное физическое пространство — это ВМЕСТИЛИЩЕ, а наше поле зрения связано с ограниченным физическим пространством, то мы естественно приходим к метафорическому концепту *VISUAL FIELDS ARE CONTAINER*/ПОЛЯ ЗРЕНИЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩА. В силу этого мы можем сказать:

The ship is coming into the view.

Корабль *появляется* в поле зрения.

I have him in sight.

Он у меня на глазах (букв. *в* поле зрения).

I can't see him — the tree is in the way.

Я не вижу его — *на* пути стоит дерево.

He's out of sight now.

Он сейчас не *виден* (букв. *вне* поля зрения).

That's in the *center* of my *field* of vision.

Это находится в *центре* моего *поля* зрения.

There's *nothing* in sight.

Я ничего не вижу (букв. *ничего нет* в поле зрения).

I can't get *all* of the ships *in sight* at once.

Я не могу *охватить* *взглядом* все корабли сразу.

Events, Actions, Activities, and States/ *События, действия, занятия и состояния*

Мы используем онтологические метафоры для понимания событий, действий, занятий и состояний. События и действия метафорически концептуализируются как объекты, занятия как вещества, состояния как контейнеры. Например, забег⁴⁾ — это событие, которое рассматривается как автономная сущность. Забег проходит в пространстве и времени и имеет четко определенные границы. Поэтому мы рассматриваем его как ОБЪЕКТ-ВМЕСТИЛИЩЕ с участниками (которые также осмысляются как объекты) и такими событиями, как старт и финиш (метафорические объекты); этот ОБЪЕКТ-ВМЕСТИЛИЩЕ включает еще и занятие бегом (метафорическое вещество). Таким образом, мы можем сказать о забеге:

Are you *in* the race on Sunday? (забег как ОБЪЕКТ-ВМЕСТИЛИЩЕ).

Ты участвуешь *в* забеге в воскресенье?

Are you *going to* the race? (соревнование по бегу как ОБЪЕКТ).

Ты *едешь* на соревнование по бегу? (букв. *к* соревнованию по бегу).

Did you *see* the race? (забег как ОБЪЕКТ).

Ты *видел* забег?

The *finish* of the race was really exciting (финиш как ОБЪЕКТ-СОБЫТИЕ внутри ОБЪЕКТА-ВМЕСТИЛИЩА).

Финиш забега был очень впечатляющим.

There was *a lot of good running* in the race (бег как ВЕЩЕСТВО во ВМЕСТИЛИЩЕ).

Многие очень хорошо пробежали забег (букв. *было много хорошего бега*).

I couldn't do much *sprinting* until the end (рывок как ВЕЩЕСТВО).

Я не смог сделать хороший *рывок* перед финишем.

Halfway into the race, I ran out of energy (забег как ОБЪЕКТ-ВМЕСТИЛИЩЕ).

На половине дистанции я выдохся (букв. *на половине пути в забег*).

He's *out* of the race now (забег как ОБЪЕКТ-ВМЕСТИЛИЩЕ).

Он сейчас *не участвует* в забеге (букв. *вне забега*).

⁴⁾ В оригинале используется английское слово *race*, которое может обозначать в различных контекстах забег, гонки и скачки. В переводе выбран вариант «забег» с вариантом «соревнования по бегу», который подходит ко всем приводимым примерам. — *Прим. ред.*

В общем случае различные виды деятельности метафорически осмысляются как ВЕЩЕСТВО и тем самым как ВМЕСТИЛИЩЕ:

In washing the window, I splashed the water all over the floor.

Моя окно, я расплескал воду (букв. *в мытье окна*).

How did Jerry get out of washing the windows?

Как Джерри *избежал* мытья окон? (букв. *вышел из*).

Outside of washing the windows, what else did you do?

Что ты еще делал, кроме мытья окон? (букв. *вне мытья окон*).

How much window-washing did you do?

Как *много* окон ты вымыл? (букв. *Как много мытья окон ты сделал?*).

How did you get into window-washing as a profession?

Как получилось, что мытье окон *превратилось в* твою профессию? (букв. *вошли в мытье окон как профессию*).

He's immersed in washing the windows right now.

Сейчас он занят мытьем окон (букв. *погружен в мытье*).

Таким образом, различные виды деятельности рассматриваются как вместилища для действий и других занятий, которые в них предусматриваются. Они также воспринимаются как вместилища необходимой для них энергии и материалов, равно как и для своих побочных продуктов, которые также можно представить как находящиеся *в них* и *возникающие из них*:

I put a lot of energy into washing the windows.

Я *вложил много энергии в* мытье окон.

I get a lot of satisfaction out washing windows.

Я *получаю большое удовлетворение от* мытья окон (букв. *из мытья окон*).

There is a lot of satisfaction in washing windows.

Мытье окон доставляет большое удовлетворение (букв. *В мытье окон много удовлетворения*).

Различные виды состояний также можно концептуализировать как вместилища. Приведем следующие примеры:

He's in love.

Он *влюблен* (букв. Он *в любви*).

We're out of trouble now.

Теперь мы справились с неприятностями (букв. Мы *вне* неприятностей теперь).

He's coming out of the coma.

Он *выходит из* комы.

I'm slowly getting into the shape.

Я *медленно прихожу в* форму.

He entered a state of euphoria.

Он *впал в* состояние эйфории.

He *fell into* a depression.

Он впал в депрессию.

He finally *emerged from* the catatonic state he had been *in* since the end of finals week.

Он окончательно *вышел из* состояния ступора, в которое *впал* в конце недели.

Глава 7

Персонификация

Пожалуй, к наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек. Это позволяет осмыслять наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей. Вот несколько примеров:

His theory explained to me the behavior of chickens raised in factories.

Его теория объяснила мне поведение цыплят, выращенных на фабриках.

This fact argues against the standard theories.

Этот факт — свидетельство (букв. факт свидетельствует) против стандартных теорий.

Life has cheated me.

Жизнь обманула меня.

Inflation is eating up our profits.

Инфляция съедает наши доходы.

His religion tells him that he cannot drink fine French wines.

Его религия запрещает ему пить тонкие французские вина.

The Michelson—Morley experiment gave birth to a new physical theory.

Опыт Майкельсона—Морли породил новую физическую теорию.

Cancer finally caught up with him.

В конце концов он заболел раком (букв. рак поймал его).

В каждом из этих случаев в нечеловеческом мы находим черты, свойственные человеческому. Но персонификация не единый полностью унифицированный процесс. Каждый пример персонификации отличается от остальных теми свойствами человека, которые выбираются в процессе метафоризации. Рассмотрим примеры.

Inflation has attacked the foundation of our economy.

Инфляция атаковала основы нашей экономики.

Inflation has pinned us to the wall.

Инфляция пригвоздила нас к стенке.

Our biggest enemy right now is inflation.

Сейчас наш самый главный враг — это инфляция.

The dollar has been destroyed by inflation.

Доллар был уничтожен инфляцией.

Inflation has robbed me of my savings.

Инфляция *укра*ла мои сбережения.

Inflation has outwitted the best economic minds in the country.

Инфляция *обману*ла ожидания лучших экономистов страны.

Inflation has given birth to a money-minded generation.

Инфляция *породи*ла поколение, думающее только о деньгах.

Здесь инфляция персонифицирована, но в приведенных примерах метафора не сводится просто к идее INFLATION IS A PERSON/ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО ЧЕЛОВЕК. Использованная метафора намного более конкретна — INFLATION IS AN ADVERSARY/ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО ПРОТИВНИК. В рамках такой метафоры мы не только специфическим способом осмысляем инфляцию, но и планируем действия против нее. Мы воспринимаем инфляцию как противника, который может нас атаковать, ранить, украсть у нас что-то и даже уничтожить нас. Поэтому метафора ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО ПРОТИВНИК инициирует политические и экономические действия правительства, а также используется для их оправдания: объявление войны инфляции, определение целей, призывы к жертвам, установление нового порядка подчиненности служб и т. д.

Дело в том, что персонификация представляет собой общую категорию, охватывающую широкий круг метафор, каждая из которых основывается на специфическом свойстве человека или на способе его восприятия. Их объединяет то, что они являются расширениями (extensions) онтологических метафор и позволяют осмыслять происходящее, олицетворяя его, т. е. в терминах, которые мы понимаем, исходя из собственных мотиваций, целей, действий и свойств. Очеловечивание столь абстрактных категорий, как инфляция, обеспечивает такое понимание, которое самоочевидно для большинства людей. Когда мы страдаем из-за значительных экономических потерь, к которым привели сложные экономические и политические факторы, которые никто в действительности не понимает, метафора ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО ПРОТИВНИК по меньшей мере дает нам связное объяснение, почему у нас возникают такие проблемы.

Глава 8

Метонимия

В случаях персонификации, рассмотренных выше, мы приписываем человеческие свойства тому, что не является человеком — теориям, болезням, инфляции и т. п. В таких контекстах соответствующее свойство нельзя отнести ни к какому конкретному человеческому существу. Когда мы говорим: «Инфляция украла мои сбережения», мы не соотносим инфляцию ни с каким конкретным человеком. Эти случаи надо отличать от примеров типа

The *ham sandwich* is waiting for his check.

букв. *Бутерброд с ветчиной* ждет своего чека.

в которых выражение *ham sandwich* используется для указания на реального человека, заказавшего бутерброд с ветчиной. Такие случаи нельзя относить к примерам метафоры персонификации, так как при понимании выражения *ham sandwich* на него не переносятся человеческие свойства. Вместо этого мы используем одну сущность для ссылки на другую, которая с ней связана. Это пример того, что мы будем называть *метонимией*. Вот еще несколько контекстов:

He likes to read the *Marquis de Sade* (= the writings of the marquis).

Он любит читать *Маркиза де Сада* (= работы маркиза).

He's in *dance* (= the dancing profession).

Он занимается *танцами* (= профессией танцовщика).

Acrylic has taken over the art world (= the use of acrylic paint).

Акрил завоевал художественный мир (= использование акриловой краски).

The *Times* hasn't arrived at the press conference yet (= the reporter from the *Times*).

букв. Газета «*Таймс*» еще не появилась на пресс-конференции (= репортер газеты «*Таймс*»).

Mrs. Grundy frowns on *blue jeans* (= the wearing of blue jeans).

Миссис Гранди относилась с неодобрением к *синим джинсам* (= к ношению синих джинсов).

New windshield wipers will satisfy him (= the state of having new wipers).

Новые стеклоочистители ему понравятся (= то, что теперь есть новые стеклоочистители).

В качестве особого случая метонимии мы рассматриваем то, что в классической риторике называлось *синекдой*, когда часть замещает целое, как в следующих случаях.

THE PART FOR THE WHOLE

ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО

The *automobile* is clogging our highways (= the collection of automobiles).
 Автомобили загрохотали наши шоссе (= скопление автомобилей).

We need a couple of *strong bodies* for our team (= strong people).
 букв. Нашей команде необходима пара *сильных тел* (= сильных людей).

There are a lot of *good heads* in the university (= intelligent people).
 В университете много *светлых голов* (= умных людей).

I've got a new *set of wheels* (= car, motorcycle, etc.).
 У меня новые *колеса* (= машина, мотоцикл и т. п.).

We need some *new blood* in the organization (= new people).
 Нашей организации необходима *новая кровь* (= новые люди).

В этих примерах, как и в других случаях метонимии, одна сущность используется для отсылки к другой. Метафора и метонимия — это разные *виды* процессов. Метафора — это прежде всего способ постижения одной вещи в терминах другой, и таким образом ее основная функция заключается в обеспечении понимания. С другой стороны, метонимии присуща в основном референциальная функция, т. е. она позволяет одной сущности *заменять* другую. Но метонимия это не только референциальный прием. Она также служит пониманию. Например, метонимия ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО предполагает существование множества частей, которые могут заменять целое. Выбор части определяет, на какой стороне целого фокусируется внимание. Когда мы говорим, что для проекта необходимы *светлые головы*, мы используем «светлые головы» для обозначения «умных людей». Существенно не то, что мы используем часть (голову) для обозначения целого (человека), а то, что мы выбираем отдельную характеристику человека, а именно ум, которая ассоциируется с головой. Сказанное относится и к другим видам метонимии. Когда мы говорим: The hasn't arrived at the press conference yet букв. 'Газета «Таймс» еще не появилась на пресс-конференции', мы используем выражение The Times не только для обозначения того или другого репортера, но также указываем на важность учреждения, представляемого репортером. Таким образом, фраза The Times hasn't arrived at the press conference yet означает не то же самое, что предложение Steve Roberts has not yet arrived for the press conference 'Стив Робертс еще не появился на пресс-конференции', даже если Стив Робертс и есть тот самый репортер газеты «Таймс».

Итак, метонимия в какой-то мере служит тем же целям, что и метафора, и используется похожим образом, но она позволяет точнее сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается. Метонимия, как и метафора, не просто поэтический или риторический прием. Как и метафора, она принадлежит не только языку. Метонимические

концепты (такие как ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО) являются составной частью обыденного мышления, способов речи и поведения.

Так, в нашей концептуальной системе есть особый случай метонимии ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО: THE FACE FOR THE PERSON/ЛИЦО ВМЕСТО ЧЕЛОВЕКА. Например:

She's just a *pretty face*.

букв. Она всего лишь *милое личико*.

There are an *awful lot of faces* out there in the audience.

букв. В аудитории *огромное количество лиц*.

We need some *new faces* around here.

Нам нужны *новые лица*.

Такой тип метонимии широко представлен в нашей культуре. На ней основана традиция портретного искусства в живописи и фотографии. Если вы попросите меня показать изображение моего сына, и я покажу вам изображение его лица, вы будете удовлетворены. Вы будете считать, что видели его изображение в целом. Но если я покажу вам его тело без лица, вы сочтете это странным и не будете удовлетворены. Быть может, вы даже спросите: «Но как же он выглядит?» Таким образом, метонимия ЛИЦО ВМЕСТО ЧЕЛОВЕКА не просто принадлежность языка. В нашей культуре, чтобы получить представление о том, как выглядит человек, мы смотрим, скорее, на его лицо, чем на позу или движения. Когда мы узнаем о человеке по его лицу и принимаем решения на основании этого знания, мы действуем по принципам метонимии.

Как и метафору, метонимию нельзя рассматривать как совокупность случайных и произвольных контекстов употребления. Метонимические концепты также организованы системно. Их системность можно проиллюстрировать следующими репрезентативными примерами, характерными для нашей культуры.

THE PART FOR THE WHOLE

ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО

Get *your butt* over here!

Тащи сюда *свою задницу*!

We don't hire *longhairs*.

Мы не нанимаем *длинноволосых* (букв. *длинные волосы*).

The Giants need a *stronger arm* in right field.

Гигантам необходима *сильная рука* в нужной области.

I've got a *new four-on-the-floor V-8*.

У меня новая четырехскоростная коробка передач V-8 (букв. *четыре-на-полу*).

PRODUCER FOR PRODUCT**ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВМЕСТО ПРОДУКЦИИ**

I'll have a *Lowenbrau*.

Я запасусь *Левенбрау*¹⁾.

He bought a *Ford*.

Он купил «*Форд*».

He's got a *Picasso* in his den.

У него на хате есть *Пикассо*.

I hate to read *Heidegger*.

Ненавижу читать *Хайдеггера*.

OBJECT USED FOR USER**ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ОБЪЕКТ ВМЕСТО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ**

The *sax* has the flu today.

У *саксофона* сегодня: простуда.

The *BLT* is a lousy tipper.

Тот, кто заказывает *BLT*²⁾, скряга (букв. *BLT* — человек, дающий мало чаевых).

The *gun* he hired wanted fifty grand.

Взятое напрокат ружье стоит пятьдесят косых (букв. *Ружье*, которое он нанял, хочет пятьдесят косых).

We need a better *glove* at third base.

На третьей базе нам нужна *перчатка* получше³⁾.

The *buses* are on strike.

Автобусы бастуют.

CONTROLLER FOR CONTROLLED**КОНТРОЛИРУЮЩИЙ ВМЕСТО КОНТРОЛИРУЕМОГО**

Nixon bombed Hanoi.

Никсон бомбил Ханой.

Ozawa gave a terrible concert last night.

Осава вчера дал ужасный концерт.

Napoleon lost at Waterloo.

Наполеон проиграл Ватерлоо.

Casey Stengel won a lot of pennants.

Кейси Стенгел выиграл множество вымпелов.

¹⁾ Фирма-производитель пива. — Прим. ред.

²⁾ BLT — это дешевый бутерброд, состоящий из хлеба, бекона, латука (вид салата) и помидора. — Прим. перев.

³⁾ Имеется в виду бейсбольный игрок. — Прим. ред.

A Mercedes rear-ended *me*.

«Мерседес» врезался в *меня* сзади.

INSTITUTION FOR PEOPLE RESPONSIBLE

УЧРЕЖДЕНИЕ ВМЕСТО ОТВЕТСТВЕННЫХ ЛИЦ

Exxon has raised its prices again.

Эксон опять поднял цены.

You'll never get the *university* to agree to that.

Вам никогда не удастся склонить к этому *университет*.

The *Army* wants to reinstitute the draft.

Армия хочет восстановить набор призывников.

The *senate* thinks abortion is immoral.

Сенат считает аборт безнравственным.

I don't approve of the *government's* actions.

Я не одобряю деятельность *правительства*.

THE PLACE FOR THE INSTITUTION

МЕСТО ВМЕСТО УЧРЕЖДЕНИЯ

The *White House* isn't saying anything.

Белый дом никак это не комментирует.

Washington is insensitive to the needs of the people.

Вашингтон безразличен к нуждам людей.

The *Kremlin* threatened to boycott the next round of SALT talks.

Кремль угрожал бойкотом следующему раунду переговоров по договору об ОСВ⁴⁾.

Paris is introducing longer skirts this season.

В этом сезоне *Париж* предлагает более длинные юбки.

Hollywood isn't what it used to be.

Голливуд уже не такой, какой был раньше.

Wall Street is in panic.

Уолл-стрит в панике.

THE PLACE FOR THE EVENT

МЕСТО ВМЕСТО СОБЫТИЯ

Let's not let Thailand become another *Vietnam*.

Не допустим второго *Вьетнама* в Таиланде.

Remember the *Alamo*.

Помните об *Аламо*.

⁴⁾ Договор ОСВ — договор об Ограничении Стратегических Вооружений. — Прим. ред.

Pearl Harbor still has an effect on our foreign policy.

Перл-Харбор все еще влияет на нашу внешнюю политику.

Watergate changed our politics.

Уотергейт изменил нашу политику.

It's been *Grand Central Station* here all day.

Здесь весь день была настоящая «*Гранд Централ Стейшен*».

Рассмотренные метонимические концепты столь же системны, как и метафорические. Приведенные примеры метонимии не случайны. Они представляют собой проявления некоторых общих метонимических категорий, в терминах которых мы структурируем наше мышление и деятельность. Метонимические концепты дают возможность осмыслять некоторую сущность в рамках ее связей с другими сущностями. Когда мы размышляем о *Пикассо*, мы не просто думаем об отдельно взятом произведении искусства в себе и для себя. Мы размышляем о нем в связи с самим художником, т. е. в связи с его концепцией искусства, техникой, его ролью в истории искусства и т. п. Мы относимся с глубоким уважением к *Пикассо*, и это распространяется даже на его детский набросок из-за связи этого наброска с художником. По тем же принципам влияет на наши мысли и деятельность метонимия ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВМЕСТО ПРОДУКЦИИ. Аналогично, когда официантка говорит *The ham sandwich wants his check* букв. 'Бутерброд с ветчиной хочет свой чек', для нее важен не человек как таковой, а как клиент, и поэтому использование такого предложения можно назвать деперсонификацией (*dehumanizing*). Сам Никсон, вероятно, не сбрасывал бомбы на Ханой, но благодаря метонимии КОНТРОЛИРУЮЩИЙ ВМЕСТО КОНТРОЛИРУЕМОГО мы не только говорим *Nixon bombed Hanoi* 'Никсон бомбил Ханой', но и думаем, как если бы он это делал лично, и считаем что он несет ответственность за это. Опять-таки это возможно из-за метонимического отношения КОНТРОЛИРУЮЩИЙ ВМЕСТО КОНТРОЛИРУЕМОГО, которое концентрирует наше внимание на ответственности за действие.

Таким образом, метонимические концепты, как и метафоры, структурируют не только язык, но и наше мышление, установки и действия. Как и метафорические концепты, метонимические отношения коренятся в нашем опыте. На самом деле, основание метонимических концептов более очевидно, чем метафорических, так как метонимия обычно содержит явные указания на физические или причинные ассоциации. Например, метонимия ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО возникает из нашего знания, полученного опытным путем, о том, как часть может быть связана с целым. Метонимия ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВМЕСТО ПРОДУКЦИИ основана на причинной (и чаще всего физической) связи между производителем и его продукцией. Метонимия МЕСТО ВМЕСТО СОБЫТИЯ мотивирована нашим опытом, указывающим на связь между событием и местом, где оно произошло. И так далее.

Культурная и религиозная символики представляют собой особые случаи метонимии. В христианстве, например, есть метонимия DOVE FOR HOLY SPIRIT/ГОЛУБЬ ВМЕСТО СВЯТОГО ДУХА. Символизм, как и метонимия, не произволен. Он основывается на понимании голубя в западной культуре и концепции Святого Духа в христианской теологии. Есть причина, по которой именно голубь стал символом Святого Духа, а, скажем, не цыпленок, ястреб или страус. Голубь воспринимается как красивое, дружелюбное, нежное и прежде всего мирное создание. Как у любой птицы, естественная среда обитания голубя — небо, которое метонимически заменяет небеса, прототипическое место обитания Святого Духа. Голубь — это грациозно летающая птица, молчаливо парящая в воздухе, которую можно видеть и в небесах, и среди людей.

Концептуальные системы культур и религий метафоричны по своей природе. Метонимия в сфере символов — это необходимая связь между повседневным опытом и внутренне согласованными метафорическими системами, лежащими в основе религий и культур. Метонимия символьных систем, мотивированная нашим практическим опытом, представляет собой ключ к пониманию религиозных и культурных концептов.

Свидетельства против согласованности систем метафор

Выше мы представили доказательства того, что метафоры и метонимии не случайны, совсем наоборот: они образуют согласованные системы, в терминах которых мы осознаем наш опыт. Однако найти кажущиеся смысловые нестыковки в обыденной метафорике довольно легко. Мы исследовали это вопрос далеко не полностью, но то, что было изучено тщательно, оказалось семантически вполне согласованным, хотя, на первый взгляд, могло показаться, что это не так. Рассмотрим два примера.

Кажущееся противоречие в метафорах

Чарльз Филлмор отметил (в устной беседе), что в английском языке есть два способа концептуализации времени, которые, как кажется, противоречат друг другу. Первый способ предполагает такое осмысление, при котором будущее находится перед нами, а прошлое — за нами:

In the weeks ahead of us... (future).

В ближайшем будущем... (букв. на неделях перед нами) (будущее).

That's all behind us now (past).

Это все теперь прошло (букв. за нами) (прошлое).

Второй способ сводится к тому, что будущее осмысляется как расположенное за нами, а прошлое — перед нами:

In the following weeks... (future).

В последующем¹⁾... (будущее).

In the preceding weeks... (past).

В предшествующем... (букв. В идущих/находящихся впереди неделях) (прошлое).

Похоже, что в метафорической организации времени обнаруживается противоречие. Более того, метафоры, воспринимающиеся как противоречивые, могут легко сочетаться как, например, в следующей фразе:

¹⁾ Имеется в виду такое понимание, при котором недели воспринимаются как идущие за моментом речи, который постепенно перемещается в прошлое. — *Прим. ред.*

We're looking *ahead* to the *following* weeks.

букв. Мы смотрим *вперед* на *последующие* недели²⁾.

Получается, что *ahead* концептуализует будущее как находящееся перед нами, а *following* — как находящееся за нами.

Чтобы понять, что в данном случае метафоры семантически согласованы, сначала необходимо рассмотреть ряд особенностей функционирования ориентационного отношения «передняя vs. задняя сторона». У некоторых объектов, например, у людей и машин, есть внутренние присущие им передняя и задняя части, а у других, например, у деревьев, таких частей нет. При определенных условиях камень может получить ориентацию «передняя vs. задняя сторона». Предположим, что вы смотрите на камень среднего размера, и между вами и камнем лежит мяч — скажем, в футах от камня. В этом случае вполне уместна фраза *The ball is in front of the rock* 'Мяч перед камнем (букв. перед передней частью камня)'. Камень получает ориентацию «передняя vs. задняя сторона», как если бы у него была передняя часть, которая смотрит на вас. Такое перенесение пространственных характеристик не универсально. Существуют языки, — например, хауса, — где в такой же ситуации камень приобрел бы противоположную ориентацию и вы должны были бы сказать, что мяч был за камнем.

Двигающиеся объекты обычно получают ориентацию «передняя vs. задняя сторона», причем передней считается часть, направленная в сторону движения (или в сторону канонического движения, так что машина, движущаяся назад, сохраняет свою переднюю сторону). У сферического спутника в состоянии покоя нет передней части, но на орбите он получает переднюю сторону благодаря направлению движения.

Итак, время в английском языке концептуализуется в терминах метафоры *TIME IS A MOVING OBJECT*/ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ, причем будущее движется к нам:

The time will come when...

Придет время, когда...

The time has long since gone when...

Прошло много времени с тех пор, как...

The time for action has arrived.

Пришло время действовать.

Поговорка *Time flies* 'Время летит' представляет собой пример метафоры *ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ*. Так как мы смотрим в будущее, то получаем возможность сказать:

Coming up in the weeks ahead...

Появление в ближайшем будущем... (букв. на неделях впереди).

²⁾ Опять-таки предлагается интерпретация типа «Мы смотрим вперед на недели, идущие за моментом речи». — *Прим. ред.*

I look forward to the arrival of Christmas.

Я жду наступления Рождества (букв. смотрю вперед на прибытие Рождества).

Before us is a great opportunity, and we don't want it to pass us by.

Перед нами большие возможности, и мы не хотим, чтобы они прошли мимо.

Благодаря метафоре ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ время получает ориентацию «передняя vs. задняя сторона» по направлению движения, т. е. так же, как и любой движущийся объект. Таким образом, будущее повернуто к нам лицом, так как оно движется к нам, и это позволяет использовать такие выражения, как:

I can't face the future.

Я не могу смотреть в будущее (букв. находиться лицом к будущему).

The face of things to come...

букв. Лица тех событий, которые произойдут...

Let's meet the future head-on.

Давайте встретим будущее с поднятой головой.

Таким образом, хотя такие выражения, как ahead of us 'впереди нас', I look forward 'я смотрю вперед', before us 'перед нами' ориентируют время относительно людей, выражения типа precede 'предшествовать' и follow 'следовать' ориентируют одни моменты времени относительно других. Таким образом, можно сказать

Next week and the week following it.

Будущая неделя и неделя, следующая за ней.

но невозможна фраза

The week following me...

Неделя, следующая за мной...

Так как будущее время повернуто к нам передней стороной, времена, следующие за ним, находятся дальше в будущем, а все будущие времена следуют за настоящим. Именно поэтому *следующие недели* — это те же, что и *недели, которые будут впереди*.

Цель этого примера заключается не просто в том, чтобы показать отсутствие противоречий в метафорах, но и выявить все нетривиальные аспекты данного феномена: метафору ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ, ориентацию «передняя vs. задняя сторона», которую получает время благодаря тому, что оно интерпретируется как движущийся объект; последовательное использование по отношению ко времени таких слов, как follow 'следовать', precede 'предшествовать' и face 'быть обращенным в направлении', в основе которых лежат обсуждавшиеся метафоры. Вся эта согласованная и детально проработанная метафорическая структура представляет собой часть нашего обыденного языка, который мы используем для буквального описания времени. Эта система метафор настолько привычна, что в обычном случае мы ее не замечаем.

Согласованность versus совместимость

Мы показали, что метафора ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ внутренне согласована. Но есть и другой способ концептуализации времени, иллюстрируемый следующей метафорой:

TIME IS STATIONARY AND WE MOVE THROUGH IT

ВРЕМЯ НЕПОДВИЖНО, А МЫ ДВИЖЕМСЯ СКВОЗЬ НЕГО

As we go through the years...

Проходя сквозь года...

As we go further into the 1980s...

Когда мы углубляемся в 1980-е...

We're approaching the end of the year.

Мы приближаемся к концу года.

Здесь обнаруживаются два способа концептуализации времени: в одном случае мы движемся, а время стоит неподвижно; в другом — время движется, а мы неподвижны. Общее у этих случаев то, что движение по отношению к нам относительно, причем время ориентировано таким образом, что будущее находится впереди, а прошедшее — сзади. Как показывает прилагаемая схема, это два проявления одной и той же метафоры.

Это просто еще один способ показать, что у обсуждаемых метафор есть важное общее следствие. Использование обеих метафор предполагает, что с нашей точки зрения прохождение времени происходит спереди назад.

Хотя эти две метафоры несовместимы (т. е. не образуют единого образа), тем не менее, они «сочетаются друг с другом» благодаря тому, что относятся к подкатегориям категории более высокого уровня, и в силу этого у них есть важное общее свойство. Есть разница между метафорами, *согласованными* друг с другом (*coherent*) (т. е. метафорами, которые «сочетаются друг с другом»), и *совместимыми* (*consistent*). Обнаруживается, что связи между метафорами характеризуются, скорее, согласованием, чем совместимостью.

Возьмем в качестве примера другую метафору:

LOVE IS A JOURNEY

ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

Look *how far we've come*.

Посмотри, как далеко мы зашли.

We're *at a crossroads*.

Мы на перепутье.

We'll just have to *go our separate ways*.

Мы просто должны идти каждый своей дорогой.

We can't *turn back now*.

Мы уже не можем повернуть назад.

I don't think this relationship is *going anywhere*.

Я не думаю, что эти отношения к чему-нибудь приведут.

Where are we?

Где мы?

We're *stuck*.

Мы застряли.

It's been a *long, bumpy road*.

Это была долгая ухабистая дорога.

This relationship is a *dead-end street*.

Эти отношения заведут нас в тупик.

We're just *spinning our wheels*.

Мы просто стоим на месте (букв. прокололи колеса).

Our marriage is *on the rocks*.

Наш брак разбился о скалы.

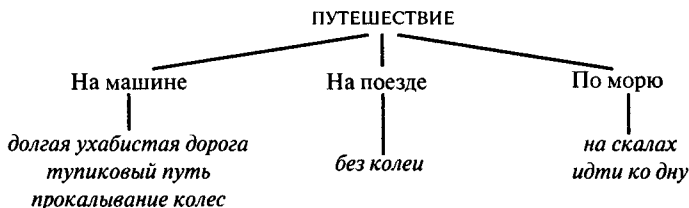
We've gotten *off the track*.

Мы сошли с колеи.

This relationship is *foundering*.

Эти отношения терпят крах (букв. идут ко дну).

В этих примерах основная метафора — ПУТЕШЕСТВИЕ; есть разные виды путешествий, которые можно совершить: на машине, на поезде, по морю.

Как и в ранее рассмотренном случае, здесь нет единого образа, которому соответствовали бы все метафоры. Их *согласованность* обеспечивается тем, что все они — метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ, хотя предполагают использование различных транспортных средств. Аналогичная ситуация с метафорой ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ: для одного и того же объекта возможны разные способы передвижения. В силу этого *time flies* 'время летит', *time creeps along* 'время ползет', *time speeds by* 'время проносится'. В целом метафорические концепты определяются не в терминах конкретных образов (*flying* 'полет', *creeping* 'ползание', *going down the road* 'ходьба по дороге' и т. п.), а в терминах более общих категорий, например, прохождение (*passing*).

Некоторые дополнительные примеры

Мы выдвинули тезис о том, что метафоры частично структурируют наши обыденные понятия, и что эта структура отражается в языке, понимаемом нами как буквальный. Прежде чем мы обратимся к общей картине философских следствий из этого тезиса, необходимо рассмотреть еще ряд примеров. В каждом из последующих примеров приводится метафора и набор обычных выражений, представляющих случаи реализации этой метафоры. Выражения на английском языке бывают двух видов: простые фразы с буквальным смыслом и идиомы, которые сочетаются с метафорой и являются частью обычного повседневного языка, используемого по отношению к соответствующему предмету обсуждения.

THEORIES (AND ARGUMENTS) ARE BUILDINGS

ТЕОРИИ (И АРГУМЕНТЫ)/АРГУМЕНТАЦИЯ — ЭТО СТРОЕНИЯ

Is that the *foundation* for your theory?

Это и есть *основание* твоей теории?

The theory needs more *support*.

Этой теории необходима *поддержка* (букв. *опора*).

The argument is *shaky*.

Это *шаткая* аргументация.

We need some more facts or the argument will *fall apart*.

Нам необходимы еще факты, или аргументация *развалится*.

We need to *construct* a strong argument for that.

Нам нужно *выстроить* серьезную аргументацию для этого.

I haven't figured out yet what the *form* of the argument will be.

Я еще не придумал *форму* аргументации.

Here are some more facts to *shore up* the theory.

Вот еще данные для *подкрепления* теории.

We need to *buttress* the theory with *solid* arguments.

Нам необходимо *подкрепить* теорию *вескими* (букв. *твердыми*) доводами.

The theory will *stand* or *fall* on the *strength* of that argument.

Теория либо *выстоит*, либо *падет* под *тяжестью* аргументации.

The argument *collapsed*.

Аргументация *обрушилась*.

They *exploded* his latest theory.

Они опровергли (букв. взорвали) его последнюю теорию.

We will show that theory to be without *foundation*.

Мы покажем, что эта теория безосновательна.

So far we have put together only the *framework* of the theory.

До сих пор мы составили только *каркас* теории.

IDEAS ARE FOOD

ИДЕИ — ЭТО ПИЩА

What he said *left a bad taste in my mouth*.

Его слова *оставили у меня нехороший привкус*.

All this paper has in it are *raw facts*, *half-baked ideas*, and *warmed-over theories*.

Вся его работа состоит из *сырых данных*, *полуготовых идей* и *избитых* (букв. *перегретых*) теорий.

There are too many facts here for me to *digest* them all.

Для меня здесь слишком много данных, чтобы я мог их *переварить*.

I just can't *swallow* that claim.

Я не могу принять на веру (букв. не могу *проглотить*) это утверждение.

That argument *smells fishy*.

Этот аргумент сомнителен (букв. *пахнет рыбой*).

Let me *stew* over that for a while.

Позвольте мне немного подумать над этим (букв. *потушить* некоторое время).

Now there's a theory you can really *sink your teeth into*.

Вот тебе теория, в которую ты можешь *вгрызться*.

We need to let that idea *percolate* for a while.

Необходимо некоторое время, чтобы эта идея стала для нас своей (букв. *варилась*).

That's *food* for thought.

Это *пища* для размышлений.

He's a *voracious* reader.

Он *прожорливый* читатель.

We don't need to *spoon-feed* our students.

Нам не нужно *кормить* наших студентов *с ложечки*.

He *devoured* the book.

Он *проглотил* книгу.

Let's let that idea *simmer on the back burner* for a while.

Давайте эту идею пока отложим (букв. Пусть эта идея *покипит некоторое время на задней комфорке*).

This is the *meaty* part of the paper.

Это *содержательная* (букв. *мясистая*) часть работы.

Let that idea *jell* for a while.

Пусть эта идея некоторое время выкристаллизовывается (букв. *превращается в студень*).

That idea has been *fermenting* for years.

Эта идея долго волновала умы (букв. *находилась в состоянии брожения*).

Когда говорится о жизни и смерти идей, то они концептуализируются как ОРГАНИЗМЫ, ЛЮДИ или РАСТЕНИЯ.

IDEAS ARE PEOPLE

ИДЕИ — ЭТО ЛЮДИ

The theory of relativity *gave birth* to an enormous number of ideas in physics.

Теория относительности *породила* огромное количество идей в физике.

He is the *farther* of modern biology.

Он *отец* современной биологии.

Whose *brainchild* was that?

Кому принадлежит эта оригинальная идея? (букв. *дитя ума*).

Look at what his ideas have *spawned*.

Посмотрите на то, что *породили* его идеи.

Those ideas *died off* in the Middle Ages.

Эти идеи *умерли* в Средние века.

His ideas will *live on* forever.

Его идеи будут *жить* вечно.

Cognitive psychology is still in its *infancy*.

Когнитивная психология все еще в *младенчестве*.

That's an idea that ought to be *resurrected*.

Эту идею нужно *воскресить*.

He *breathed new life into* that idea.

Он *вдохнул новую жизнь* в эту идею.

IDEAS ARE PLANTS

ИДЕИ — ЭТО РАСТЕНИЯ

His ideas have finally come to *fruition*.

Его идеи наконец дали результаты (букв. *принесли плоды*).

That idea *died on the vine*.

Из этой идеи ничего не вышло (букв. *Эта идея умерла на вине*).

That's a *budding* theory.

Это многообещающая (букв. *расцветающая*) теория.

It will take years for that idea to *come to full flower*.

Уйдут годы на то, чтобы эта идея *расцвела пышным цветом*.

He views chemistry as a mere *offshoot* of physics.

Он считает химию простым *ответвлением* физики.

Mathematics has many *branches*.

В математике много направлений (букв. *ветвей*).

The *seeds* of his great ideas were *planted* in his youth.

Зерна его великих идей были посеяны еще в детстве.

She has a *fertile* imagination.

У нее богатое (букв. *плодородное*) воображение.

Here's an idea that I'd like to *plant* in your mind.

Это идея, которую я хотел бы *заронить* (букв. *посадить*) в твоем разуме.

He has a *barren* mind.

У него *бесплодный* разум.

IDEAS ARE PRODUCTS

ИДЕИ — ЭТО ИЗДЕЛИЯ

We're really *turning* (*churning, cranking, grinding*) *out* new ideas.

Мы действительно порождаем (букв. *обрабатываем*) (разрабатываем, исследуем, *отшлифовываем*) новые идеи (букв. *производим, размещиваем, проводим*).

We've *generated* a lot of ideas this week.

Мы породили (букв. *генерировали*) множество идей.

He *produces* new ideas at an astounding rate.

Он рождает (букв. *производит*) новые идеи с поразительной скоростью.

His *intellectual productivity* has decreased in recent years.

Его интеллектуальная мощь (букв. *продуктивность/производительность*) снизилась за прошедшие годы.

We need to *take the rough edges off* that idea, *hone it down, smooth it out*.

Эту мысль надо выразить в менее резкой форме, уточнить ее, пригладить (букв. *убрать острые края, заточить, разгладить*).

It's rough idea; it needs to be *refined*.

Это грубая идея, над ней еще надо *работать* (букв. *очистить*).

IDEAS ARE COMMODITIES

ИДЕИ — ЭТО ТОВАР

It's important how you *package* your ideas.

Важно, в какой форме ты подаешь свои идеи (букв. как *упаковываешь*).

He won't *buy* that.

Он это не *купит*.

That idea just won't *sell*.

Эту идею не *продашь*.

There is always a *market* for good ideas.

На хорошие идеи всегда есть *спрос*.

That's a *worthless* idea.

Эта идея не имеет никакой ценности (букв. *ничего не стоит*).

He's been a source of *valuable* ideas.

Он был источником *ценных* идей.

I wouldn't *give a plugged nickel* for that idea.

За эту идею я *не дам и ломаного гроша*.

Your ideas don't have a chance in the *intellectual marketplace*.

У твоих идей нет никаких шансов на *интеллектуальном рынке*.

IDEAS ARE RESOURCES

ИДЕИ — ЭТО РЕСУРСЫ

He *ran out of* ideas.

У него *кончились* идеи.

Don't *waste* yours thoughts on small projects.

Не *расходуя* свой ум (букв. мысли) на маленькие проекты.

Let's *pool* our ideas.

Давайте *объединим* наши идеи.

He's a *resourceful* man.

Он изобретательный человек (букв. *полный ресурсов*).

We've *used up* all our ideas.

Мы *использовали* все наши идеи.

That's a *useless* idea.

Это *бесполезная* идея.

That idea will *go a long way*.

Эта идея будет *очень полезна*.

IDEAS ARE MONEY

ИДЕИ — ЭТО ДЕНЬГИ

Let me put in my *two cents' worth*.

Позвольте мне высказать свое мнение (букв. *вложить свою мелочь*).

He's *rich* in ideas.

Он *богат* идеями.

That book is a *treasure trove* of ideas.

Эта книга — *кладёзь* идей.

He has a *wealth* of ideas.

У него обилие (букв. *богатство*) идей.

IDEAS ARE CUTTING INSTRUMENTS

ИДЕИ — ЭТО РЕЖУЩИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

That's an *incisive* idea.

Это *проницательная* мысль.

That *cuts right to the heart of* the matter.

Это попадает в точку (букв. *режет* в точку).

That was a *cutting* remark.

Это было язвительное (букв. *режущее*) замечание.

He's *sharp*.

Он сообразителен (букв. *остер*).

He has a *razor* wit.

У него *острый* ум.

He has a *keen* mind.

У него живой (букв. *остро отточенный*) ум.

She *cut* his argument *to ribbons*.

Она разбила все его аргументы (букв. *изрезала в клочья*).

IDEAS ARE FASHIONS

ИДЕИ — ЭТО МОДА

That idea went *out of style* years ago.

Эта идея вышла *из моды* много лет назад.

I hear sociobiology *is in* these days.

Я слышал, что социобиология сейчас *популярна*.

Marxism is currently *fashionable* in western Europe.

Марксизм сейчас *моден* в Западной Европе.

That idea is *old hat*!

Эта идея *немодна*!

That's an *outdated* idea.

Это *устаревшая* идея.

What are the new *trends* in English criticism?

Каковы новые *тенденции* в английской критике?

Old-fashioned notion have no place in today's society.

Старомодным представлениям не место в современном обществе.

He keeps *up-to-date* by reading the New York Review of Books.

Он *идет в ногу со временем*, читая «Нью-Йорк Ревью оф Букс».

Berkley is a center of *avant-garde* thought.

Беркли — это центр *авангардной* мысли.

Semiotics has become quite *chic*.

Семиотика стала просто *шиком*.

The idea of revolution is now longer *in vogue* in the United States.

Идея революции уже не *в моде* в Соединенных Штатах.

The transformational grammar *craze* hit the United States in the mid-sixties and has just made it to Europe.

Трансформационная грамматика имела *сумашедший успех* в Соединенных Штатах в середине шестидесятых, а сейчас чрезвычайно *популярна* в Европе.

**UNDERSTANDING IS SEEING; IDEAS ARE LIGHT-SOURCES;
DISCOURSE IS A LIGHT-MEDIUM**

**ПОНИМАНИЕ — ЭТО ВИДЕНИЕ; ИДЕИ — ЭТО ИСТОЧНИКИ СВЕТА;
ДИСКУРС — ЭТО НОСИТЕЛЬ СВЕТА**

I *see* what you're saying.

Я понимаю (букв. *вижу*), что вы говорите.

It *looks* different from my *point of view*.

С моей точки зрения, это выглядит иначе.

What is your *outlook* on that?

Как ты на это смотришь? (букв. твой *взгляд* на это).

I *view* it differently.

Я это *вижу* по-другому.

Now I've got the *whole picture*.

Теперь у меня есть *полная картина*.

Let me *point something out* to you.

Позвольте мне *указать вам на кое-что*.

That's an *insightful* idea.

Эта идея проникает в самую суть проблемы (букв. *прозорливая* идея).

That was a *brilliant* remark.

Это *блестящее* наблюдение.

The argument is *clear*.

Аргумент понятен (букв. *чист*).

It was a *murky* discussion.

Это было тяжелое (букв. *темное*) обсуждение.

Could you *elucidate* your remarks?

Можешь ли ты пояснить свои замечания? (букв. *пролить свет на свои замечания*).

It's a *transparent* argument.

Это понятное (букв. *прозрачное*) доказательство.

The discussion was *opaque*.

Обсуждение было непонятным (букв. *непрозрачным*).

**LOVE IS A PHYSICAL FORCE (ELECTROMAGNETIC, GRAVITATIONAL, ETC.)
ЛЮБОВЬ — ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА (ЭЛЕКТРОМАГНИТНАЯ,
ГРАВИТАЦИОННАЯ И Т. П.)**

I could feel the *electricity* between us.

Я чувствовал *притяжение* (букв. *электричество*) между нами.

There were *sparks*.

Они увлеклись друг другом (букв. пробежала *искра*).

I was *magnetically drawn* to her.
Меня *тянуло* к ней *магнитом*.

They are uncontrollably *attracted* to each other.
Нас бессознательно *тянуло* друг к другу.

They *gravitated* to each other immediately.
Их сразу же *потянуло* друг к другу.

His whole life *revolves* around her.
Вся его жизнь *вращается* вокруг нее.

The *atmosphere* around them is always *charged*.
Воздух вокруг них всегда *заряжен*.

There is incredible *energy* in their relationship.
Их взаимоотношения полны *энергии*.

They lost their *momentum*.
Их отношения потеряли *импульс*.

LOVE IS A PATIENT

ЛЮБОВЬ — ЭТО БОЛЬНОЙ

This is a *sick* relationship.
Это *нездоровые* отношения.

They have a *strong, healthy* marriage.
У них *крепкий здоровый* брак.

The marriage is *dead* — it can't be *revived*.
Их брак *умер* — его нельзя *воскресить*.

Their marriage is *on the mend*.
Их брак улучшается (букв. *идет на поправку*).

We're getting *back on our feet*.
Мы снова *встаем на ноги*.

Their relationship is *in really good shape*.
Их отношения в *очень хорошей форме*.

They've got a *listless* marriage.
У них *вялый* брак.

Their marriage is *on its last legs*.
Их брак *на последнем издыхании*.

It's a *tired* affair.
Это старый (букв. *усталый/утомленный*) роман.

LOVE IS MADNESS

ЛЮБОВЬ — ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ

I'm *crazy* about her.
Я *схожу с ума* по ней.

She *drives me out of my mind*.

Она *сводит меня с ума*.

He constantly *raves* about her.

Он постоянно *бредит* ею.

He's gone *mad* over her.

Он *сошел* от нее с ума.

I'm just *wild* about Harry.

Я просто *без ума* от Гарри.

I'm *insane* about her.

Я *без ума* от нее.

LOVE IS MAGIC

ЛЮБОВЬ — ЭТО КОЛДОВСТВО

She *cast her spell* over me.

Она *околдовала* меня.

The *magic* is gone.

Волшебство *пропало*.

I was *spellbound*.

Я был *очарован*.

She had me *hypnotized*.

Она меня *загипнотизировала*.

He has me *in a trance*.

Он привел меня в *состояние экстаза*.

I was *entranced* by him.

Он вверг меня в *состояние транса*.

I'm *charmed* by her.

Я *очарован* ею.

She is *bewitching*.

Она *пленяет*.

LOVE IS WAR

ЛЮБОВЬ — ЭТО ВОЙНА

He is known for his many rapid *conquests*.

Он известен множеством быстрых *побед* (букв. *завоеваний*).

She *fought for* him, but his mistress *won out*.

Она *боролась* за него (букв. *сражалась*), но *победила* его любовница.

He *fled from* her *advances*.

Он *сбежал* от ее ухаживаний (букв. *от наступления*).

She *pursued* him *relentlessly*.

Она *упорно* (букв. *немилосердно*) *преследовала* его.

He is slowly *gaining ground* with her.
Он медленно добивается своего (букв. побеждает ее).

He *won* her hand in marriage.
Он добился ее руки (букв. победил).

He *overpowered* her.
Он взял над ней верх.

She is *besieged* by suitors.
Ее осаждают поклонники.

He has to *fend* them off.
Ему пришлось прогнать их.

He *enlisted the aid* of her friends.
Он привлек ее друзей (букв. завербовал на службу помощь ее друзей).

He *made an ally* of her mother.
Он объединился с ее матерью.

Theirs is a *misalliance* if I've ever seen one.
У них точно *неравный брак* (букв. *неравный союз*).

WEALTH IS A HIDDEN OBJECT

БОГАТСТВО — ЭТО СКРЫТЫЙ ОБЪЕКТ

He's *seeking* his fortune.
Он ищет счастья.

He's flaunting his *new-found* wealth.
Он щеголяет своим *вновь обретенным* богатством.

He's *fortune-hunter*.
Он — охотник за приданым.

She's a *gold-digger*.
Она авантюристка (букв. золотоискательница).

He *lost* his fortune.
Он *потерял* свое состояние.

He's *searching for* wealth.
Он ищет богатства.

SIGNIFICANT IS BIG

ВАЖНЫЙ — ЭТО БОЛЬШОЙ

He's a *big* man in the garment industry.
Он *большой* человек в швейной промышленности.

He's a *giant* among writers.
Он *гигант* среди писателей.

That's the *biggest* idea to hit advertising in years.
Это самая важная идея для рекламы за последние несколько лет (букв. *самая большая* идея).

He's *head and shoulders above* everyone in the industry.

Он *возвышается над* всеми в промышленности.

It was only a *small* crime.

Это было всего лишь незначительное (букв. *маленькое*) правонарушение.

That was only a *little* white lie.

Это была всего лишь *маленькая* невинная ложь.

I was astounded at the *enormity* of the crime.

Я был поражен чудовищностью (букв. *громадностью*) преступления.

That was one of the *greatest* moments in World Series history.

Это был один из самых *величайших* моментов в истории баскетбольных первенств.

His accomplishments *tower over* those of *lesser* men.

Его совершенства *превосходят* достоинства других людей (букв. *возвышаются над* достоинствами *меньших* людей).

SEEING IS TOUCHING; EYES ARE LIMBS

ВИДЕНИЕ — ЭТО ПРИКОСНОВЕНИЕ; ГЛАЗА — ЭТО КОНЕЧНОСТИ ТЕЛА

I can't *take* my eyes *off* her.

Я не мог *отвести от* нее глаз.

He sits with his eyes *glued to* the TV.

Он *приклеился* к телевизору (букв. *его глаза приклеились*).

Her eyes *picked out* every detail of the pattern.

Его взгляд *выхватывал* каждую деталь образца.

Their eyes *met*.

Их глаза *встретились*.

She never *moves* her eyes *from* his face.

Она никогда не сводит глаз (букв. *перемещает* глаза) с его лица.

She *ran* her eyes *over* everything in the room.

Она *пробежала* взглядом (букв. глазами) *по* всему, что было в комнате.

He wants everything *within reach of* her eyes.

Он хочет все, что попадает ему на глаза (букв. *в сферу достижения* его глаз).

THE EYES ARE CONTAINERS FOR THE EMOTIONS

ГЛАЗА — ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЭМОЦИЙ

I could see the fear *in* his eyes.

Я видел страх *в* его глазах.

His eyes were *filled* with anger.

Его глаза были *полны* гнева.

There was passion *in* her eyes.

В ее глазах была страсть.

His eyes *displayed* his compassion.

Его глаза *выражали* сочувствие.

She couldn't *get* the fear *out* of her eyes.

Она не могла *подавить* страх в своих глазах.

Love *showed* in his eyes.

В его глазах *была* любовь.

Her eyes *welled* with emotion.

Ее глаза были *переполнены* эмоциями.

EMOTIONAL EFFECT IS PHYSICAL CONTACT

ДЕЙСТВИЕ ЭМОЦИЙ — ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТАКТ

His mother's death *hit* him *hard*.

Смерть его матери *сильно потрясла* его.

That idea *bowled me over*.

Эта идея *вывела меня из равновесия*.

She's a *knockout*.

Она красотка (букв. *нокаут*).

I was *struck* by his sincerity.

Я был озадачен (букв. *пронзен*) его искренностью.

That really *made an impression* on me.

Это действительно *произвело* (букв. *сделало*) на меня впечатление.

He *made his mark* on the world.

Он *оставил свой след* в мире.

I was *touched* by his remark.

Я был *тронут* его замечанием.

That *blew me away*.

Это буквально *свалило* меня.

PHYSICAL AND EMOTIONAL STATES ARE ENTITIES WITHIN A PERSON

ФИЗИЧЕСКИЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ — ЭТО СУЩНОСТИ В ЧЕЛОВЕКЕ

He has a pain *in* his shoulder.

У него боли *в* плече.

Don't *give* me the flu.

Не заражай меня гриппом (букв. не *передавай* мне).

My cold has *gone from my head to my chest*.

Моя простуда *перешла из головы в легкие*.

His pains *went away*.

Его боли *прошли* (букв. *ушли*).

His depression *returned*.

У него снова депрессия (букв. депрессия *вернулась*).

Hot tea and honey will *get rid of* your cough.

Горячий чай и мед *избавят* (букв. освободят) тебя от кашля.

He could barely *contain* his joy.

Он едва мог *сдержат* (букв. вмещать) свою радость.

The smile *left* his face.

Улыбка *пропала* с его лица.

Wipe that sneer *off* your face, private!

Сотри эту ухмылку со своего лица, это личное!

His fears *keep coming back*.

Его страхи опять *возвращаются*.

I've got to *shake off* this depression — it keeps *hanging on*.

Мне необходимо *стряхнуть* с себя эту депрессию — она все еще *во мне* (букв. висит на мне).

If you've got a cold, drinking lots of tea will *flush it out* of your system.

Если ты простудился, горячее питье *выгонит* эту простуду из тебя.

There isn't a *trace* of cow-ardice *in* him.

В нем не осталось никаких *следов* трусости.

He hasn't got *an honest bone in his body*.

Он врун до мозга костей (букв. У него нет ни *одной честной косточки* в теле).

VITALITY IS A SUBSTANCE

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА — ЭТО ВЕЩЕСТВО

She's *brimming* with vim and vigor.

Она *полна* сил и энергии.

She's *overflowing* with vitality.

Жизнь в ней *бьет ключом* (букв. переполняет ее).

He's *devoid* of energy.

У него *нет* сил.

I don't *have* any energy *left* at the end of the day.

К концу дня у меня не *осталось* никаких сил.

I'm *drained*.

Я без сил (букв. *осушен*).

That *took a lot of me*.

Я *потратил* на это слишком много сил (букв. это *взяло много меня*).

LIFE IS A CONTAINER

ЖИЗНЬ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ

I've had a *full* life.

Я жил *полной* жизнью.

Life is *empty* for him.

Его жизнь *пуста*.

There's *not much left* for him in life.

У него в жизни осталось *немного*.

Her life is *crammed* with activities.

Ее жизнь *заполнена* делами.

Get the most out of life.

Берите от жизни все.

His life *contained* a great deal of sorrow.

Его жизнь *полна* печали.

Live your life to *the fullest*.

Живите *полной* жизнью.

LIFE IS A GAMBLING GAME

ЖИЗНЬ — ЭТО АЗАРТНАЯ ИГРА

I'll *take my chances*.

Я *использую* свой шанс.

The *odds are against me*.

Обстоятельства (букв. *шансы на выигрыш*) *против* меня.

I've got an *ace up my sleeve*.

У меня был *козырь* про запас (букв. *туз в рукаве*).

He's *holding all the aces*.

Все преимущества (букв. *все тузы*) у него.

It's a *toss-up*.

Это еще вопрос (букв. *жеребий*).

If you *play your cards right*, you can do it.

Если ты *используешь* возможности (букв. *правильно сыграешь в карты*), у тебя получится.

He *won big*.

Он *победил*.

He's a real *loser*.

Он действительно *проиграл*.

Where is he when the *chips are down*?

Где он, когда *ставки уже сделаны*?

That's my *ace in the hole*.

У меня есть *запасной козырь*.

He's *bluffing*.

Он *блефует*.

The president is *playing it close to his vest*.

Президент действует, не объясняя своих намерений (букв. *играет близко к своему жилету*).

Let's *up the ante*.

Давайте *заклучим пари*.

Maybe we need to *sweeten the pot*.

Может быть, нам нужно *увеличить ставки*.

I think we should *stand pat*.

Я думаю, что нам нужно стоять на своем (букв. *не менять карты*).

That's *the luck of the draw*.

Это как повезет (букв. *счастье жеребьевки*).

Those are *high stakes*.

Это *большая игра*.

В последней группе примеров представлен полный набор того, что называется «речевыми формулами» (speech formulas), или «устойчивыми выражениями» (fixed-form expressions), или «фразовыми лексическими единицами» (phrasal lexical items). Во многом они функционируют как отдельные слова, и в языке их тысячи. В приведенных примерах каждый набор таких фразеологизмов внутренне согласован и структурируется отдельным метафорическим концептом. Хотя каждый пример является реализацией метафоры LIFE IS A GAMBLING GAME/ЖИЗНЬ — ЭТО АЗАРТНАЯ ИГРА, эти примеры обычно используются по отношению к жизни, а не к азартным играм. Они столь же естественны в размышлениях о жизненных перипетиях, как слово construct ‘строить, создавать’ — в рассуждениях о теориях. Именно в этом смысле мы относим их к так называемым буквальным выражениям, структурированным метафорическими концептами. Если вы скажете

The *odds are against me*.

Обстоятельства (букв. *шансы на выигрыш*) *против меня*.

или

We'll have to take our chances.

Мы должны использовать свой шанс.

никто не будет рассматривать эти выражения как метафорические: будет считаться, что вы говорите на обычном повседневном языке, соответствующем ситуации. Тем не менее, способ обсуждения ситуации, ее понимание и даже опыт взаимодействия с нею структурируются метафорами.

Фрагментарность метафорического структурирования

Пока мы рассматривали системный аспект концептов, структурируемых метафорами. Такие концепты понимаются в терминах самых различных метафор (например, ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ и т. п.). Метафорическое структурирование объектов с неизбежностью фрагментарно и отражается в лексике, которая включает фразеологию с устойчивыми выражениями типа *to be without foundation* 'быть безосновательным' (букв. быть без основания). Поскольку концепты структурируются метафорами системно, например, ТЕОРИИ — ЭТО СТРОЕНИЯ, мы имеем возможность использовать выражения *construct* 'выстраивать', *foundation* 'основание' из одной области (*BUILDINGS/СТРОЕНИЯ*) для обсуждения соответствующих концептов в той области, которая определяется метафорами (*THEORIES/ТЕОРИИ*). Например, интерпретация смыслового коррелята понятия *foundation* 'основание' в метафорически определяемой области ТЕОРИЯ зависит от мельчайших деталей того, как используется метафорический концепт ТЕОРИИ — ЭТО СТРОЕНИЯ для структурирования понятия ТЕОРИЯ.

Фрагменты концепта СТРОЕНИЕ, который используется для структурирования понятия ТЕОРИЯ, — это основание и внешний каркас. Крыша, внутренние комнаты, лестницы и коридоры — это те части здания, которые обычно не представлены в метафорических осмыслениях понятия ТЕОРИЯ. Таким образом, метафора ТЕОРИИ — ЭТО СТРОЕНИЯ имеет «используемую» (*used*) часть (основание и внешний каркас) и «неиспользуемую» (*unused*) часть (комнаты, лестницы и т. п.). Такие выражения, как *выстраивать* и *основание*, — это примеры используемой части такого метафорического концепта, которые принадлежат нашему обыденному языку, который мы воспринимаем как буквальный, когда говорим о теориях.

Но какие лингвистические выражения отражают «неиспользованную» часть метафоры ТЕОРИИ — ЭТО СТРОЕНИЯ? Вот четыре примера:

His theory has thousands of little rooms and long, winding corridors.

В его теории тысячи маленьких комнат и длинные извилистые коридоры.

His theories are Bauhaus in their pseudofunctional simplicity.

Его теории — это «Баухаусы» с их псевдофункциональной простотой.

He prefers massive Gothic theories covered with gargoyles.

букв. Он предпочитает массивные готические теории, покрытые горгульями.

Complex theories usually have problems with the plumbing.

У сложных теорий обычно возникают проблемы с водопроводом.

Эти предложения выходят за рамки обычного языка, воспринимаемого как буквальный, и относятся к языку, который традиционно называется «образным» или «творческим». Таким образом, общепринятые выражения (типа *He has constructed a theory* 'Он построил теорию') и выражения творческого характера (типа *His theory is covered with gargoyles* 'Его теория покрыта горгульями') могут быть примерами одной общей метафоры (ТЕОРИИ — ЭТО СТРОЕНИЯ).

Здесь различаются три варианта творческой (или необщепринятой) метафоры:

1. Распирения уже используемой части метафоры, например, *These facts are the bricks and mortar of my theory* 'Эти факты представляют собой кирпичи и строительный раствор для моей теории'. Здесь ссылка делается на внешний каркас, в то время как метафора ТЕОРИИ — ЭТО СТРОЕНИЯ в обычном случае не предполагает упоминание использованных материалов.
2. Примеры, относящиеся к неиспользованной части общепринятой метафоры, например, *His theory has thousands of little rooms and long, winding corridors* 'В его теории тысячи маленьких комнат и длинные извилистые коридоры'.
3. Собственно новая метафора, т. е. метафора, ранее не использовавшаяся для структурирования соответствующей части обычной понятийной системы человека и тем самым представляющая собой новый способ осмысления чего-либо, например, *Classical theories are patriarchs who father many children, most of whom fight incessantly* 'Классические теории — это патриархи, которые порождают множество детей, большинство которых непрерывно сражаются'.

Каждый из этих вариантов лежит за пределами используемой части метафорического концепта, структурирующего обычную понятийную систему человека.

Между прочим заметим, что все языковые выражения, которые мы приводили для характеристики общих метафорических концептов, относятся к образным. Примеры таковы: ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ, КОНТРОЛЬ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, ИДЕИ — ЭТО ПИЩА, ТЕОРИИ — ЭТО СТРОЕНИЯ и т. д. Ни одно из них не является буквальным. Это следствие того, что метафорические концепты лишь *фрагментарно* используются для структурирования наших обычных понятий. Метафорические концепты выходят за область буквального, так как неизбежно содержат части, которые в обычном случае не используются для осмысления обыденных представлений человека.

Метафорические выражения, о которых до сих пор шла речь (например, время *придет*; мы *выстраиваем* теорию, *нападать* на идею), используются в рамках целостной системы метафорических концептов — понятий, к которым мы постоянно обращаемся в практической

жизни и в мышлении. Эти выражения, как и другие слова и фразеологизмы языка, конвенциональны (*fixed by convention*). В дополнение к этим случаям — компонентам целостных метафорических систем — есть еще идиосинкретические метафорические выражения, стоящие в стороне от остальных, использование которых в языке и мышлении не имеет системного характера. Это такие хорошо известные выражения, как *the foot of the mountain* 'подножие горы', *a head of cabbage* 'кочан (букв. голова) капусты', *the leg of a table* 'ножка стола' и т. п. Эти выражения представляют собой изолированные примеры метафорических концептов, когда в метафоре используется только одна часть концепта (или, может быть, две или три). Таким образом, в выражении *the foot of the mountain* представлена единственная используемая часть метафоры *A MOUNTAIN IS A PERSON*/ГОРА — ЭТО ЧЕЛОВЕК. В обычной беседе мы не говорим о *голове*, *плечах* или *туловище* горы, хотя в особых контекстах вполне возможно создать новые метафоры, основанные на этих компонентах метафорического концепта, которые обычно не используются. На самом деле в метафоре ГОРА — ЭТО ЧЕЛОВЕК заложена возможность, благодаря которой альпинисты будут говорить о *плечах* горы (*shoulder of a mountain*)¹⁾ (а именно о гряде около вершины) и о *покорении, сражении* и даже о том, что можно *быть убитым* горой. В мультипликационных фильмах горы оживают, и их пики становятся головами. Дело в том, что такие метафоры, как ГОРА — ЭТО ЧЕЛОВЕК, маргинальны в нашей культуре и языке; их используемая часть может состоять из одного конвенционального выражения, и поскольку используемая часть таких метафор очень мала, их взаимодействие с другими метафорическими концептами не имеет системного характера. В силу сказанного изолированные метафоры не представляют для нас значительного интереса, однако определенный интерес все же есть, так как их можно расширить за счет неиспользованных частей при создании новых метафор, в шутках и т. п. Сама возможность расширения изолированных метафор за счет неиспользованных компонентов показывает, что несмотря на маргинальность, они действительно существуют.

Такие примеры, как *the foot of the mountain*, идиосинкретичны, несистемны и изолированы. Они не взаимодействуют с другими метафорами, не играют существенной роли в концептуальной системе человека, а потому не являются метафорами, которыми мы живем. Существование изолированных метафор проявляется только в том, что они могут быть расширены в субкультурах, а их неиспользованные части служат основой для новых метафор, представляющих, впрочем, относительный интерес. Если какие-либо метафорические выражения заслуживают названия «мертвых» (*dead*), так это они, хотя изолированные метафоры и подают признаки жизни, в том смысле, что их частично можно понять

¹⁾ Англ. слово *shoulder* в современном языке может обозначать и склон горы. — Прим. ред.

в рамках таких маргинальных метафорических концептов, как ГОРА — ЭТО ЧЕЛОВЕК.

Необходимо отличать эти изолированные случаи использования метафор, выпадающие из системы, от метафорических выражений системного характера, которые мы обсуждали. Такие выражения, как *wasting time* 'пустая трата времени', *attacking positions* 'атака позиций', *going our separate ways* 'идти своей дорогой' и т. п., представляют собой отражение метафорических понятий системного типа, которые структурируют нашу деятельность и мышление. Они «живы» в наиболее фундаментальном смысле: это и есть те метафоры, которыми мы живем. То, что они конвенциональны и фиксированы в словарном составе английского языка, не делает их менее живыми.

Глава 12

На чем основывается наша понятийная система?

Наш основной тезис сводится к тому, что бóльшая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор; т. е. большинство понятий понимается с помощью тех или иных частей других понятий. Это поднимает важный вопрос об основаниях нашей понятийной системы. Существуют ли в принципе концепты, понимаемые непосредственно, без метафор? Если нет, то как мы можем вообще понимать что-либо?

Главные кандидаты на статус понятий, понимаемых непосредственно — это такие простые пространственные концепты, как ВЕРХ. Пространственный концепт ВЕРХ формируется на основе опыта взаимодействия человека с пространством. У нас есть тела, и мы стоим прямо. Практически любое выполняемое нами действие предполагает моторную программу, которая либо меняет ориентацию «верх—низ», либо поддерживает ее, либо предусматривает ее наличие, либо связана с нею как-то еще. Постоянная физическая деятельность человека в мире, даже во время сна, приводит к тому, что ориентация «верх—низ» оказывается не просто важной для нашей физической активности, а принципиально важной. Принципиальная важность ориентации «верх—низ» для моторных программ и повседневной деятельности человека может привести к выводу, что альтернативы этому ориентационному концепту нет. На самом деле существует много возможных схем пространственной ориентации, в том числе и декартовы координаты, в которых нет ориентации «верх—низ». Однако пространственные концепты человеческого мышления включают пары ВЕРХ—НИЗ, ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА — ЗАДНЯЯ СТОРОНА, ВНУТРИ—СНАРУЖИ, БЛИЗКО—ДАЛЕКО и т. п. Именно они значимы для повседневной физической активности человека, и это дает этим пространственным категориям преимущество перед другими возможными способами структурирования пространства вокруг нас. Другими словами, структура наших пространственных категорий возникает из постоянного опыта взаимодействия человека с пространством, т. е. из нашего взаимодействия с материальным миром. Понятия, которые возникают в результате такого взаимодействия, и можно назвать «понятиями, которыми мы живем» в самом фундаментальном смысле.

Таким образом, категория ВЕРХ возникает из некоторой последовательности постоянно выполняемых движений, определяемых прямой позой, которую занимает тело человека в гравитационном поле мира, в котором мы живем. Эта категория не может быть понята на своей собственной основе. Вообразите себе какое-нибудь сферическое существо, живущее вне каких бы то ни было гравитационных полей и не имеющее никаких знаний или представлений о совершенно другом опыте взаимодействия с пространством. Что может значить ВЕРХ для такого существа? Ответ на этот вопрос будет зависеть не только от физиологии этого существа-сферы, но также от его культуры.

Другими словами, то, что мы называем «непосредственным физическим опытом», никогда не определяется только формой тела; правильнее сказать, что *любой* опыт имеет место в рамках широкой базы культурных установлений. Таким образом, было бы заблуждением говорить о непосредственном физическом опыте, как о ядре непосредственного опыта, который мы затем «интерпретируем» в терминах нашей концептуальной системы. Культурные представления, ценности и установки нельзя рассматривать как концептуальное покрывало, которое мы можем абсолютно произвольно набрасывать на наш опыт. Более корректно утверждение, что опыт составляет плоть нашей культуры, что мы познаем «мир» так, что наша культура уже включена в каждый акт познания-опыта.

Однако, даже если согласиться с тем, что каждый акт познания-опыта предполагает наличие культурных установлений, следует все-таки сделать важное разграничение между опытом «более физическим», таким как принятие вертикального положения, и «более» культурным — таким, как участие в свадебной церемонии. Когда мы говорим далее о «физическом» versus «культурном» опыте, мы используем данные термины именно в этом смысле.

Важнейшие понятия, обращение к которым необходимо для концептуализации функционирования тела человека — ВЕРХ—НИЗ, ВНУТРИ—СНАРУЖИ, ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА — ЗАДНЯЯ СТОРОНА, СВЕТЛЫЙ—ТЕМНЫЙ, ТЕПЛЫЙ—ХОЛОДНЫЙ, МУЖСКОЙ—ЖЕНСКИЙ и т. п. — различаются по степени определенности. В то время, как эмоциональный опыт человека является столь же базовым, как и пространственный опыт и опыт восприятия, эмоциональный опыт существенно менее четко определен в терминах функций человеческого тела. Хотя четко определенная концептуальная структура для пространства рождается из двигательной активности человека и восприятия, никакая ясно определенная понятийная структура для эмоций не возникает исключительно на базе пережитых эмоций. Поскольку обнаруживаются *системные корреляции* между нашими эмоциями (такими, например, как счастье) и сенсорно-моторным опытом (таким, например, как прямая поза тела), это формирует основу ориентационных метафорических концептов (таких, как HAPPY IS UP/СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ). Такие метафоры позволяют нам концептуализи-

ровать эмоции в более четко определенных терминах, а также соотносить их с другими концептами, связанными с идеей общего благополучия (например, ЗДОРОВЬЕ, ЖИЗНЬ, КОНТРОЛЬ и т.п.). В этом смысле мы можем говорить о *возникающих (emergent) метафорах и возникающих концептах*.

Например, концепты ОБЪЕКТ, СУБСТАНЦИЯ и ВМЕСТИЛИЩЕ возникают непосредственно. Мы воспринимаем себя как сущности, отделенные от остального мира, — как вместилища с внутренней и внешней частями. Объекты внешнего мира мы также интерпретируем как сущности, причем часто аналогичным образом — как вместилища с внутренней и внешней частями. Мы воспринимаем себя сделанными из субстанций — например, мяса и костей; объекты внешнего мира в нашем представлении также сделаны из субстанций различных видов — дерева, камня, металла и т.п. Благодаря зрению и осязанию, мы обнаруживаем границы между вещами, а когда у вещей нет четких границ, мы часто проецируем на них идею границ, концептуализируя их как отдельные сущности, а в ряде случаев и как вместилища (например, леса, поляны, облака и т.п.).

Как и в случае ориентационных метафор, базовые онтологические метафоры основываются на *регулярных (systematic) корреляциях, возникающих в опыте человека*. Как мы видели, например, метафора VISUAL FIELD IS A CONTAINER/ПОЛЕ ЗРЕНИЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ основана на корреляции между тем, что мы видим, и ограниченным физическим пространством. Метафора ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ основана на корреляции между объектом, движущимся на нас, и временем, за которое он нас достигнет. Та же корреляция представляет собой основу для метафоры TIME IS A CONTAINER/ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ (как в примере He did it *in* ten minutes 'Он сделал это за десять минут (букв. в десять минут)'), согласно которой ограниченное пространство, пересекаемое объектом, коррелирует со временем, которое этот объект тратит на его пересечение. События и действия коррелируют с ограниченными временными интервалами, что превращает их в ОБЪЕКТЫ-ВМЕСТИЛИЩА.

Опыт обращения с физическими объектами обеспечивает основу для метонимии. Метонимические концепты возникают из мотивированных опытом корреляций между двумя физическими сущностями (например, PART FOR WHOLE/ЧАСТЬ — ВМЕСТО ЦЕЛОГО, OBJECT FOR USER/ОБЪЕКТ — ВМЕСТО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ) или между физической сущностью и чем-то, концептуализированным с помощью метафоры как физическая сущность (например, THE PLACE FOR THE EVENT/МЕСТО ВМЕСТО СОБЫТИЯ, THE INSTITUTION FOR THE PERSON RESPONSIBLE/УЧРЕЖДЕНИЕ ВМЕСТО ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИЦА).

Для описания оснований понятийной системы, пожалуй, наиболее важно разграничить опыт и то, как мы его концептуализируем. Мы не утверждаем, что физический опыт в каком-либо смысле является более базовым, чем другие виды опыта, такие как эмоциональный, мен-

тальный, культурный или любой другой. Все эти виды опыта могут быть такими же базовыми, как и физический опыт. Говоря об основаниях понятийной системы мы, скорее, отстаиваем ту точку зрения, что обычно нефизическое концептуализируется в терминах физического, т. е. мы концептуализируем то, что определено менее четко, в терминах того, что определено более четко. Рассмотрим следующие примеры:

Harry is in the kitchen.

Гарри на кухне (букв. в кухне/внутри кухни).

Harry is in the Elks.

Гарри член клуба «Лоси» (букв. в клубе «Лоси»).

Harry is in love.

Гарри влюблен (букв. в любви).

Эти предложения относятся к трем различным областям опыта: пространственному, социальному и эмоциональному. Ни один из этих видов опыта не имеет преимуществ перед другими; все они одинаково базовые.

Однако с точки зрения структурирования понятий разница имеется. Концепт В/ВНУТРИ, представленный в первом предложении, возникает непосредственно из пространственного опыта, причем этот концепт четко определен. Это не метафорический концепт. Другие же два предложения представляют собой примеры использования метафорических понятий. Во втором предложении реализуется пример метафоры SOCIAL GROUPS ARE CONTAINERS/СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩА, в рамках которой структурируется понятие социальной группы. Эта метафора позволяет нам «обращаться» с понятием социальной группы, используя пространственные категории. Слово in «в/внутри» и концепт В/ВНУТРИ одинаковы во всех трех примерах; у нас нет трех различных концептов В/ВНУТРИ или трех слов-омофонов in. У нас есть один *возникающий* концепт В/ВНУТРИ, одно слово для него и два метафорических понятия, которые своими отдельными компонентами позволяют структурировать социальные группы и эмоциональные состояния. Эти примеры показывают, что концептуализации одинаково базовых видов опыта не обязательно будут столь же базовыми.

Основание структурных метафор

Метафоры, основанные на простых физических понятиях — верх—низ, внутри—снаружи, объект, вещество и т. д. — наиболее существенны для нашей понятийной системы; без них мы не смогли бы функционировать в этом мире — не могли бы рассуждать и общаться. Между тем, сами по себе эти метафоры не очень богаты. Сообщение о том, что нечто рассматривается как CONTAINER OBJECT/ОБЪЕКТ — ВМЕСТИЛИЩЕ с ориентацией IN—OUT/ВНУТРИ—СНАРУЖИ, не слишком много говорит нам об этом объекте. Но, как мы убедились на примерах с метафорой MIND IS A MACHINE/РАЗУМ — ЭТО МАШИНА и различными метафорами персонификации, человек в состоянии осмыслять пространственно-ориентационные метафоры в значительно более точных терминах. Это позволяет нам не только очень детально осмыслить понятие (такое, как MIND/РАЗУМ), но и найти подходящие средства для высвечивания одних его сторон и сокрытия других. Структурные метафоры (такие, как RATIONAL ARGUMENT IS WAR/РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР — ЭТО ВОЙНА) питают богатейший источник такого осмысления. Структурные метафоры позволяют значительно больше, чем просто ориентировать понятия, обращаться к ним, квантифицировать их, что мы делаем с простыми ориентационными и онтологическими метафорами: они дают нам возможность использовать одно высокоструктурированное и четко выделяемое понятие для структурирования другого.

Истоки структурных метафор, равно как ориентационных и онтологических, лежат в систематических корреляциях между явлениями, фиксированными в нашем опыте. Для того, чтобы представить себе это в деталях, рассмотрим, каковы могут быть истоки метафоры РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР — ЭТО ВОЙНА. Эта метафора позволяет провести концептуализацию понятия рационального спора в терминах, более удобных для понимания, а именно в терминах физического конфликта. Борьба обнаруживается везде в царстве животных, но нигде она не принимает таких размеров, как у животных, именуемых людьми. Животные борются за то, в чем они нуждаются — за пищу, самку, территорию, власть и т. д., — потому что существуют другие животные, препятствующие им в получении этого и желающие того же. Это справедливо и для животных, именуемых людьми, за тем исключением, что мы разработали более изощренную технику, обеспечивающую достижение наших целей. Будучи

«разумными животными», мы многими разными способами институционализировали борьбу, втиснув ее в рамки правил; одним из этих способов является война. При том, что физический конфликт узаконивался веками и многие величайшие умы искали более эффективные средства ведения войны, основная структура конфликта остается, по существу, неизменной. В схватке диких животных учеными были замечены приемы выпада с целью устрашения, приемы определения границ территории и ее охраны, приемы атаки, защиты, контратаки, отступления и сдачи в плен. Борьба между людьми включает те же действия.

Тем не менее, роль разумного животного предполагает получение желаемого без непосредственного вовлечения в опасности реального физического конфликта. В результате мы развили социальный институт вербального спора. Мы все время спорим в попытке получить желаемое, и иногда споры «вырождаются» в физическое насилие. Такие вербальные битвы осмысляются в значительной мере в тех же терминах, что и физические. Взять, например, семейные ссоры. И муж, и жена пытаются получить то, что каждый из них хочет: заставить другого принять определенную точку зрения по некоторому вопросу или по крайней мере действовать в соответствии с ней. Каждый считает, что ему есть, что выиграть и что проиграть, что захватить и что защитить. В споре без правил (*no-holds-barred argument*) вы атакуете, защищаете, контратакуете и т. д., используя все имеющиеся в распоряжении вербальные средства — запугивание, угрозу, ссылку на авторитет, уничтожение, отрицание авторитета, уклонение от обсуждения спорных проблем, торг, лесть и даже попытку дать «разумные основания». Но все эти приемы могут быть представлены (и часто представляются) как *доводы*; например:

...потому что я сильнее тебя (*запугивание*);

...потому что если ты не... то я... (*угроза*);

...потому что я хозяин (*ссылка на авторитет*);

...потому что ты тупой (*оскорбление*);

...потому что ты обычно делаешь это неправильно (*уничтожение*);

...потому что у меня не меньше прав, чем у тебя (*отрицание авторитета*);

...потому что я люблю тебя (*уклонение от обсуждения спорной проблемы*);

...поскольку если ты... то я... (*торг*);

...поскольку ты в этом разбираешься намного лучше (*лесть*).

Споры, в которых используются эти приемы, наиболее характерны для нашей культуры, и поскольку они в столь же значительной степени являются частью нашей повседневной жизни, мы иногда не замечаем их. Тем не менее, в нашей культуре есть важные и влиятельные субкультуры, в которых к таким приемам, по крайней мере в принципе, относятся с неодобрением, потому что они рассматриваются как «неразумные» и «нечистоплотные». Академический мир, мир правосудия, церковный мир и мир журналистики претендуют на исключительное

право представлять идеальную, или высшую, форму РАЦИОНАЛЬНОГО СПОРА, в котором все эти приемы запрещены. Единственно разрешенные в РАЦИОНАЛЬНОМ СПОРЕ тактические приемы, предположительно, сводятся к изложению посылок, перечислению доказательств и совершению логических умозаключений. Но даже в самых идеальных случаях, для которых выполняются все эти условия, РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР все же осмысляется и ведется в терминах ВОЙНЫ. По-прежнему имеется позиция, которую надлежит занять и отстаивать, вы можете победить или проиграть, у вас есть оппонент, позицию которого вы атакуете и пытаетесь уничтожить и аргументы которого вы пытаетесь разгромить. Если ваши действия вполне успешны, вы можете стереть его с лица земли.

Суть здесь в том, что не только наше представление о споре, но и способ его ведения коренятся в нашем знании и опыте физического столкновения. Даже если вы никогда в жизни не принимали участия в кулачной драке, не говоря уже о войне, но спорили уже с того времени, как начали говорить, вы все-таки воспринимаете аргументы и строите их в соответствии с метафорой СПОР — ЭТО ВОЙНА, потому что она встроена в концептуальную систему культуры, в которой вы живете. Мало того, что все «рациональные аргументы», которые считаются достойными идеала РАЦИОНАЛЬНОГО СПОРА, осмысляются в терминах ВОЙНЫ, почти все из них к тому же содержат в скрытой форме «иррациональные» и «нечистоплотные» приемы, над которыми рациональный спор в его идеальной форме предположительно возвысился. Вот некоторые типичные примеры.

Запугивание:

It is plausible to assume that...

Разумно предположить, что...

Clearly...

Несомненно...

Obviously...

Очевидно...

Угроза:

It would be unscientific to fail to...

Было бы антинаучным не суметь...

To say that would be to commit the Fallacy of...

Сказать это означало бы впасть в известное заблуждение, согласно которому...

Ссылка на авторитет:

As Decartes showed...

Как показал Декарт...

Hume observed that...

Юм отметил, что...

Footnote 374: cf. Verschlugenheimer, 1954.

Сноска 374: ср. Фершлюгенхаймер, 1954.

Оскорбление:

The work lacks the necessary rigor for...

Работе недостает необходимой строгости для...

Let us call such a theory "Narrow" Rationalism.

Назовем такую теорию «узким» рационализмом.

In a display of "sholarly objectivity"...

В порядке «ученой объективности»...

Уничжение:

The work will not lead to a formalized theory

Работа не приведет к построению формальной теории.

His results cannot be quantified.

Его результаты нельзя измерить количественно.

Few people today seriously hold that view.

Мало кто сегодня всерьез поддерживает это мнение.

Отрицание авторитета:

Lest we succumb to the error of positivist approaches...

Для того, чтобы избежать ошибок позитивистских подходов...

Behaviorism has led to...

Бихевиоризм привел к...

Уклонение от обсуждения спорной проблемы:

He does not present any alternative theory

Он не представил никакой альтернативной теории.

But that is a matter of...

Однако это предмет...

The author does present some challenging facts, although...

Он действительно привел ряд фактов, заслуживающих внимания, хотя...

Торг:

Your position is right as far as it goes...

Вы правы постольку, поскольку...

If one takes a realist point of view, one can accept the claim, that...

Если принять реалистическую точку зрения, то можно согласиться с утверждением, что...

Лесть:

In his stimulating paper...

В его вдохновляющей статье...

His paper raises some interesting issues...

Его статья поднимает некоторые интересные проблемы...

Такие примеры позволяют нам вывести родословную рационального спора, восходящую через «неразумный» (= повседневный) спор к его истокам в физическом столкновении. Хотя приемы запугивания, угрозы, ссылки на авторитет и т. д. формулируются, быть может, в более изысканных выражениях, они точно так же присутствуют в рациональной аргументации, как и в повседневном споре и войне. Находимся ли мы в научном, академическом или юридическом сообществе, возвышаясь до идеала рационального спора, или только пытаемся, торгуясь, добиться желаемого в своей собственной семье, тот способ, которым мы осознаем, ведем и описываем споры, основывается на метафоре СПОР — ЭТО ВОЙНА.

Раосмотрим теперь другие структурные метафоры, играющие важную роль в нашей жизни: LABOR IS A RESOURCE/ТРУД — ЭТО РЕСУРС и TIME IS A RESOURCE/ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС. Обе эти метафоры в культурном отношении основываются на нашем опыте обращения с материальными ресурсами. Материальные ресурсы обычно являются сырьем или источниками топлива. И то, и другое рассматривается с точки зрения целесообразного использования. Топливо может быть использовано для отопления, перевозки или как источник энергии для производства конечного продукта. Сырье обычно непосредственно переходит в продукт. В обоих случаях может быть определено *количество* материальных ресурсов и их *ценность*. В обоих случаях для достижения цели важны родовые свойства материала в противоположность его индивидуальному своеобразию и количеству. Например, безразлично, какие конкретные куски угля, сгорая, согревают ваши дома, поскольку уголь является подходящим *видом* топлива. В обоих случаях материал постепенно расходуется по мере достижения цели. Суммируем:

Материальный ресурс — это *вид* вещества;
он может быть довольно точно *исчислен количественно*;
единице его количества может быть приписана *стоимость*;
он *целесообразно* используется;
он постепенно *расходуется* по мере достижения цели.

Возьмем простой случай изготовления продукта из необработанного материала. Это требует определенного количества труда. Вообще говоря, чем больше вы работаете, тем больше производите. Предположив, что количество продукции пропорционально зависит от количества труда, мы можем назначить труду цену, сопоставив ее со временем, необходимым для изготовления единицы продукции. Прекрасной моделью этого является сборочный конвейер, на котором сырье поступает с одного конца, работа выполняется по последовательным этапам, длительность которых определяется скоростью самого конвейера, а продукция выходит с другого конца. Это обеспечивает следующее основание для метафоры

ТРУД — ЭТО РЕСУРС:

ТРУД — это *вид* деятельности (напомним ¹⁾: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭТО ВЕЩЕСТВО);

он может быть довольно точно *исчислен количественно*;

его единице может быть приписана *стоимость*;

он *целесообразно* используется;

трудовые ресурсы постепенно *расходуются* по мере достижения цели.

Поскольку труд в зависимости от занимаемого им времени может быть исчислен количественно (что вполне естественно для индустриального общества), мы получаем основание для метафоры

ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС:

ВРЕМЯ — это *вид* (абстрактного) вещества;

оно может быть довольно точно *исчислено количественно*;

его единице может быть приписана *стоимость*;

оно *целесообразно* используется;

оно постепенно *тратится* по мере достижения цели.

Живя в соответствии с метафорами РАБОТА — ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС, что весьма характерно для нашей культуры, мы склонны вообще не воспринимать их как метафоры. Но, как показывает изучение их оснований, лежащих в человеческом опыте, оба эти понятия представляют собой структурные метафоры, базовые по отношению к западным индустриальным обществам.

В этих обеих комплексных метафорах эксплуатируются простые онтологические метафоры. В метафоре ТРУД — ЭТО РЕСУРС используется метафорическое понятие ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭТО ВЕЩЕСТВО. В метафоре ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС используется метафора ВРЕМЯ — ЭТО ВЕЩЕСТВО. Эти две ВЕЩЕСТВЕННЫЕ метафоры позволяют нам исчислять труд и время количественно, т. е. измерять их, представлять постепенно «расходуемыми», приписывать им денежную стоимость, а также рассматривать их как сущности, которые могут быть «использованы» для различных нужд.

Метафоры ТРУД — ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС ни в коем случае не универсальны. Они возникли в культуре как естественное следствие нашего восприятия труда, нашего пристрастия к счету и нашей одержимости целесообразностью. Эти метафоры подчеркивают те аспекты труда и времени, которые исключительно важны для нашей культуры. Одновременно данные метафоры преуменьшают значение определенных свойств этих концептов, а то и вовсе скрывают их. Легко видеть, что обе метафоры могут скрывать что-то благодаря тому, что позволяют исследовать те стороны понятия, на которых они концентрируют внимание.

¹⁾ Эта и другие субстанциональные метафоры обсуждаются в главе 6. — Прим. ред.

Определяя взгляд на труд как на *вид* деятельности, метафоры подразумевают, что труд может быть четко идентифицирован и отделен от сущностей, которые трудом не являются. Это приводит к предположению, что мы можем отличить труд от игры и производственную деятельность от непроизводственной. Очевидным образом в большинстве случаев это предположение не соответствует действительности, за исключением, быть может, сборочного конвейера, каторжников, скованных цепью и т. д. Взгляд на труд как только лишь на *вид* деятельности, независимо от производителя, от того, как он воспринимает труд и что он значит в его жизни, скрывает вопросы, связанные с субъективной значимостью труда, удовлетворенностью им и его гуманистическим содержанием.

Измерение количества работы во временных категориях, а также представление о времени, как о сущности, которая целесообразно используется, вводят концепт LEISURE TIME/СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, параллельный концепту LABOR TIME/РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ. В таком обществе, как наше, где бездеятельность не рассматривается как осмысленная цель, развилась целая индустрия досужей деятельности. В результате СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ тоже стало РЕСУРСОМ — его можно продуктивно проводить, разумно использовать, беречь, планировать, расточать, терять и т. д. То, что скрывают РЕСУРСНЫЕ метафоры труда и времени — это характер воздействия понятий ТРУДА и ВРЕМЕНИ на понятие ДОСУГА, превращающего его в нечто, замечательным образом напоминающее ТРУД.

РЕСУРСНЫЕ метафоры труда и времени скрывают все виды возможных концепций труда и времени, существующие в других культурах и в некоторых субкультурах нашего собственного сообщества: идею о том, что работа может быть игрой, что бездействие может быть продуктивно, что многое из классифицируемого нами как ТРУД либо не служит никаким определенным целям, либо направлено на цели, того не заслуживающие.

Три структурных метафоры, рассмотренных нами в этом разделе — РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР — ЭТО ВОЙНА, ТРУД — ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС — покоятся на мощном культурном основании. Они естественным образом возникли в такой культуре, как наша, потому что то, что они раскрывают, чрезвычайно тесно соотносится с нашим общим опытом, а то, что они скрывают, связано с ним в очень малой степени. Однако метафоры не только коренятся в физическом и культурном опыте, они также оказывают влияние на него и на наши поступки.

Категория причинности*: непосредственный опыт и метафорическое осмысление

При обсуждении оснований метафор мы установили, что существуют непосредственно возникающие концепты (такие, как ВЕРХ—НИЗ, ВНУТРИ—СНАРУЖИ, ОБЪЕКТ, ВЕЩЕСТВО и т. п.) и метафорические концепты, возникающие на основе нашего опыта (такие, как ПОЛЕ ЗРЕНИЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ и т. п.). Из того ограниченного набора примеров, которые мы рассмотрели, может показаться, что существует четкое разграничение между непосредственно возникающими концептами и концептами, возникающими на основе метафор, и что каждое понятие обязательно либо одного, либо другого вида. Это не так. Даже такой базовый концепт, как CAUSATION/ПРИЧИННОСТЬ, нельзя отнести только к одной из указанных категорий. Скорее, у этого понятия есть непосредственно возникающее ядро, которое затем переосмысливается метафорически.

Непосредственное взаимодействие с объектами: прототип причинности

Традиционные теории значения исходят из того, что все сложные концепты можно разложить на примитивы, которые не поддаются дальнейшему членению. Такие примитивы считаются элементарными «строительными кирпичиками» значения. Понятие причинности часто считается таким элементарным строительным кирпичиком. Мы считаем, что традиционные теории делают фундаментальную ошибку, принимая базовые концепты за неразложимые далее примитивы.

Мы согласны с тем, что причинность — это базовая категория человеческого мышления. Этот концепт относится к числу понятий, наиболее часто используемых человеком для ментальной организации материального мира и культурных реалий. Но это не означает, что причинность

* Здесь и далее термин causation переводится в зависимости от контекста как 'причинность', 'причинная связь' или 'каузация'. — *Прим. ред.*

должна считаться неразложимым далее примитивом. В противоположность идее примитива, мы хотели бы предложить другую теоретическую концепцию, согласно которой причинность представляет собой эмпирический (experiential) гештальт. Правильное понимание причинности предполагает, что она воспринимается как кластер, состоящий из других компонентов. Кластер же, в свою очередь, формирует гештальт — то целое, которое человеческие существа считают более базовым, чем составляющее его части.

В наиболее явном виде это прослеживается в наблюдениях за детьми. Пиаже высказал гипотезу, что дети сначала изучают причинную связь в непосредственном взаимодействии с окружающими объектами — стаскивая одеяла, бросая бутылочки, кидая игрушки. И действительно, существует стадия, на которой дети, похоже, «практикуют» эти действия, например, они постоянно бросают ложку. Такие непосредственные действия, даже детские, имеют определенные общие свойства, объединяющие их с категорией непосредственной каузации. Последняя образует существенную часть повседневного функционирования человека в мире — будь то включение или выключение ламп, застегивание и расстегивание рубашек, открывание дверей и т. п. Хотя каждое из этих действий отлично от других, подавляющая их часть имеет общие черты того, что можно назвать «прототипическим» или «парадигмальным» случаем непосредственной каузации. Эти общие черты таковы:

У агенса есть цель как-то изменить состояние пациенса.

Это изменение физического состояния.

У агенса есть «план» достижения этой цели.

План требует от агенса использования моторной программы.

Агенса контролирует эту моторную программу.

Агенса ответственен за проведение этого плана.

Агенса — это источник энергии (т. е. агенса направляет свою энергию на пациенса), а пациенс — цель, на которую направлена энергия (т. е. изменение в состоянии пациенса происходит из-за внешнего источника энергии).

Агенса затрагивается до пациенса либо сам, либо с помощью инструмента (т. е. имеется пространственно-временное пересечение между тем, что делает агенса, и изменением в пациенсе).

Агенса успешно выполняет план.

Изменение в пациенсе различимо.

Агенса с помощью сенсорного восприятия производит мониторинг изменений в пациенсе.

Есть единственный специфицированный агенса и единственный специфицированный пациенс.

Этот набор свойств характеризует «прототипическое» непосредственное взаимодействие с объектами, и одновременно это — пример каузации *par excellence*. Мы используем слово «прототипический» в том же

смысле, что и Рош в своей теории категоризации человеческого мышления (1977). Ее эксперименты показывают, что люди категоризируют объекты не в теоретико-множественных терминах, а в терминах прототипов и семейного сходства. Так, маленькие летающие и поющие птички, например, воробьи, малиновки и т. п., — это *прототипические птицы*. Цыплята, страусы и пингвины — это тоже птицы, но не центральные представители этой категории, т. е. они относятся к непрототипическим птицам. Но они тем не менее птицы, потому что у них достаточно семейных сходств с прототипом. Иными словами, цыплята, страусы и пингвины обладают таким количеством важных свойств прототипа, что этого достаточно для их отнесения к категории птиц.

Выше мы привели двенадцать характеристик, которые присущи прототипу причинности в следующем смысле. Эти характеристики снова и снова воспроизводятся вместе в одном действии за другим в течение нашей повседневной жизни. Мы воспринимаем их как *гештальт*, т. е. как набор совместно реализующихся характеристик, который более существенен для нашего опыта, чем отдельное проявление каждой характеристики. Категория причинности возникает именно по отношению к данному комплексу свойств, характеризующих прототипические причинные связи, из-за постоянного повторения этого набора характеристик в повседневной жизни человека. Менее прототипические виды причинности — это действия или события, несущие достаточное количество черт семейного сходства с прототипом. Причинные отношения такого рода могут включать, например, воздействие на расстоянии, воздействие, оказываемое агенсом — не человеком, использование промежуточного агенса, появление двух или более агенсов, непреднамеренное или неконтролируемое использование моторной программы и т. п. (В причинных отношениях, реализующихся в мире природы, в качестве агенса и пациента выступают события; место плана занимают законы физики, а цель и программа моторной деятельности, т. е. все, присущее людям, выносятся за скобки.) Если нет достаточного семейного сходства с прототипом, мы отказываемся называть происходящее каузацией. Например, если в ситуации представлено множество агенсов, действия агенсов отдалены в пространстве и времени от изменений состояния пациента, кроме того, если не было ни желания произвести изменения, ни плана сделать что-либо, ни мониторинга результатов, тогда мы, вероятно, не будем говорить, что это пример реализации причинной связи, или, по крайней мере, у нас возникнут определенные сомнения в этом.

Хотя границы категории причинности размыты, в огромном количестве случаев она выделяется очень легко. Успешное функционирование человека в мире предусматривает распространение категории причинности на совершенно новые области деятельности; это происходит за счет формулирования намерений, планирования, выведения следствий и т. п. Концепт оказывается устойчивым, поскольку, используя его, мы про-

должаем успешно функционировать. Обладая категорией причинности, возникшей из нашего опыта, мы можем применять ее к метафорическим концептам. Так, во фразе *Harry raised our morale by telling jokes* 'Гарри поднял наш боевой дух, рассказывая шутки' представлен пример причинной связи, согласно которой то, что сделал Гарри, заставило наш боевой дух подниматься ВВЕРХ, как в метафоре СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ.

Хотя описанная нами категория причинности является базовой для человеческой деятельности, ее нельзя рассматривать как «примитив» в смысле строительного кирпичика, т.е. как неразложимый концепт, не поддающийся анализу. Так как концепт причинности определяется как прототип, который формируется на основе повторяющегося набора характеристик, наше представление о причинности одновременно и холистично, и допускает анализ по этим характеристикам; кроме того, категория причинности в нашем понимании способна к большой вариативности. Вероятно, термины, с помощью которых анализируется прототип причинности (например, контроль, моторная программа, намерение и т.п.), также имеют свои прототипы и их можно анализировать дальше. Это позволяет человеку оперировать концептами, которые одновременно являются базовыми, холистическими и в то же время допускают неограниченно глубокий анализ.

Метафорические расширения прототипа причинности

Простые примеры создания объекта (например, бумажного самолетика, снежка, замка из песка) — все это особые случаи непосредственной каузации. Все они включают прототип непосредственного взаимодействия с объектом, со всеми его свойствами, перечисленными выше. Но у них есть одно дополнительное свойство, которое выделяет их как примеры *создания* (making) объекта: в результате взаимодействия получается объект, который мы рассматриваем как объект другого *вида*. То, что раньше было листом бумаги, теперь превращается в бумажный самолетик. Мы относим его к другой категории — у него другая форма и функция. Именно это отделяет примеры *создания* объектов от других видов непосредственного взаимодействия с ними. Даже такое простое изменение состояния, как превращение воды в лед, можно рассматривать как пример создания объекта, так как у льда другая форма и функция, нежели у воды. Таким образом мы получаем примеры типа:

You can make ice out of water by freezing it.

Ты можешь сделать из воды лед, заморозив его.

Они похожи на следующие контексты:

I made a paper airplane out of a sheet of newspaper.

Я сделал самолетик из листа газеты.

I made a statue out of clay.

Я сделал статую из глины.

Мы концептуализируем изменения такого рода — переход из одного состояния в другое, получение новых форм и функций — в терминах метафоры THE OBJECT COMES OUT OF THE SUBSTANCE/ОБЪЕКТ ВОЗНИКАЕТ ИЗ СУБСТАНЦИИ. Именно по этой причине в приведенных выше примерах используется выражение out of 'из': лед рассматривается как возникающий из воды; самолет — как возникающий из бумаги; статуя — как возникающая из глины. В предложении I made a statue out of clay 'Я сделал статую из глины' субстанция глина рассматривается как ВМЕСТИЛИЩЕ (благодаря метафоре СУБСТАНЦИЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ), из которого возникает объект — статуя. Таким образом, концепт СОЗДАНИЕ ОБЪЕКТА метафоричен, хотя и не полностью — в отдельных своих частях. Тем самым понятие СОЗДАНИЕ ОБЪЕКТА — пример непосредственно возникающего концепта, а именно пример НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, который далее дополняется метафорой ОБЪЕКТ ВОЗНИКАЕТ ИЗ СУБСТАНЦИИ.

Другой способ концептуализации категории СОЗДАНИЕ ОБЪЕКТА — это использование на основе непосредственного взаимодействия другой метафоры: THE SUBSTANCE GOES INTO THE OBJECT/СУБСТАНЦИЯ ПЕРЕХОДИТ В ОБЪЕКТ. Ср. примеры следующего типа:

I made a sheet of newspaper *into* an airplane.

Я превратил лист газеты *в* самолетик.

I made the clay you gave me *into* a statue.

Кусок глины, который ты мне дал, я превратил *в* статую.

Здесь объект рассматривается как вместилище для материала.

Метафора СУБСТАНЦИЯ ПЕРЕХОДИТ В ОБЪЕКТ используется не только для концептуализации категории СОЗДАНИЕ ОБЪЕКТА; она распространена куда более широко. С помощью этой метафоры мы концептуализуем большое количество разнообразных изменений как естественных и инициированных человеком. Например:

The water turned *into* ice.

Вода превратилась *в* лед.

The caterpillar turned *into* a butterfly.

Гусеница превратилась *в* бабочку.

She is slowly changing *into* a beautiful woman.

Она постепенно превращается *в* красивую женщину.

Метафора ОБЪЕКТ ВОЗНИКАЕТ ИЗ СУБСТАНЦИИ также используется за рамками концепта СОЗДАНИЯ ОБЪЕКТА, но в существенно более ограниченном количестве случаев; в основном это примеры, связанные с эволюцией:

Mammals developed *out of* reptiles.

Млекопитающие произошли от пресмыкающихся (букв. развились из).

Our present legal system evolved *out of* English common law.

Наше существующее законодательство возникло *из* общего права Англии.

Таким образом, обе метафоры, к которым мы обращаемся для преобразования категории НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЪЕКТАМИ в концепт СОЗДАНИЯ ОБЪЕКТА, независимо друг от друга используются для концептуализации различных аспектов понятия CHANGE/ИЗМЕНЕНИЕ.

Эти две метафоры ИЗМЕНЕНИЯ, которые используются как часть концепта СОЗДАНИЯ ОБЪЕКТА, естественно возникают из такого фундаментального человеческого опыта, как рождение. При рождении объект (ребенок) выходит изместилища (матери). В то же время субстанция матери (ее тело и кровь) находится в ребенке (объекте-контейнере). Опыт рождения (а также сельскохозяйственного выращивания культур) обеспечивает концептуальную основу для общего понятия CREATION/СОЗИДАНИЕ, ядро которого составляет концепт СОЗДАНИЯ физического объекта, который, однако, далее распространяется и на абстрактные сущности. Мы можем увидеть это основание в метафорах рождения, относящихся к созиданию в самом общем смысле:

Our nation was *born out of* desire for freedom.

Наша нация *родилась* из жажды свободы.

His writings are products of his *fertile* imagination.

Его труды — продукт его богатого (букв. *плодородного*) воображения.

His experiment *spawned* a host of new theories.

Его эксперимент *породил* целый сомн новых теорий.

Your action will only *breed* violence.

Твои действия *вызовут* только жестокость (букв. *размножат* жестокость).

He *hatched* a clever scheme.

Он *вывел* умную схему.

He *conceived* a brilliant theory of molecular motion.

Он *задумал* (букв. *зачал*) блестящую теорию молекулярного движения.

Universities are *incubators* for new ideas.

Университеты — это *инкубаторы* новых идей.

The theory of relativity *first saw the light of day* in 1905.

Теория относительности *впервые увидела свет* в 1905 году.

The University of Chicago was the *birthplace* of the nuclear age.

Чикагский университет стал *местом рождения* ядерной эры.

Edward Teller is the *father* of the hydrogen bomb.

Эдвард Теллер — *отец* водородной бомбы.

Все это примеры общей метафоры CREATION IS BIRTH/СОЗИДАНИЕ — ЭТО РОЖДЕНИЕ. Здесь мы обнаруживаем другой пример метафорического осмысления причинной связи особого типа.

Наконец, есть еще один особый случай ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ, который мы концептуализуем в терминах метафоры EMERGENCE/ВОЗНИКНОВЕНИЕ. Это примеры, когда ментальное или эмоциональное состояние рассматривается как причина действия или события:

He shot the mayor *out of* desperation.

Он застрелил мэра *из-за* безумия.

He gave up his career *out of* love for his family.

Он отказался от карьеры *из* любви к семье.

His mother nearly went crazy *from* loneliness.

Его мать чуть не сошла с ума *от* одиночества.

He dropped *from* exhaustion.

Он упал *от* изнеможения.

He became a mathematician *out of* passion for order.

Он стал математиком *из* любви к порядку.

В приведенных примерах СОСТОЯНИЕ (безумие, одиночество и т. п.) рассматривается как вместилище, а действие или событие интерпретируется как объект, возникающий из вместилища. КАУЗАЦИЯ концептуализуется как ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОБЫТИЯ из СОСТОЯНИЯ.

Краткие выводы

Как только что было показано, концепт ПРИЧИННОСТИ основан на прототипе НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ с ОБЪЕКТАМИ, который прямо возникает из опыта человека. Прототипическое ядро расширяется метафорой для создания широкой категории ПРИЧИННОСТИ, предусматривающей множество особых случаев. Для этого используются следующие метафоры: ОБЪЕКТ ВОЗНИКАЕТ ИЗ СУБСТАНЦИИ, СУБСТАНЦИЯ ПЕРЕХОДИТ В ОБЪЕКТ, СОЗИДАНИЕ — ЭТО РОЖДЕНИЕ и КАУЗАЦИЯ (события состоянием) — ЭТО ВОЗНИКНОВЕНИЕ (события/объекта из состояния/вместилища).

Было также продемонстрировано, что прототипическое ядро концепта ПРИЧИННОСТИ — НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ с ОБЪЕКТАМИ — нельзя рассматривать как семантический примитив, не поддающийся дальнейшему анализу. Это, скорее, гештальт, состоящий из характеристик, которые естественно возникают вместе в актах непосредственного взаимодействия с окружением в повседневной жизни человека. С точки зрения нашего опыта, прототипический концепт НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ с ОБЪЕКТАМИ можно считать базовым и элементарным, но не в смысле теории «строительных кирпичиков». В таких теориях

каждое понятие либо является предельным строительным кирпичиком, либо может быть разложено на строительные кирпичики одним и только одним способом. Теория, которую мы предлагаем в следующей главе, наоборот, исходит из того, что существуют естественные измерения (dimensions) опыта и что понятия можно исследовать по этим измерениям разнообразными способами. Более того, в рамках нашего опыта понятия можно шаг за шагом анализировать по каждому из этих направлений, причем предельные строительные кирпичики будут обнаруживаться далеко не всегда.

Таким образом, есть три объяснения тому, почему ПРИЧИНОСТЬ не относится к числу примитивов, не допускающих дальнейший анализ:

- Причинность характеризуется в терминах семейного сходства с прототипом НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЪЕКТАМИ.
- Сам прототип НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЪЕКТАМИ представляет собой гештальт характеристик, которые естественно реализуются совместно друг с другом; этот гештальт допускает анализ, не ограниченный по глубине.
- Прототипическое ядро категории ПРИЧИНОСТИ метафорически переосмысливается различными способами.

Согласование в структурировании опыта

Эмпирические гештальты и измерения опыта

Мы постоянно говорили о метафорических понятиях, как о способах частичного структурирования одного вида опыта в терминах другого. Для того, чтобы точно выяснить, что стоит за категорией метафорического структурирования, необходимо сначала понять, что означает, что один или несколько актов опытного восприятия (*experiences*) согласованы по структуре. Например, мы предположили, что спор — это беседа, которая частично структурирована концептом ВОЙНЫ (это дает нам метафору СПОР — ЭТО ВОЙНА). Предположим, что вы ведете беседу и неожиданно замечаете, что она превратилась в спор. Что делает беседу спором и что общего у него с войной? Для установления различия между беседой и спором сначала нужно понять, что значит вести беседу.

Беседа в базовом понимании включает двух людей, которые говорят друг с другом. Обычно один из них начинает, а затем они говорят по очереди о некоторой общей теме или темах, связанных друг с другом. Смена реплик в диалоге и поддержание беседы на текущую тему (как и разрешенная правилами коммуникации смена темы) требуют определенной кооперации. И каковы бы ни были цели участников беседы, речевая коммуникация в общем случае предполагает социальное взаимодействие, отвечающее принципам вежливости.

Даже в таком простом случае, как вежливая беседа двух людей, обнаруживается несколько измерений структуры коммуникации:

Участники: Участники — представители определенного естественного класса, а именно люди. Здесь они берут на себя роли говорящих. Беседа определяется тем, что делают участники, и эти же участники исполняют свои роли в течение всей беседы.

Части: Части формируются на основе деятельности, относящейся к определенному естественному классу, а именно к речевой деятельности (*talking*). Каждый акт речи составляет часть всей беседы; для того, чтобы беседа была связной, эти части должны соединяться вместе определенным образом.

Этапы: Обычно для начала беседы необходимо выполнение нескольких условий, затем беседа проходит ряд этапов, включающих, по меньшей мере, начало, середину и конец. Таким образом, что-то говорится для начала

беседы (Hello! 'Привет', How are you 'Как дела?' и т.п.), что-то — для продолжения, а что-то еще — для окончания.

Линейная последовательность: Реплики участников диалога упорядочены в линейную последовательность, основанную на смене роли говорящего. Допускаются определенные пересечения, а также ошибки, когда говорящий еще не начинал говорить, и тогда другой участник продолжает. Без этих ограничений на линейную последовательность частей коммуникации получится монолог или простая куча слов, а не беседа.

Причинная связь: Ожидается, что реплика одного участника сменится репликой другого участника.

Цель: Беседы могут преследовать самые различные цели, но всем типичным беседам свойственна общая цель поддержания социального взаимодействия, отвечающего принципам вежливости, в рамках разумного кооперативного поведения.

Можно было бы добавить множество других свойств, более точно характеризующих беседу, но эти шесть измерений структуры коммуникации дают представление о том, что объединяет все типичные беседы.

Если вы участвуете в беседе (в структуре которой есть, как минимум, эти шесть измерений) и вы замечаете, что она превращается в спор, то что заставляет вас сделать такой вывод? Базовое отличие — это ощущение боевой готовности. Вы понимаете, что у вас есть мнение, которое для вас значимо, но другой человек его не принимает. По меньшей мере, один из участников хочет, чтобы другой отказался от своего мнения, и это создает ситуацию, в которой можно победить или проиграть. Вы осознаете, что участвуете в споре, когда обнаруживаете, что ваша позиция атакована или что есть необходимость атаковать позицию другого человека. Вполне развившимся спор становится тогда, когда оба участника отдают большую часть своей речевой энергии попыткам дискредитировать позицию другого, удерживая свою. Спор все равно остается беседой, хотя когда он становится жарким, правила вежливости в поддержании структуры коммуникации могут быть нарушены.

Ощущение боевой готовности приходит из опыта участия в ситуациях, сходных с военными действиями, даже если данная ситуация на самом деле не является настоящим боевым столкновением — действительно, комфортность беседы сохраняется. Вы воспринимаете другого участника как противника, вы атакуете его позиции, защищаете свои собственные и делаете все возможное, чтобы заставить его сдаться. Структура беседы приобретает черты военных действий, и вы действуете соответствующим образом. Ваше восприятие и действия частично соответствуют восприятию и действиям стороны, вовлеченной в войну. Более подробно это можно увидеть, рассмотрев следующие характеристики спора:

У вас есть мнение, которое для вас значимо (*есть позиция*).

Другой участник не согласен с вашей позицией (*есть другая позиция*).

Для одного из вас или для обоих вместе важно, чтобы другой отказался от своей позиции (*капитуляция*) и принял другую (*победа*) (*он — ваш противник*).

Различие в позициях превращается в конфликт позиций (*конфликт*).

Вы думаете о том, как лучше убедить его принять вашу точку зрения (*разработка стратегии*), и раздумываете, какие доказательства вы можете представить по спорному вопросу (*расположение сил*).

Рассматривая слабости позиции соперника, вы задаете вопросы и выдвигаете возражения для того, чтобы заставить его окончательно отказаться от своей позиции и принять вашу (*атака*).

Вы пытаетесь изменить исходные установки беседы так, чтобы оказаться в более выгодной позиции (*маневрирование*).

В ответ на его вопросы и возражения вы пытаетесь удержать свои позиции (*защита*).

В процессе спора поддержание ваших основных взглядов может потребовать некоторого пересмотра позиции (*отступление*).

Вы можете ставить новые вопросы и выдвигать новые возражения (*контратака*).

Либо вы устаете и решаете прекратить спор (*перемирие*), либо никто из вас не в состоянии убедить другого (*патовая ситуация*), или один из вас уступает (*капитуляция*).

Этот набор характеристик, превращающий беседу в спор, оказывается согласованным благодаря тому, что его части соответствуют элементам концепта ВОЙНЫ. То новое, что привносится в концепт БЕСЕДЫ из концепта ВОЙНЫ, можно обнаружить, обратившись к тем шести измерениям структуры коммуникации, которые были приведены в описании структуры беседы.

Участники: Вид участников — люди или группы людей. Они играют роль противников.

Части: Две позиции.
Разработка стратегии.
Атака.
Защита.
Отступление.
Маневрирование.
Контратака.
Патовая ситуация.
Капитуляция/победа.

Этапы: Предварительные условия: У участников различные позиции. Один или оба хотят, чтобы другой сдался. Каждый участник предполагает, что может защитить свою позицию.

Начало:	Один из соперников атакует.
Середина:	Комбинации из защиты, маневрирования, отступления, контратаки.
Конец:	Либо перемирие, либо патовая ситуация, либо капитуляция/победа.
Заключительное состояние:	Мир, победитель господствует над побежденным.

Линейная последовательность: Отступление после атаки.
Защита после атаки.
Контратака после атаки.

Причинная связь: Атака приводит к защите или контратаке, или отступлению, или концу.

Цель: Победа.

Понимание беседы как спора предполагает, что человек способен наложить части многомерной структуры концепта ВОЙНЫ на соответствующую структуру БЕСЕДЫ. Такие многомерные структуры присущи *эмпирическим гештальтам*, организующим различные виды опыта в *структурированное целое*. В метафоре СПОР — ЭТО ВОЙНА гештальт БЕСЕДЫ структурируется далее с помощью соответствий, устанавливаемых между отдельными элементами гештальта ВОЙНЫ и гештальтом СПОРА. Таким образом, одна деятельность, говорение, понимается в терминах другой — физического противоборства. *Согласованность* структурирования элементов нашего опыта обеспечивается такими многомерными гештальтами. Мы воспринимаем беседу как спор, когда наши ощущения и действия в беседе соответствуют гештальту ВОЙНЫ.

Анализ таких многомерных гештальтов и связей между ними и есть ключ к пониманию того, что значит согласованность элементов нашего опыта. Как мы видели выше, *эмпирические гештальты* — это *многомерные структурированные целые*. Их измерения, в свою очередь, формируются на основе непосредственно возникающих концептов. То есть различные измерения (участники, части, этапы и т. п.) представляют собой категории, которые естественно возникают из нашего опыта. Мы уже обнаружили, что ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ — это непосредственно возникающий концепт, другие измерения, в терминах которых мы категоризируем наш опыт, также имеют достаточно очевидную опытную основу:

Участники: Это измерение возникает из концепта SELF 'CAM' как актора, ограничиваемого от действий, которые он производит. Мы также выделяем и различные *виды* участников (например, людей, животных, объекты).

Части: Мы ощущаем себя как нечто, имеющее части (руки, ноги, и т. п.), которые мы можем самостоятельно контролировать. Подобным же образом

мы воспринимаем физические объекты — либо в категориях естественно присущих им частей, либо частей, представление о которых мы на них накладываем сами, либо благодаря нашему восприятию, взаимодействию с ними или их использованию. Аналогично мы накладываем структуру «часть—целое» на события и деятельность. И, как и в случае с участниками, мы различаем разные *виды* частей (например, виды объектов, виды деятельности и т. п.).

Этапы: Наши простейшие моторные функции включают знание о том, где мы находимся и в какой позиции (начальные условия), о начале действия (начало), о выполнении моторной функции (середина) и об остановке (конец), которая приводит нас к конечному состоянию.

Линейная последовательность: Кроме того, контроль за элементарными моторными функциями требует, чтобы они были расположены в линейную последовательность.

Цель: С рождения (или даже раньше) у нас возникают потребности и желания, и мы очень рано понимаем, что для их удовлетворения нужно осуществить определенные действия (крики, движения, операции с объектами).

Вот некоторые базовые измерения нашего опыта. Мы классифицируем наш опыт в таких терминах. И мы обнаруживаем согласованность различных видов опыта постольку, поскольку мы в состоянии категоризировать этот опыт в терминах гештальтов, которым присущи, по меньшей мере, эти измерения.

Что означает для концепта сочетаться с опытом?

Давайте вернемся к тому ощущению, которое мы испытываем, участвуя в беседе, переходящей в спор. Как мы видели, участие в беседе представляет собой структурированный опыт. Когда мы беседуем, мы автоматически и бессознательно классифицируем наш опыт в терминах измерений, естественных для гештальта БЕСЕДЫ. Кто участвует? Чья очередь говорить (чья часть)? На каком этапе диалога мы находимся? И т. д. Тот процесс говорения и слушания, в который мы вовлечены, мы воспринимаем как особый *вид* опыта, как беседу, именно на основании гештальта БЕСЕДЫ, который накладывается на то, что происходит. Когда мы осознаем, что измерения нашего опыта сочетаются также и с гештальтом ВОЙНЫ, мы понимаем, что вовлечены в другой *вид* опыта, а именно в спор. Именно этими средствами мы классифицируем отдельные виды опыта, а классифицировать опыт необходимо для того, чтобы знать, что делать.

Таким образом, мы классифицируем отдельные виды опыта в концептуальной системе в терминах эмпирических гештальтов. Здесь необходимо различать следующее:

- 1) сам опыт в том виде, в котором мы его структурировали; и
- 2) концепты, которые использовались для его структурирования, т. е. такие многомерные гештальты, как БЕСЕДА и СПОР.

Концепт (скажем, БЕСЕДА) сам обуславливает те или иные естественные измерения (например, участников, части, этапы и т. п.), а также то, как соотносятся эти измерения между собой. Прослеживается последовательная связь (измерение за измерением) между концептом БЕСЕДЫ и сторонами реальной деятельности человека в речевом общении. Именно это мы имели в виду, когда говорили, что концепт сочетается с опытом.

Именно посредством такой концептуализации опыта мы выделяем его «важные» аспекты. И выбирая то, что «важно» в опыте, мы можем категоризовать опыт, понимать и запоминать его. Если бы нам нужно было рассказать вам о вчерашнем споре, то рассказ был бы правдив, если бы концепт СПОРА, включающий нас как участников, по всем измерениям сочетался бы с нашим вчерашним опытом.

Метафорическое структурирование versus субкатегоризация

При обсуждении понятия СПОРА мы исходили из того, что есть четкое разделение между субкатегоризацией и метафорическим структурированием. С одной стороны, мы считали утверждение «Спор — это беседа» примером субкатегоризации, так как спор по существу — это *вид* беседы. В обоих случаях осуществляется один и тот же вид деятельности — говорение, и спору присущи все основные структурные характеристики беседы. Таким образом, наши критерии для категоризации были следующими:

- а) некоторый вид деятельности и
- б) достаточное количество общих структурных черт.

С другой стороны, мы рассматривали концепт СПОР — ЭТО ВОЙНА как метафору, поскольку спор и война это по существу разные виды деятельности, и СПОР частично структурируется в терминах ВОЙНЫ. Спор — это другой вид деятельности, так как он вместо сражения предполагает говорение. Структура понятия ВОЙНЫ фрагментарна, так как используются только избранные элементы этого концепта. Таким образом, у нас было два критерия для метафоры:

- а) различие в видах деятельности и
- б) частичное структурирование (использование отдельных компонентов концепта ВОЙНЫ).

Однако на основе этих критериев не всегда удастся отличить субкатегоризацию от метафоры. Причина состоит в том, что не всегда понятно, имеем ли мы дело с одним видом деятельности или с несколькими. Возьмем, например, концепт AN ARGUMENT IS A FIGHT/СПОР — ЭТО СХВАТКА.

Это субкатегоризация или метафора? Проблема в том, считать ли одним и тем же видом деятельности схватку и спор? Это не простой вопрос. Схватка — это попытка достичь превосходства, обычно предполагающая причинение ранений, боли, нанесение повреждений и т. п. Но есть физическая боль и есть то, что называется психологической болью; существует физическое превосходство и психологическое превосходство. Если ваш концепт СХВАТКИ включает психологическое превосходство и психологическую боль в паре с физическим превосходством и физической болью, тогда для вас СПОР — ЭТО СХВАТКА, скорее, будет субкатегоризацией, чем метафорой, так как психологическое превосходство будет в этом случае общим свойством и СПОРА, и СХВАТКИ. С этой точки зрения спор будет видом схватки, структурированной в форме беседы. Если, с другой стороны, вы понимаете СХВАТКУ как чисто физическую сущность, а психологическую боль — как метафору, тогда вы можете рассматривать понятие СПОР — ЭТО СХВАТКА метафорически.

Дело здесь в том, что субкатегоризация и метафора — это конечные точки в континууме. Отношение вида *A* есть *B* (например, СПОР — ЭТО СХВАТКА) будет четким случаем субкатегоризации, если *A* и *B* — один и тот же вид объекта или деятельности, и будет явной метафорой, если они определено являются разными видами объектов или деятельности. Но когда неясно, являются ли *A* и *B* одинаковыми объектами или деятельностью, тогда отношение *A* есть *B* попадает куда-то на середину континуума.

Существенно, что теория, основные черты которой намечены в главе 14, допускает наличие четких и нечетких случаев. Нечеткие случаи будут включать те же виды структур (с теми же измерениями и теми же возможными сложностями), что и четкие случаи. В нечетких случаях вида *A* есть *B*, как *A*, так и *B* будут гештальтами, которые структурируют определенные виды деятельности (или объекты). Вопрос лишь в том, будут ли *A* и *B*, структурированные этими гештальтами, одним и тем же *видом* деятельности или, соответственно, объектами одного вида.

Мы до сих пор характеризовали согласованность в терминах опытных гештальтов, у которых есть разные измерения, естественно возникающие из опыта. Некоторые гештальты относительно просты (БЕСЕДА), а некоторые детально разработаны (ВОЙНА). Есть также очень сложные гештальты, которые частично структурируются в терминах других гештальтов. Это то, что мы называли *метафорически структурированные концепты*. Некоторые понятия структурируются с помощью метафор практически полностью. Концепт ЛЮБВИ, например, в основном структурирован в метафорических терминах: ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ — ЭТО БОЛЬНОЙ, ЛЮБОВЬ — ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА, ЛЮБОВЬ — ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ — ЭТО ВОЙНА и т. п.¹⁾ У понятия ЛЮБВИ

¹⁾ См. главу 10. — *Прим. ред.*

есть ядро, которое минимально структурировано субкатегоризацией LOVE IS AN EMOTION 'ЛЮБОВЬ — ЭТО ЭМОЦИЯ' и связью с другими эмоциями, например, с эмоцией симпатии. Это типично для концептов эмоций, которые не определены четко нашим непосредственным опытом прямого взаимодействия с объектами, а потому должны в основном пониматься косвенно, через метафору.

Но согласованность — это нечто большее, чем простое структурирование в терминах многомерных гештальтов. Когда концепт структурируется более, чем одной метафорой, различные метафорические структуры обычно сочетаются друг с другом. Теперь мы обратимся к другим аспектам согласованности — как в отдельно взятой метафорической структуре, так и в двух или более метафорах.

Согласованность метафор

Особые свойства концепта

До сих пор мы достаточно детально рассматривали понятие СПОРА, чтобы получить представление о его структуре в целом. Как и в случае со многими другими концептами общего характера, у понятия СПОРА есть особые свойства, которые используются в определенных субкультурах или в определенных ситуациях. Мы видели, например, что в сфере науки и образования, юриспруденции и т. п. концепт СПОРА преобразуется в РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР, который отличается от повседневного, «неразумного» спора. В РАЦИОНАЛЬНОМ СПОРЕ тактические приемы *в идеале* ограничены указанием посылок, перечислением фактов в пользу доказываемого тезиса и выводением логических следствий. Как было показано, на практике тактические приемы повседневного спора (запугивание, призывы к авторитетам и т. п.) появляются и в реальном «рациональном» споре в замаскированной или облагороженной форме. Эти дополнительные ограничения определяют РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР как особое ответвление общего концепта СПОРА. Более того, в случае РАЦИОНАЛЬНОГО СПОРА налагаются еще большие ограничения на саму цель спора. В идеальном случае цель победы в споре — это служение более высокой цели понимания.

Внутри самой категории РАЦИОНАЛЬНОГО СПОРА идет дальнейшая специализация. Так как письменный дискурс исключает диалог двух участников, развилась особая форма спора с одним участником. Здесь говорение обычно переходит в письменный текст, а автор обращается не к реальному противнику, а к множеству гипотетических или реальных противников, которые не представлены в ситуации и не могут защищать себя, контратаковать и т. п. В этом случае мы получаем особый концепт РАЦИОНАЛЬНОГО СПОРА С ОДНИМ УЧАСТНИКОМ.

Наконец, есть различие между спором, как *процессом* (аргументированием), и спором, как *результатом* (тем, что было написано или сказано в процессе спора). В этом случае процесс и результат — близкородственные стороны одного и того же общего концепта, ни одна из которых не может существовать без другой, и на каждой из которых может быть фиксировано внимание. Таким образом, когда мы говорим об этане спора, это может относиться и к процессу, и к результату.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР С ОДНИМ УЧАСТНИКОМ — особая ветвь общего концепта СПОРА и, как таковая, имеет множество ограничений. Так как противник отсутствует, необходимо исходить из предположения о существовании идеализированного противника. Если цель спора — одержать победу, то это должно быть победой над идеализированным противником, который отсутствует в данной ситуации. Единственный способ гарантировать победу — побороть всех возможных противников и убедить нейтральную сторону согласиться с доводами в пользу отстаиваемого тезиса. Для этого необходимо предвидеть все возможные возражения, способы защиты, атаки и т. п. и учесть их при создании своей аргументации. Так как речь идет о РАЦИОНАЛЬНОМ СПОРЕ, все эти шаги должны быть предприняты не только для того, чтобы победить, но и для служения более высокой цели — пониманию.

Дальнейшие ограничения, накладываемые на рациональный спор с одним участником, требуют от нас обратить особое внимание на те свойства спора, которые не столь важны (а возможно, даже и вообще отсутствуют) в обыденном споре. Это, в частности, следующие характеристики:

Содержание: Вам необходимо иметь достаточное количество доказательств, подтверждающих вашу правоту, и достаточно долго говорить об очевидных вещах, чтобы высказать свое мнение и преодолеть все возможные возражения.

Развитие: Вы должны начинать с тех посылок, по которым согласие уже достигнуто, и последовательно двигаться к некоторому заключению.

Структура: РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР требует установления соответствующих логических связей между его различными частями.

Прочность: Способность аргументации выдержать атаку зависит от весомости доказательств и прочности логических связей.

Базовость: Некоторые утверждения более важны для поддержки и защиты остальной аргументации, чем другие, так как последующие утверждения основываются именно на них.

Очевидность: В любом споре есть неочевидные вещи. Их необходимо определить и достаточно детально изучить.

Непосредственность: Действенность аргументации может зависеть от того, насколько прямо вы двигаетесь от посылок к заключению.

Ясность: Ваши утверждения и связи между ними должны быть достаточно ясными, чтобы читатель мог их понять.

Это те аспекты рационального спора с одним участником, присутствие которых необязательно в обычном повседневном споре. Понятие БЕСЕДЫ и метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА не фокусируют внимание на этих особенностях коммуникации, которые являются решающими для идеализированного РАЦИОНАЛЬНОГО СПОРА. В результате категория РАЦИОНАЛЬНОГО СПОРА специфицируется далее с помощью других метафор,

которые действительно позволяют обратить внимание на эти важные свойства: AN ARGUMENT IS A JOURNEY 'СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ', AN ARGUMENT IS A CONTAINER 'СПОР — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ' и AN ARGUMENT IS A BUILDING 'СПОР — ЭТО СТРОЕНИЕ'. Как мы увидим, каждая из этих метафор дает возможность обсуждать некоторые из указанных выше особенностей концепта РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР. Ни одна из них сама по себе недостаточна, чтобы сформировать полное, последовательное и исчерпывающее представление обо всех свойствах категории РАЦИОНАЛЬНОГО СПОРА, но все вместе они дают внутренне согласованное понимание того, что представляет собой рациональный спор. Теперь мы хотели бы обратиться к следующей проблеме: что означает, что различные метафоры, каждая из которых частично структурирует концепт, вместе обеспечивают внутренне согласованное понимание этого концепта как целого?

Согласованность в рамках отдельно взятой метафоры

Мы можем получить приблизительное представление о механизме согласования в рамках отдельной метафорической структуры, начав с метафоры СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Данная метафора связана с целью спора, с тем, что у него должно быть начало, линейное развертывание и развитие по этапам к цели. Вот несколько очевидных примеров обсуждаемой метафоры:

AN ARGUMENT IS A JOURNEY

СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

We have *set out* to prove that bats are birds.

Мы изложили доказательства того (букв. *отправились в*), что летучие мыши — это птицы.

When *we get to the next point*, we shall see that philosophy is dead.

Двигаясь дальше, мы увидим, что философия мертва.

So far, we've seen that no current theories will work.

До сих пор мы видели, что никакие современные теории не работают.

We will *proceed in a step — by — step* fashion.

Мы будем *продвигаться шаг за шагом*.

Our *goal* is to show that hummingbirds are essential to military defense.

Наша *цель* (букв. *место назначения*) показать, что колибри важны для обороны.

This observation *points the way* to an elegant solution.

Это наблюдение *указывает путь* к элегантному решению.

We have *arrived at* a disturbing conclusion.

Мы *пришли* к тревожному заключению.

Часть того, что мы знаем о путешествиях — это JOURNEY DEFINES A PATH/ПУТЕШЕСТВИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЬ.

JOURNEY DEFINES A PATH**ПУТЕШЕСТВИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЬ**

He *strayed from* the path.

Мы *сбились с* пути.

He's *gone off in the wrong direction*.

Он *идет не в ту сторону*.

They're *following* us.

Они *следуют* за нами.

I'm *lost*.

Я *заблудился*.

Соединяя вместе концепты СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и ПУТЕШЕСТВИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЬ, мы получаем следующую метафору:

AN ARGUMENT DEFINES A PATH**СПОР ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЬ**

He *strayed from the line* of argument.

Он *ушел в сторону от* основной темы спора (букв. *линии* спора).

Do you *follow* my argument?

Следишь ли (букв. *следуешь ли*) ты за моей аргументацией?

Now we've *gone off in the wrong direction* again.

Теперь мы опять *пошли не в ту сторону*.

I'm *lost*.

Я *заблудился*.

You're *going around in circles*.

Мы *ходим по кругу*.

Кроме того, пути воспринимаются как поверхности (представьте себе ковер, который, раскручиваясь перед вами, намечает, таким образом, ваш путь):

THE PATH OF A JOURNEY IS A SURFACE**ПУТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ**

We *covered* a lot of ground.

Мы *охватили широкую область* (букв. *покрыли*).

He's *on* our trail.

Он *напал на* наш след.

He *strayed off* the trail.

Он *сбился со* следа.

We went back *over* the same trail.

Мы *пошли обратно по* тем же следам.

Имея концепты СПОР ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЬ и ПУТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ, мы получаем следующую метафору:

THE PATH OF AN ARGUMENT IS A SURFACE

ПУТЬ СПОРА — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ

We have already *covered* those points.

Мы уже охватили эти вопросы (букв. *покрыли*).

We have *covered* a lot of *ground* in our argument.

Мы уже охватили массу вопросов в споре (букв. *покрыли* большую область).

Let's go back *over* the argument again.

Давайте снова вернемся к спору (букв. *на* спор).

You're getting *off* the subject.

Мы уходим *от* главного вопроса.

You're really *onto* something else.

Мы действительно занимаемся чем-то не тем (букв. *на* чем-то другом).

We're well *on* our *way* to solving this problem.

Мы *на пути* к решению проблемы.

Эти примеры соотносятся с метафорой СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Системность им придает пара метафорических следствий, базирующихся на следующих знаниях о путешествиях:

Знания о путешествиях:

ПУТЕШЕСТВИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЬ

ПУТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ

Метафорические следствия:

СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЬ

Следовательно, СПОР ОПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЬ

СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

ПУТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ

Следовательно, ПУТЬ СПОРА — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ

Здесь метафорические следствия характеризуют *внутреннюю* системность метафоры СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, т. е. делают все примеры, подпадающие под эту метафору, согласованными.

Согласование между двумя аспектами одного концепта

Метафора СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ представляет собой лишь одну из множества метафор, используемых по отношению к этому феномену.

Мы обращаемся к ней тогда, когда хотим привлечь внимание к таким сторонам спора, как цель, направление или его развитие, а также в тех случаях, когда говорим о них. Если мы желаем обсудить содержание спора, то используем сложную структурную метафору AN ARGUMENT IS A CONTAINER/СПОР — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ. Вместителища можно рассматривать как сущности, формирующие ограниченное пространство (с поверхностью-границей, центром и периферией), и как нечто, содержащее субстанцию (причем, количество этой субстанции варьируется и она может иметь ядро, расположенное в центре). Мы используем метафору СПОР — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, когда хотим высветить один из содержательных аспектов спора.

AN ARGUMENT IS A CONTAINER

СПОР — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ

Your argument doesn't have much *content*.

Это бессодержательная аргументация.

That argument *has holes* in it.

Твоя аргументация *неполна* (букв. В твоей аргументации есть дыры).

You don't have *much of* an argument, but his objections have even *less substance*.

У тебя *немного* аргументов, но в его возражениях смысла (букв. *субстанции*) еще меньше.

Your argument is *vacuous*.

Твои аргументы *бессодержательны*.

I'm tired of your *empty* arguments.

Я устал от твоих бессмысленных (букв. *пустых*) возражений.

You won't *find* that idea *in* his argument.

Этой идеи вы *в* его аргументах не *найдете*.

That conclusion *falls out of* my argument.

Это заключение *следует* (букв. *выпадает*) из моих аргументов.

Your argument *won't hold water*.

Ваша аргументация не выдерживает критики (букв. *не держит воды*).

Those points are *central* to the argument — the rest is *peripheral*.

Это *центральный* вопрос спора, остальное — это *периферия*.

I still haven't gotten to the *core* of his argument.

Я все еще не дошел до сути (букв. *внутренности*) его аргументации.

Так как цели у метафор ПУТЕШЕСТВИЯ и ВМЕСТИЛИЩА различны, т.е. они используются для привлечения внимания к деталям разных сторон спора (к цели и развитию *versus* содержанию), то и полного совпадения этих метафор ожидать трудно. В некоторых случаях можно при обсуждении спора одновременно фокусировать внимание и на идее ПУТЕШЕСТВИЯ (развития), и на идее ВМЕСТИЛИЩА (содержания). Именно

так получаются некоторые смешанные метафоры, которые одновременно иллюстрируют эти обе стороны спора.

Пересечение метафор ПУТЕШЕСТВИЯ и ВМЕСТИЛИЩА:

At this point our argument doesn't have much content.

В данный момент (букв. в данной точке) это малосодержательный спор.

In what we've done so far, we have provided the core of our argument. До сих пор мы обсуждали суть (букв. внутренность) нашего спора.

If we keep going the way we're going, we'll fit all the facts in.

Если мы будем продолжать идти тем же путем, мы сможем свести воедино все данные.

Это пересечение возможно, потому что у метафор ПУТЕШЕСТВИЯ и ВМЕСТИЛИЩА есть общие следствия. Обе метафоры позволяют проводить различие между формой и содержанием спора. В метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ путь соответствует форме спора, а пространство, пройденное в пути, соответствует содержанию. Когда мы ходим кругами, идти мы можем долго, но не охватим большúю площадь; это значит, что спор не будет содержательным. Однако в хорошем споре каждый элемент формы используется для выражения определенного содержания. В метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ чем длиннее путь (длиннее спор), тем бóльшая площадь им охватывается (тем больше в споре содержания). В метафоре ВМЕСТИЛИЩА ограничивающая вместилище поверхность соответствует форме спора, а то, что находится внутри вместилища, соответствует «содержанию» спора. В функционально сконструированном и эффективно эксплуатируемом вместилище вся ограничивающая поверхность используется для хранения содержания. В идеале, чем больше ограничивающая поверхность (длиннее спор), тем больше во вместилище субстанции (тем больше содержания в споре). По мере того, как удлиняется путь путешествия, увеличивается и поверхность, с ним связанная, в другой метафоре в аналогичном случае все больше и больше становится поверхность вместилища. Пересечение двух метафор — это создание все более увеличивающейся поверхности. По мере того, как спор охватывает все бóльшую площадь (благодаря поверхности метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ), он получает все больше содержания (благодаря поверхности метафоры ВМЕСТИЛИЩА).

Это пересечение мотивировано общим следствием, возникающим следующим образом.

Неметафорическое следствие, связанное с путешествиями:

По мере того, как мы путешествуем, возникает путь движения.

A PATH IS A SURFACE/ПУТЬ — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ

Следовательно, по мере того, как мы путешествуем, возникает постепенно увеличивающаяся поверхность.

Метафорическое следствие, связанное с представлением о спорах (и основанное на путешествиях):

СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

По мере того, как мы путешествуем, возникает постепенно увеличивающаяся поверхность.

Следовательно, по мере того, как мы спорим, возникает постепенно увеличивающаяся поверхность.

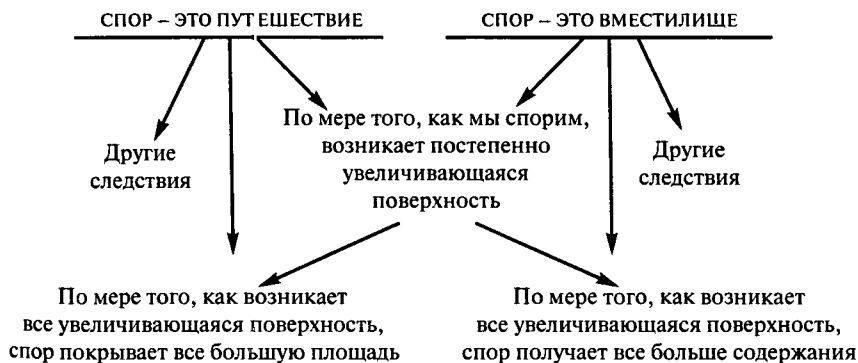
Метафорическое следствие, связанное с представлением о спорах (и основанное на вместилище):

СПОР — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ

По мере того, как мы создаем вместилище, возникает постепенно увеличивающаяся поверхность.

Следовательно, по мере того, как мы спорим, возникает постепенно увеличивающаяся поверхность.

В данном случае у двух метафорических следствий обнаруживается одно и то же заключение. Эту идею можно проиллюстрировать соответствующей схемой.

Именно это пересечение следствий двух метафор определяет их согласованность и обеспечивает связь между размером площади, покрываемой спором, и объемом представленного в нем содержания. Это позволяет данным метафорам «сочетаться друг с другом», хотя они и неполностью совместимы, т.е. нет «единого образа», который полностью соответствовал бы обеим метафорам. Поверхность вместилища и поверхность пути являются поверхностями благодаря общим топологическим свойствам. Но наше представление о поверхности пути очень отличается от представлений о поверхностях вместилищ различных типов. Абстрактный топологический концепт поверхности, который обеспечивает пересечение этих двух метафор, недостаточно конкретен для создания образа. В общем случае, если метафоры внутренне согласованы (coherent),

но не совместимы (consistent), нельзя ожидать, что на их основе возникнут непротиворечивые образы.

Различие между согласованностью и совместимостью очень важно. Каждая метафора фокусирует внимание на одном аспекте СПОРА: поэтому каждая служит особой цели. Кроме того, каждая метафора позволяет нам понимать один аспект концепта в терминах другого, более четко определенного концепта, например ПУТЕШЕСТВИЯ или ВМЕСТИЛИЩА. Почему для осмысления спора нам нужны обе эти метафоры? Да потому, что нет одной метафоры, которая выполнила бы всю работу: позволила бы нам одновременно обсуждать оба аспекта спора — его направление и содержание. Эти коммуникативные цели не охватываются единой метафорой. А там, где не смешиваются цели, не смешиваются и метафоры. На основе сказанного можно сконструировать примеры недопустимого совмещения метафор, которые нельзя смешивать из-за отсутствия одной четко определенной метафоры, удовлетворяющей обоим целям одновременно. Например, мы можем говорить о *направлении* спора и о *содержании* спора, но не о *направлении содержания* спора и не о *содержании направления* спора. Поэтому приводимые ниже примеры метафор не встречаются в реальных контекстах:

We can now follow the *path* of the *core* of the argument.

Сейчас мы не можем следовать за *путем сути* (букв. *внутренности*) спора.

The *content* of the argument *proceeds* as follows.

Содержание спора *идет далее* следующим образом.

The *direction* of his argument has no *substance*.

букв. В *направлении* его спора нет *субстанции*.

I am disturbed by the *vacuous path* of your argument.

Меня тревожит *пустой путь* твоих аргументов.

Две метафоры были бы совместимы, если бы существовала возможность *полностью* достичь обеих целей с помощью одного четко определяемого концепта. Вместо этого достигается лишь внутренняя согласованность, в рамках которой обе цели достигаются неполностью. Например, метафора ПУТЕШЕСТВИЯ высвечивает одновременно и направление, и развитие процесса достижения цели. Метафора ВМЕСТИЛИЩА обращает внимание на содержание с точки зрения количества, плотности, центральности и границ. Аспект *развития* процесса в метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ и аспект *количества* в метафоре ВМЕСТИЛИЩА могут быть одновременно выдвинуты на первый план, так как количество возрастает во время развития спора. А это, как мы видели, приводит к допустимому смешению метафор.

К данному моменту, рассматривая согласованность двух способов структурирования концепта СПОРА с помощью метафор, мы обнаружили следующее:

- Метафорические следствия играют важную роль в объединении примеров *одного* способа структурирования концепта с помощью метафор (как в различных примерах метафоры СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ).
- Метафорические следствия также играют важную роль в объединении *двух различных* способов структурирования одного концепта с помощью метафор (как в метафорах ПУТЕШЕСТВИЯ и ВМЕСТИЛИЩА для СПОРА).
- Общее метафорическое следствие может формировать связи между разными метафорами. Например, такое общее следствие, как ПО МЕРЕ ТОГО, КАК МЫ СПОРИМ, ВОЗНИКАЕТ ПОСТЕПЕННО УВЕЛИЧИВАЮЩАЯСЯ ПОВЕРХНОСТЬ, устанавливает соответствие между площадью, покрываемой в споре (благодаря метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ), и объемом содержания, представленного в споре (благодаря метафоре ВМЕСТИЛИЩА).
- Разные способы структурирования концепта с помощью метафор служат различным целям, высвечивая различные аспекты понятия.
- Там, где есть пересечение коммуникативных целей, есть и пересечение метафор, а отсюда и согласованность между ними. Допустимые смешанные метафоры попадают в это пересечение.
- В общем случае полная совместимость метафор редка; согласованность же, наоборот, типична.

Сложные случаи согласования между метафорами

Самое важное, о чем необходимо помнить, обсуждая проблему согласованности метафор, — это роль, которую играют цели. Структурирование концепта с помощью метафор, скажем, понятия спора с помощью метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ, позволяет обсуждать один аспект концепта. Таким образом, метафора работает, если достигает своей цели, т. е. способствует пониманию выбранного аспекта понятия. Если две метафоры достигают две цели, то пересечению целей будет соответствовать пересечение метафор. Мы утверждаем, что такие пересечения могут быть охарактеризованы в терминах общих метафорических следствий и соответствий между метафорами, которые они устанавливают.

В предыдущей главе мы рассмотрели это на простом примере. Теперь хотелось бы показать, что те же механизмы работают и в сложных случаях. Существуют два источника сложностей в согласовании метафор:

- 1) часто одно понятие частично структурируется множеством метафор и
- 2) при обсуждении одного понятия мы используем другие понятия, которые сами понимаются в терминах метафоры, что приводит к дальнейшему пересечению метафор. Факторы, ведущие к таким усложнениям, можно выделить при дальнейшем исследовании концепта СПОРА.

В общем случае спор служит цели понимания. Мы спорим, когда необходимо показать связь между тем, что очевидно, что мы воспринимаем само по себе, и тем, что неочевидно. Мы достигаем этого, сочетая разные идеи, которые и составляют содержание спора. То, что понимается само по себе, оказывается исходным пунктом спора. То, что мы хотим показать в споре, это цели, которые необходимо достичь. По мере продвижения к целям мы устанавливаем все больше связей. Связи могут быть сильными и слабыми; структура сети связей имеет всеобъемлющий характер. В любом споре одни идеи и связи могут быть более базовыми, чем другие, кроме того, некоторые идеи могут быть более очевидными, чем другие. Качество спора зависит от его содержания, силы связей, от того, насколько непосредственно эти связи установлены и насколько легко их понять. Короче говоря, цель использования различных метафор

по отношению к спору заключается в том, чтобы обеспечить понимание следующих аспектов этого феномена:

содержание	базовость
развитие	очевидность
структура	непосредственность
сила	ясность

В предыдущей главе было показано, что метафора ПУТЕШЕСТВИЯ позволяет фокусировать внимание, как минимум, на содержании и развитии спора, а метафора ВМЕСТИЛИЩА дает возможность, по крайней мере, сосредоточиться на его содержании, и что пересечение этих метафор возможно благодаря идее последовательного накопления содержания. Но эти две метафоры служат для достижения и других целей и включены в более сложные структуры согласований между метафорами. Чтобы увидеть это, рассмотрим третью метафору спора:

AN ARGUMENT IS A BUILDING

СПОР — ЭТО СТРОЕНИЕ

We've got the *framework* for a *solid* argument.

У нас есть *каркас* для веской (букв. *прочной*) аргументации.

If you don't *support* your argument with *solid* facts, the whole thing will *collapse*.

Если ты не *подкрепишь* свои аргументы вескими (букв. *прочными*) доказательствами, все *рухнет*.

He is trying to *buttress* his argument with a lot of irrelevant facts, but it is still so *shaky* that it will easily *fall apart* under criticism.

Он пытается *подкрепить* свои аргументы несущественными фактами, но они все равно настолько *шатки*, что легко *развалятся* от критики.

With the *groundwork* you've got, you can *construct* a pretty *strong* argument.

На таком *фундаменте* ты можешь *построить* достаточно *прочную* аргументацию.

Взятые вместе метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ, ВМЕСТИЛИЩА и СТРОЕНИЯ позволяют сосредоточить внимание на всех указанных аспектах СПОРА; это иллюстрирует следующий список соответствий:

ПУТЕШЕСТВИЕ	ВМЕСТИЛИЩЕ	СТРОЕНИЕ
содержание	содержание	содержание
развитие	развитие	развитие
непосредственность	базовость	базовость
очевидность	сила	сила
	ясность	структура

Вот примеры метафорического осмысления каждого из этих аспектов феномена спора:

JOURNEY

ПУТЕШЕСТВИЕ

So far, we haven't covered much ground (progress, content).

До сих пор мы недалеко ушли (букв. *покрыли небольшую площадь*) (развитие, содержание).

This is a *roundabout* argument (directness).

Это спор, *идущий по кругу* (непосредственность).

We need to go *into this further* in order to *see clearly* what's involved (progress, obviousness).

Нам необходимо в это *углубиться*, чтобы *ясно увидеть*, что мы затронем (развитие, очевидность).

CONTAINER

ВМЕСТИЛИЩЕ

You have all the right ideas *in* your argument, but the argument is *still not transparent* (content, progress, clarity).

Все идеи вашей аргументации (букв. *в* вашей аргументации) верны, но сами аргументы *все еще* не ясны (букв. *прозрачны*) (содержание, развитие, ясность).

These ideas form the *solid core* of the argument (strength, basicness).

Эти идеи формируют *прочное ядро* (букв. *внутренность*) аргументации (сила, базовость).

BUILDING

СТРОЕНИЕ

We've got a *foundation* for the argument, now we need a *solid framework* (basicness, strength, structure).

У нас есть *основание* для аргументации, теперь нам необходим *прочный каркас* (базовость, сила, структура).

We have now *constructed most of the argument* (progress, content).

Мы *выстроили большую часть аргументации* (развитие, содержание).

Как мы видели в предыдущей главе, в основе пересечения метафор ПУТЕШЕСТВИЯ и ВМЕСТИЛИЩА лежит факт, что и осуществление путешествий, и функционирование вместилищ связано с поверхностью. То, что у строения также есть поверхность — основание и внешний каркас, создает возможность дальнейшего пересечения этих метафор с метафорой СТРОЕНИЯ. В каждом случае *поверхность* коррелирует с *содержанием*, но способ выражения этой корреляции различен:

ПУТЕШЕСТВИЕ: Поверхность зависит от пути спора, который «покрывает площадь», а содержание — это площадь, покрываемая спором.

ВМЕСТИЛИЩЕ: Содержание находится внутри вместилища, границы которого определяются его поверхностью.

СТРОЕНИЕ: Поверхность — это внешний каркас и основание, которые формируют внутреннюю часть здания. Но в отличие от метафоры ВМЕСТИЛИЩА, в метафоре СТРОЕНИЯ содержание находится не *во* внутренней части здания; его *образуют* основание и внешний каркас. Это видно из таких примеров, как The foundation of your argument does not have enough content to support your claims 'Твои аргументы недостаточно обоснованы, чтобы служить доказательством утверждений (букв. основание аргументов не имеет достаточно содержания)' и The framework of your argument does not have enough substance to withstand criticism 'Структура твоей аргументации недостаточно продумана (букв. каркас твоих аргументов не имеет достаточно содержания), чтобы выдержать критику'.

Назовем эти поверхности «поверхностями, определяющими содержание» (content-defining surfaces).

Понятия поверхности, определяющей содержание, недостаточно для объяснения многих случаев согласования между метафорами. Например, есть примеры пересечения метафор, основанные на понятии глубины. Так как глубина также определяется относительно поверхности, можно подумать, что поверхность, определяющая глубину для каждой метафоры, будет той же, что и поверхность, определяющая содержание. Однако, как показывают примеры, это не всегда так:

This is a *shallow* argument; it needs more *foundation* (BUILDING).

Это *поверхностное* утверждение, оно требует дополнительного обоснования (букв. больше основания) (СТРОЕНИЕ).

We have *gone over* these ideas in *great depth* (JOURNEY).

Мы очень тщательно рассмотрели эти идеи (букв. *прошлись вглубь*) (ПУТЕШЕСТВИЕ).

You haven't gotten to the *deepest* points yet — those at the *core* of the argument (CONTAINER).

Мы еще не дошли до *самой глубины* — до ядра (букв. *внутренности*) спора (ВМЕСТИЛИЩЕ).

В обеих метафорах — СТРОЕНИЯ и ПУТЕШЕСТВИЯ — поверхность, определяющая глубину, — это уровень земли. В метафоре ВМЕСТИЛИЩА это опять-таки поверхность вместилища.

	ПУТЕШЕСТВИЕ	ВМЕСТИЛИЩЕ	СТРОЕНИЕ
Поверхность, определяющая содержание	Поверхность, возникающая при движении по пути (покрытие)	Поверхность вместилища	Основание и каркас
Поверхность, определяющая глубину	Уровень земли	Поверхность вместилища	Уровень земли

Прежде чем продолжить обсуждение согласования метафор, необходимо иметь в виду, что существуют два различных понятия глубины. В метафорах СТРОЕНИЯ и ВМЕСТИЛИЩА более базовым является то, что глубже. Наиболее базовые части спора — наиболее глубокие: основание и ядро. Но в метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ глубокое — это то, что неочевидно, что находится не на поверхности, скрыто от непосредственного восприятия; нам необходимо углубляться в это. Цели спора включают покрытие определенной тематической области (окончание обсуждения тем — «закрытие их крышкой»¹⁾), и, кроме того, *достаточное углубление* в эти темы. Развитие спора — это не только вопрос покрытия ряда тем; оно также требует от нас достаточного погружения в эти темы. Продвижение в тему на достаточную глубину — это часть путешествия:

As we go into the topic more deeply, we find...

букв. *Погрузившись* в этот вопрос *глубже*, мы обнаруживаем...

We have come to a point where we must explore the issues at a deeper level.

Мы *достигли такого этапа*, когда дальнейшее *изучение* этих вопросов требует *более глубокого погружения* в проблематику.

Так как большая часть пути проходит по его поверхности, это и будет именно той поверхностью, которая определяет *глубину* рассмотрения тем. Но когда мы углубляемся в определенную тему, мы оставляем за собой след (поверхность); это происходит на протяжении всего путешествия. Оставляя за собой эту поверхность, мы *покрываем* тему на *определенной глубине*. Это объясняет существование следующих выражений:

We will be going deeply into a variety of topics.

Теперь мы *углубимся* в некоторые вопросы.

As we go along, we will go through these issues in depth.

Пройдя далее, мы *углубимся* в эти темы.

We have now covered all the topics at the appropriate levels.

Теперь мы достаточно тщательно рассмотрели все вопросы (букв. *покрыли* все вопросы на *соответствующих уровнях*).

Таким образом, метафорической ориентации глубины соответствует базовость в метафорах СТРОЕНИЯ и ВМЕСТИЛИЩА и идея неясности в метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ. Так как глубина и развитие — это очень разные аспекты спора, не существует никакого *совместимого* образа, допустимого для реализации в любой метафоре СПОРА. Здесь, как и ранее, совместимость невозможна, но согласованность метафор присутствует.

Прояснив различие между поверхностями, определяющими содержание, и поверхностями, определяющими глубину, мы можем выявить и другие сложные связи. Как и в случае с метафорами ПУТЕШЕСТВИЯ и ВМЕСТИЛИЩА, обнаруживается согласованность между всеми тремя метафорами, основанная на том, что у всех трех метафорических понятий есть

¹⁾ Буквальный перевод англ. идиомы to put the lid on, означающей 'завершение чего-либо'. — Прим. перев.

поверхности, определяющие содержание. По мере продолжения спора возникает все большая поверхность, и поэтому спор получает большее содержание. Это пересечение всех трех метафорических структурирований концепта разрешает употребление смешанных метафор следующего вида:

So far we have constructed the core of our argument.

До сих пор мы строили основу (букв. внутренность) нашей аргументации.

Здесь *so far* 'до сих пор' берется из метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ, *constructed* «строили» — из метафоры СТРОЕНИЯ, а *core* «внутренность» — из метафоры ВМЕСТИЛИЩА. Заметим, что можно сказать примерно то же самое, используя взамен *core* «внутренность» концепт из сферы строения *foundation* «основание» или нейтральный концепт *most basic part* «наиболее базовая часть»:

So far we have constructed the foundation of our argument.

До сих пор мы строили основание нашей аргументации.

So far we have constructed the most basic part of our argument.

До сих пор мы строили наиболее базовую часть нашей аргументации.

Такие предложения допустимы благодаря тому, что и в метафоре СТРОЕНИЯ, и в метафоре ВМЕСТИЛИЩА глубина характеризует базовость. У обеих метафор есть наиболее глубокая, т. е. наиболее базовая часть: в метафоре ВМЕСТИЛИЩА — это внутренность, а в метафоре ЗДАНИЯ — это основание. Именно так мы получаем связь между двумя метафорами. Благодаря этой связи, метафоры ВМЕСТИЛИЩА и СТРОЕНИЯ в контекстах легко смешиваются:

These points are *central* to our argument and provide the *foundation* for all that is to come.

Это *центральные* положения нашей аргументации, и они обеспечивают *основание* для всего остального.

We can *undermine* the argument by showing that the *central* points in it are weak. Ты можешь *разрушить* эту аргументацию, показав, что слабы исходные (букв. *центральные*) утверждения.

The most important ideas, *upon* which everything else *rests*, are at the *core* of the argument.

Наиболее важные идеи, *на* которые *опирается* все остальное, составляют *ядро* аргументации (букв. находятся во *внутренности* аргументации).

Данная связь основывается на следующем общем следствии:

СПОР — ЭТО СТРОЕНИЕ

У строения есть самая глубокая часть.

Следовательно, У СПОРА ЕСТЬ САМАЯ ГЛУБОКАЯ ЧАСТЬ.

СПОР — ЭТО ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ

У вместилища есть самая глубокая часть.

Следовательно, У СПОРА ЕСТЬ САМАЯ ГЛУБОКАЯ ЧАСТЬ.

Так как в обеих метафорах глубина характеризует базовость, наиболее глубокая часть и будет наиболее базовой. Поэтому концепт НАИБОЛЕЕ БАЗОВАЯ ЧАСТЬ попадает в пересечение двух метафор и непротиворечив для каждой из них.

Так как цель спора заключается в достижении понимания, неудивительно, что метафора UNDERSTANDING IS SEEING/ПОНИМАНИЕ — ЭТО ВИДЕНИЕ пересекается с различными метафорами СПОРА. Путешествуя, вы видите все больше и больше. Это приводит к метафоре СПОР — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Продвигаясь в споре, вы видите больше — а так как ПОНИМАНИЕ ЭТО ВИДЕНИЕ, то вы и понимаете больше. Это объясняет появление выражений следующего типа:

We have just *observed* that Aquinas used certain Platonic notions.

Мы только что *видели*, что Аквинат использовал определенные понятия Платона.

Having come this far, we can now *see* how Hegel went wrong.

Дойдя до этого момента, мы можем *увидеть*, в чем был неправ Гегель.

Так как в путешествии может быть гид, который в пути указывает на достопримечательности, возникают выражения типа:

We will now *show* that Green misinterpreted Kant's account of will.

Сейчас мы *покажем*, что Грин неправильно интерпретировал кантовскую категорию воли.

Notice that X does not follow from *Y* without added assumptions.

Заметим, что *X* не следует из *Y* без дополнительных допущений.

We ought to *point out* that no such proof has yet been found.

Мы должны *указать*, что такое доказательство еще не было найдено.

В этих случаях говорящий выступает в роли гида, который проводит нас по последовательности аргументов.

Часть метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ предусматривает углубление в предмет. Метафора ПОНИМАНИЕ — ЭТО ВИДЕНИЕ в этом случае также применима. В споре неглубокие смыслы (те, что на поверхности) очевидны; их легко увидеть, легко и понять. Более глубокое содержание неочевидно. Чтобы показать его нам, необходимы усилия — прямо-таки земляные работы. По мере углубления в предмет, мы «откапываем» больше, что позволяет нам больше видеть, а следовательно, и больше понимать. Это представлено в таких выражениях, как:

Dig further into his argument and you will *discover* a great deal.

Раскапывайте эту аргументацию дальше и вы многое *обнаружите*.

We can *see* this only if we *delve deeply* into the issues.

Мы это *увидим*, только если *глубже погрузимся* в эти вопросы.

Shallow arguments are practically worthless, since they don't *show* us very much. *Поверхностные* (букв. *мелкие*) доводы практически бесполезны, так как они нам многого не *показывают*.

Метафора ПОНИМАНИЕ — ЭТО ВИДЕНИЕ также пересекается с метафорой СТРОЕНИЯ, причем то, что видно — это структура (очертания, форма, контур и т. п.) спора:

We can now *see* the *outline* of the argument.

Теперь мы можем видеть *очертания* аргументации.

If we *look* carefully at the *structure* of the argument...

Если мы внимательно *посмотрим* на *структуру* аргументов...

Наконец, метафора ПОНИМАНИЕ — ЭТО ВИДЕНИЕ пересекается с метафорой ВМЕСТИЛИЩА, причем то, что мы видим (через поверхность вместилища) — это содержание, как в следующих примерах:

That is remarkably *transparent* argument.

Это исключительно ясный (букв. *прозрачный*) аргумент.

I didn't *see* that point *in* your argument.

Я не *вижу* этого *в* вашем доводе.

Since your argument isn't very *clear*, I can't *see* what you're getting at.

Так как ваш аргумент не очень *ясен*, я не *вижу*, к чему вы ведете.

Your argument has no *content* at all — I can *see* right through it.

Ваш аргумент абсолютно *бессодержателен*, сквозь него все *просвечивает*.

Другой случай согласования между метафорами обнаруживается при обсуждении качества спора. Многие из аспектов спора, которые высвечиваются метафорами, можно определить количественно — например, содержание, ясность, силу аргументов, непосредственность и очевидность. Метафора MORE IS BETTER/БОЛЬШЕ — ЭТО ЛУЧШЕ пересекается со всеми метафорами СПОРА, что позволяет измерять качество в терминах количества. Таким образом, мы получаем примеры следующего вида:

That's *not much* of an argument.

Здесь аргументов маловато (букв. *немного аргументации*).

Your argument *doesn't have any content*.

Ваша аргументация *совершенно бессодержательна*.

It's not a very good argument, since it *covers hardly any ground* at all.

Это не очень хороший аргумент, так как он вряд ли вообще *что-нибудь дает* нам (букв. он едва ли покрывает какую бы то ни было поверхность).

This argument won't do — it's just *not clear enough*.

Этот аргумент не пойдет — он просто *недостаточно ясен*.

Your argument is *too weak* to support your claims.

Ваша аргументация *слишком слаба* для поддержки ваших утверждений.

The argument is *too roundabout* — no one will be able to follow it.

Эта аргументация *слишком усложнена* (букв. *слишком окольная*) — никто не сможет следить за ней.

Your argument doesn't cover the subject matter *in enough depth*.

Ваша аргументация не раскрывает вопрос *достаточно глубоко*.

Во всех этих примерах качество оценивается в терминах количества.

Без сомнения, мы не смогли исчерпать все случаи согласованности метафор, связанные с метафорой СПОРА. Сравните, например, обширную сеть согласований, основанных на метафоре СПОР — ЭТО ВОЙНА. Спор можно выиграть или проиграть, в споре можно атаковать или защищать, планировать и реализовывать стратегии и т. п. В этом случае аргументацию можно укреплять с помощью метафоры СТРОЕНИЯ, так что мы можем начать атаку на аргументацию, пробивать в ней дыры, сносить ее и разрушать. Благодаря метафоре ВМЕСТИЛИЩА аргументы могут также быть ракетами. Тем самым, можно приказать: «Стреляй!», и ответная аргументация может попасть точно в цель и поразить мишень. В защите вы можете попытаться поразить аргументацию своего противника.

Теперь должно быть понятно, что те же самые виды согласования между метафорами, которые мы видели в простых примерах, обнаруживаются и в намного более сложных случаях, например, в таких, которые мы сейчас рассмотрели. Выражения, которые, на первый взгляд, могут показаться беспорядочными изолированными метафорами — например, *охватывать (букв. покрывать) определенные темы, подкреплять доказательствами, добираться до самого нутра, копать глубже, атаковать позицию и поразить аргументы противника* — оказываются совсем не случайными. Наоборот, они являются частью целой системы метафор, служащих достижению сложной цели: характеристике всех аспектов понятия СПОРА, так, как мы его постигаем. Хотя эти метафоры и не дают нам единого непротиворечивого конкретного образа, они внутренне согласованы и сочетаются друг с другом, но только тогда, когда есть общие следствия. Метафоры возникают из четко определенного и конкретного опыта; они позволяют конструировать такие высокоабстрактные и тщательно разработанные категории, как, например, концепт СПОРА.

Некоторые следствия для теорий понятийной структуры

Любая адекватная теория понятийной системы человека должна объяснять, как понятия

- 1) основаны,
- 2) структурированы,
- 3) взаимосвязаны и
- 4) определены.

До сих пор мы давали предварительное объяснение основаниям и способам структурирования понятий, а также взаимоотношениям между ними (субкатегоризации, метафорическим следствиям, частям концептов, участникам и т. п.), причем это касалось только тех случаев, которые мы считаем типичными. Кроме того, мы утверждали, что большая часть понятийной системы человека структурирована метафорами, и дали краткое объяснение того, что это означает. Перед тем, как исследовать следствия нашего подхода к определению (definition) концептов, необходимо рассмотреть две основные стратегии, используемые лингвистами и логиками без всякой ссылки на метафору, для работы с тем, что мы называли метафорическими концептами.

Две указанные стратегии — это *абстракция* и *омонимия*. Для понимания отличия этих стратегий от нашего подхода, рассмотрим слово buttress ‘поддерживать, подпира́ть, подкрепля́ть’ в предложении He buttressed the wall ‘Он подпира́л стену’ и во фразе He buttressed his argument with more facts ‘Он подкрепил свою аргументацию дополнительными фактами’. С нашей точки зрения, слово buttress в предложении He buttressed his argument ‘Он подкрепил свою аргументацию’ понимается на основе концепта ПОДДЕРЖИВАТЬ, являющегося частью гештальта СТРОЕНИЯ. Так как концепт СПОРА частично понимается в терминах метафоры СПОР — ЭТО СТРОЕНИЕ, значение ‘подкреплять’ у глагола buttress в концепте СПОРА будет следовать из той семантики, которой он обладает в концепте СТРОЕНИЯ, с учетом того, как метафора СТРОЕНИЯ в целом структурирует концепт СПОРА. Тем самым, нет необходимости в особом определении концепта BUTTRESS/ПОДДЕРЖИВАТЬ во фразе He buttressed his argument.

Те, кто используют стратегию *абстракции*, напротив, утверждают, что существует особый очень общий и абстрактный концепт ПОДДЕРЖИВАТЬ, нейтральный по отношению к понятию «поддерживать» для СТРОЕНИЯ и к понятию «поддерживать» для СПОРА. В соответствии с этим взглядом He buttressed the wall 'Он подпирал стену' и He buttressed his argument 'Он подкрепил свою аргументацию' — это два особых случая одного и того же очень абстрактного концепта. Сторонники стратегии *омонимии* идут по противоположному пути. Отказываясь от тезиса о существовании особого абстрактного и нейтрального концепта ПОДДЕРЖИВАТЬ, они говорят, что есть два различных и независимых концепта ПОДДЕРЖИВАТЬ₁ и ПОДДЕРЖИВАТЬ₂. Есть сторонники омонимии в *сильном* смысле, считающие, что понятия ПОДДЕРЖИВАТЬ₁ и ПОДДЕРЖИВАТЬ₂ совершенно разные и у них нет ничего общего, так как одно из них относится к физическим объектам (частям строений), а другое — к абстрактным категориям (составляющим спора). Сторонники омонимии в *слабом* смысле полагают, что существуют различные и независимые друг от друга концепты ПОДДЕРЖИВАТЬ₁ и ПОДДЕРЖИВАТЬ₂, но допускают, что их значения в определенном отношении могут быть сходными и что концепты связаны благодаря этому сходству. Тем не менее отрицается, что один концепт понимается в терминах другого. Они только утверждают, что у обоих концептов есть нечто общее: абстрактное сходство. В этом стратегия омонимии в слабом смысле похожа на стратегию омонимии в сильном смысле, так как абстрактное сходство имеет точно такие же свойства, как и ядерный концепт, существование которого предполагается в теории абстракции.

Сейчас мы покажем, что ни стратегия абстракции, ни стратегия омонимии не в состоянии объяснить те факты, которые привели нас к теории метафорических концептов — в частности, факты, связанные с типами метафор (ориентационными, физическими и структурными) и их свойствами (внутренней системностью, внешней системностью, основаниями и согласованностью).

Неадекватность стратегии абстракции

Теория абстракции неадекватна в нескольких отношениях.

Во-первых, ее использование не имеет никакого смысла по отношению к метафорам с ориентацией ВЕРХ—НИЗ: например, СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, КОНТРОЛЬ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, ДОБРОДЕТЕЛЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ, БУДУЩЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, REASON IS UP/ПРИЧИНА — ЭТО ВЕРХ и т. п. Какое общее понятие может быть абстракцией для концептов ВЫСОТЫ, СЧАСТЬЯ, КОНТРОЛЯ, БОЛЬШЕ, ДОБРОДЕТЕЛИ, БУДУЩЕГО и ПРИЧИНЫ и при этом сочетаться с ними со всеми? Кроме того, похоже, что понятия ВЕРХА и НИЗА не могут находиться на одном уровне абстракции, так как

ВЕРХ соотносится с БУДУЩИМ, а НИЗ с ПРОШЛЫМ — нет. Мы объясняем это частичным метафорическим структурированием, но в рамках стратегии абстракции можно предположить только, что ВЕРХ в некотором смысле более абстрактен, чем НИЗ, что, как кажется, не имеет смысла.

Во-вторых, теория абстракции не различает метафоры формы *A* есть *B* от метафор с формой *B* есть *A*, так как она утверждает, что существуют нейтральные термины, покрывающие обе понятийных области. Например, в английском языке есть метафора ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, но нет метафоры ПУТЕШЕСТВИЕ — ЭТО ЛЮБОВЬ. Сторонники стратегии абстракции будут отрицать, что любовь понимается в терминах путешествий, а это приведет к антиинтуитивному утверждению, что любовь и путешествия понимаются в терминах некоторого абстрактного концепта, нейтрального для обоих этих понятий.

В-третьих, различные метафоры могут структурировать разные аспекты отдельного концепта: например, ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ — ЭТО ВОЙНА, ЛЮБОВЬ — ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА, ЛЮБОВЬ — ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ. Каждая из них формирует определенный взгляд на концепт ЛЮБВИ и структурирует одно из многих свойств этой категории. Гипотеза абстракции рекомендует искать единственный общий концепт ЛЮБВИ, достаточно абстрактный, чтобы в нем сочетались все эти аспекты. Даже если такой концепт был бы обнаружен, все равно с его помощью не удалось бы отразить идею того, что метафоры ЛЮБВИ характеризуют этот концепт по отдельным свойствам, а не сразу все понятие в целом.

В-четвертых, если посмотреть на структурные метафоры вида *A* есть *B* (например, ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, УМ — ЭТО МАШИНА, ИДЕИ — ЭТО ПИЩА, СПОР — ЭТО СТРОЕНИЕ), мы обнаружим, что *B* (определяющий концепт) более четко специфицирован в нашем опыте и обычно более конкретен, чем *A* (определяемый концепт). Кроме того, в определяющем концепте есть нечто большее, чем то, что передается определяемому концепту. Рассмотрим метафору ИДЕИ — ЭТО ПИЩА. Мы обнаруживаем в речи метафорические выражения *raw facts* 'сырые факты' и *half-baked ideas* букв. 'полупропеченные идеи', но нет словосочетаний *sauteed*, *broiled*, *roached ideas* 'идеи, жареные в масле/жареные на открытом огне/сваренные, как яйца-пашот'. В метафоре СПОР — ЭТО СТРОЕНИЕ используются только основание и внешний каркас, а комнаты, коридоры, крыша и т. п. существенной роли не играют. Мы объясняли эту асимметрию следующим образом: менее четко определенные (и обычно менее конкретные) концепты частично понимаются в терминах более четко определенных (и обычно более конкретных) концептов, которые прямо основываются на опыте человека. У сторонников теории абстракции нет объяснений этой асимметрии, так как они не в состоя-

нии объяснить тенденцию понимать менее конкретное в терминах более конкретного.

В-пятых, в теории абстракции вообще нет метафорических концептов, и поэтому нельзя выявить обнаруженную нами системность метафор. Тем самым, остается, например, вне сферы исследования целая система концептов пищи, используемых для осмыслений идей, или целая система концептов строений, используемых для категоризации спора. Невозможно выявить и внутреннюю совместимость метафор, которую мы обнаружили в метафоре ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ. В целом теория абстракция не в состоянии объяснить факты внутренней системности метафор.

В рамках теории абстракции не удастся также объяснить внешнюю системность. Наша теория показывает, каким образом пересекаются разные метафоры при осмыслении одного концепта (например, метафоры ПУТЕШЕСТВИЕ, СТРОЕНИЕ, ВМЕСТИЛИЩЕ и ВОЙНА при категоризации СПОРА). Это пересечение основано на общих целях и общих следствиях метафорических понятий. Смешение различных концептов (таких, как CORE/ВНУТРЕННОСТЬ, FOUNDATION/ОСНОВАНИЕ, COVER/ПОКРЫТИЕ, SHOOT DOWN/ЗАСТРЕЛИТЬ и т. п.) можно предсказать на основе общих целей и следствий в рамках целой метафорической системы. Так как в теории абстракции вообще не существует никаких метафорических систем, она не может объяснить, почему метафоры смешиваются так, как это реально происходит.

В-шестых, так как в теории абстракции нет категории частичного метафорического структурирования, она не может объяснить контексты расширения метафор, основанные на привлечении неиспользуемой части метафоры, как во фразе *Your theory is constructed out of cheap stucco* 'Твоя теория выстроена из дешевой штукатурки', и во многих других случаях, в которых эксплуатируется неиспользованная область метафоры ТЕОРИИ — ЭТО СТРОЕНИЯ.

Наконец, для метафор типа ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ гипотеза абстракции предполагает, что существует набор абстрактных концептов, нейтральных по отношению к любви и путешествию, которые «сочетаются» с обоими этими понятиями или могут быть к ним «применены». Но для того, чтобы «сочетаемость» такого рода существовала и чтобы такие абстрактные концепты «сочетались» или могли быть «применимы» к понятию любви, концепт ЛЮБВИ должен быть независимо структурирован. Как будет показано ниже, концепт ЛЮБВИ определен нечетко; любая наведенная на него структура возникает только на основе метафор. Но стратегия абстракции, в которой метафоры не связываются со структурированием, должна исходить из того, что структура концепта ЛЮБВИ, будучи столь же четко определенной как и релевантные характеристики путешествий, существует независимо. Трудно представить, как это может быть.

Неадекватность подхода, основывающегося на ОМОНИМИИ

Омонимия в сильном смысле

Омонимия — это использование одного и того же слова для обозначения различных понятий, например, bank ‘берег (реки)’ и bank ‘банк (куда мы кладем деньги)’. В рамках теории *омонимии в сильном смысле* слово attack ‘атаковать’ в предложениях *They attacked the fort* ‘Они атаковали форт’ и *They attacked my argument* ‘Они атаковали мою аргументацию’ рассматривается как обозначение для двух абсолютно различных и несвязанных понятий. То, что используется одно и то же слово attack, считается случайным. Столь же случайно появление предлога in «в» во формах *in the kitchen* ‘в кухне’, *in the Elks* ‘в клубе «Лоси»’ и *in love* ‘влюблен’, связанного в этих случаях с выражением трех понятий, которые совершенно различны, независимы и несвязаны друг с другом. В соответствии с этим подходом, в английском языке обнаруживаются десятки изолированных и несвязанных друг с другом концептов, которые случайно выражаются одним и тем же словом in. В целом сторонники омонимии в сильном смысле не могут объяснить связи, которые были обнаружены в системах метафорических концептов; т. е. все феномены функционирования метафор, которые мы объясняли системно, в их подходе предстают как произвольные и случайные.

Во-первых, сторонники омонимии в сильном смысле не могут объяснить описанную нами внутреннюю системность. Например, в соответствии с этим подходом вполне возможно, что фраза *I'm feeling up* ‘Я чувствую себя на вершине блаженства’ означает ‘Я счастлив’ и одновременно выражение *My spirits rose* ‘Мой дух воспрял’ будет означать ‘Я чувствую себя печальным’. Этот подход не в состоянии объяснить, почему вся система лексических единиц, используемых для войны, последовательно применяется для осмысления спора, или почему система обозначений пищи регулярно используется для категоризации идей.

Во-вторых, у сторонников омонимии в сильном смысле возникают те же проблемы со случаями внешней системности. Они не в состоянии объяснить контексты пересечения метафор и возможность смешения метафорических концептов. Они не могут, например, дать объяснение, почему *ground covered in an argument* ‘область, покрываемая спором’, может относиться к тому же, что и *content* ‘содержание’ спора. Аналогично обстоит дело и с другими приводившимися примерами смешения.

В-третьих, сторонники сильной омонимии не могут объяснить контексты, в которых метафора расширяется за счет используемых (или неиспользуемых) компонентов, как во фразе *His theories are Gothic and covered with gargoyles* букв. ‘У него готические теории, покрытые горгульями’. Так как в этой теории нет таких общих метафор, как СПОР — ЭТО СТРОЕНИЕ, подобные примеры приходится рассматривать как случайные.

Омонимия в слабом смысле

Очевидная общая неадекватность омонимии в сильном смысле состоит в том, что она не может объяснить связи системного характера, которые обнаруживаются между метафорическими концептами. Дело в том, что в рамках этого подхода каждый концепт рассматривается не только как независимый, но и как не связанный с другими концептами, даже если они выражены тем же словом. Теория *омонимии в слабом смысле* лучше концепции омонимии в сильном смысле тем, что допускает возможность таких взаимосвязей. В частности, ее сторонники полагают, что разные понятия, выраженные одним и тем же словом, во многих случаях могут быть связаны отношением сходства. В концепции омонимии в слабом смысле отношение сходства принимается как изначально данное, при этом считается, что его достаточно для объяснения всех обсуждавшихся нами феноменов функционирования метафор без привлечения категории метафорического структурирования.

Наиболее очевидное различие между концепцией омонимии в слабом смысле и нашим подходом заключается в том, что в концепции омонимии нет категории понимания одной сущности в терминах другой, а потому нет и метафорического структурирования. Причина этого в том, что большинство сторонников омонимии в слабом смысле не интересуется тем, как понятийная система человека связана с опытом и как понимание возникает из опыта. Большая часть ошибок сторонников омонимии в слабом смысле объясняется отсутствием внимания к проблемам понимания и опытного основания метафор. Разумеется, такие же недостатки характерны и для варианта теории омонимии в сильном смысле.

Во-первых, мы считаем, что у метафоры есть *направленность*, т. е. что мы понимаем одну сущность в терминах другой. Тенденция к структурированию наиболее отчетливо проявляется по отношению к менее конкретным и по сути более неопределенным концептам (таким, как, например, эмоции), которые осмысляются в терминах более конкретных понятий, более ясно выделяющихся в нашем опыте.

Сторонники концепции омонимии в слабом смысле не признают, что человек понимает абстрактное в терминах конкретного или что мы вообще понимаем концепты одного *вида* в терминах концептов другого *вида*. Они только утверждают, что мы в состоянии воспринимать сходство различных концептов, и что это сходство и объясняет использование одного и того же слова для разных концептов. Они отрицают, например, что понятие ПОДДЕРЖИВАТЬ, будучи частью понятия СПОРА, понимается в терминах физического концепта ПОДДЕРЖИВАТЬ, представленного в концепте СТРОЕНИЯ. Они просто скажут, что существуют два различных концепта, ни один из которых не используется для понимания другого, но у этих концептов есть некоторое абстрактное сходство. Аналогично, они заявят, что все понятия, выражаемые словами in 'v' и up 'верх', нельзя считать способами понимания концептов с частичным

использованием категорий пространственной ориентации; скорее, это независимые концепты, связанные сходством. С этой точки зрения, совершенно случайным оказывается тот факт, что большинство пар концептов, проявляющих «сходство», состоят из одного относительно конкретного концепта и одного относительно абстрактного концепта (как в случае с понятием ПОДДЕРЖИВАТЬ). Наше объяснение заключается в том, что конкретный концепт используется для понимания более абстрактного концепта; их объяснение сводится к тому, что причин для сходства абстрактного и конкретного концепта не больше, чем для сходства между двумя абстрактными концептами или двумя конкретными концептами.

Во-вторых, вызывает серьезные сомнения само существование указанного сходства. Например, каким может быть общее сходство у всех концептов, связанных с метафорической ориентацией ВЕРХ? Какое сходство может быть между понятием ВЕРХ, с одной стороны, и СЧАСТЬЕМ, ЗДОРОВЬЕМ, КОНТРОЛЕМ, СОЗНАНИЕМ, ДОБРОДЕТЕЛЬЮ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬЮ, БОЛЬШЕ и т. п. — с другой? Какое сходство (неметафорическое) может быть между УМОМ и ХРУПКИМ ОБЪЕКТОМ или между ИДЕЯМИ и ПИЩЕЙ? Что такого неметафорического есть в отдельно взятом мгновении времени, что придает ему ориентацию «передняя vs. задняя сторона», как это обнаружилось при обсуждении метафоры ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ? В рамках концепции омонимии в слабом смысле объяснение выражений типа follow 'следовать', precede 'предшествовать', meet the future head on 'встретить будущее с поднятой головой', face the future 'встретить будущее' требует предположения, что ориентация «передняя vs. задняя сторона» является ингерентным свойством моментов времени. Насколько нам известно, нет разумной теории ингерентного сходства, которая могла бы объяснить любой из этих случаев.

В-третьих, мы давали объяснение основаниям метафор, указывая на регулярные соответствия между элементами нашего опыта, например, между доминированием в борьбе и хорошей физической формой. Но есть различие между соответствиями в нашем опыте и понятием сходства: соответствие не обязательно основывается на каком-либо сходстве. Анализ соответствий между элементами опыта позволяет предсказать состав возможных метафор. Концепция омонимии в слабом смысле не имеет никакой предсказательной силы, да и не предполагает ее. В рамках этого подхода просто *post factum* даются объяснения того, каковы имеющиеся отношения сходства. Таким образом, в случаях, когда сходство есть, позиция сторонников омонимии в слабом смысле не позволяет объяснить, почему данное сходство имеется.

Насколько мы знаем, никто *открыто* не придерживается позиции омонимии в сильном смысле, согласно которой концепты, выраженные одним и тем же словом (как два смысла слова *buttress* или множество смыслов, связанных с предлогом *in*), независимы и не имеют значимых взаимосвязей. Те, кто придерживается концепции омонимии, стремятся

причислить себя к сторонникам омонимии в слабом смысле. В рамках последней взаимозависимость, наблюдаемая между концептами, и их взаимосвязь объясняются сходством, которое внутренне присуще самому концепту. Однако, насколько мы знаем, никто не пытался детально разработать теорию сходства, которая бы работала на таком широком языковом материале, который мы обсудили. Хотя на словах все теоретики омонимии отстаивают слабую версию, на практике, похоже, существуют только теории омонимии в сильном смысле, так как никто не пытался дать исчерпывающее описание понятия сходства, необходимого для функционирования слабой версии теории. И есть серьезная причина тому, что не было ни одной попытки дать детальное описание примеров, аналогичных тем, которые мы обсуждали. Дело в том, что такое объяснение потребовало бы обращения к проблеме постижения и понимания тех областей опыта, которые внутри себя определены нечетко и должны пониматься в терминах других областей. В целом, ни философы, ни лингвисты не испытывали серьезного интереса к этим вопросам.

Определение и понимание

Мы видели, что метафоры пронизывают всю обычную понятийную систему человека. Так как множество понятий, важных для человека, либо абстрактно, либо нечетко определено в опыте (эмоции, идеи, время и т. п.), возникает необходимость использовать для их понимания другие концепты, которые осознаются более четко (пространственная ориентация, объекты и т. п.). Это приводит к определению понятий концептуальной системы с помощью метафор. Мы пытались на примерах дать некоторое представление о том, сколь большую роль играет метафора в функционировании человека, в способах концептуализации опыта и в речевой деятельности.

Большинство наших доказательств берутся из языка — из значений слов и фраз, а также из сферы того, как люди придают осмысленность своему опыту. Все же ученые, изучающие значение, и составители словарей не считают важным выявлять общие способы понимания обычных концептов в терминах таких системных метафор, как ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, СПОР — ЭТО ВОЙНА, ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ и т. п. Например, если вы посмотрите в словаре слово love 'любовь', вы обнаружите словарные статьи, в которых обсуждается привязанность, нежность, страстное увлечение и даже сексуальное влечение, но не обнаружите никаких упоминаний того, как мы постигаем любовь с помощью таких метафор, как ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ — ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ — ЭТО ВОЙНА и т. п. Если мы возьмем нормативный словарь или любое другое нормативное описание значения, то не сможем определить, можно ли считать выражения *Посмотри, как далеко мы зашли* или *Где мы сейчас?* обычным способом обсуждения опыта любви в нашей культуре. Косвенное указание на существование таких общих метафор может проскальзывать в переносных значениях других слов. Например, упоминание метафоры ЛЮБОВЬ — ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ может появиться в переносном значении слова сгазу 'сумасшедший' (= 'неумеренно влюбленный, влюбленный до безумия'), но эта ссылка, скорее, будет частью толкования¹⁾ слова сгазу, чем частью толкования слова love 'любовь'.

¹⁾ Английский термин definition в данной главе и далее, преимущественно, переводится как 'определение', однако в некоторые контекстах, когда подразумевается словарное определение, выбирается перевод 'толкование'. — *Прим. ред.*

Это подсказывает нам, что интересы составителей словарей и других специалистов по семантике отличаются от наших. Мы в основном озабочены тем, как люди понимают свой опыт. Мы рассматриваем язык как источник данных, с помощью которых можно выявить общие принципы понимания. А общие принципы понимания, скорее, опираются на целые системы концептов, чем отдельные слова или отдельные понятия. Мы установили, что такие принципы часто метафоричны по природе и предусматривают понимание одного вида опыта в терминах другого.

Имея это в виду, можно обнаружить основное различие между нашей теорией и тем, чем занимаются составители словарей и другие специалисты по семантике. Было бы очень странно увидеть в словаре «сумасшествие» или «путешествие» как смыслы концепта ЛЮБВИ. Их нельзя считать смыслами ЛЮБВИ, как нельзя считать «пищу» смыслом концепта ИДЕЯ. Определения понятия характеризуют то, что внутренне присуще самому понятию. С другой стороны, мы интересуемся тем, как человеческие существа пользуются концептами — как они понимают концепты и как они действуют на основе понятийной системы. Представление о сумасшествии и путешествиях дают возможность концептуализовать понятие любви, а представление о пище — понятие идеи.

Такой подход к исследованию понимания опыта требует использования категории определения, весьма отличной от стандартной. Принципиальным для объяснения новой категории определения является вопрос о том, что определяется и что используется в самом определении. К этой проблеме мы и перейдем.

Объекты определения с помощью метафор: естественные виды опыта

Мы установили, что метафоры позволяют понимать одну область опыта в терминах другой. Это подсказывает нам, что понимание происходит на основе целой области опыта, а не на основе изолированных концептов. Гипотеза о роли, которую играют в понимании метафоры ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ и СПОР — ЭТО ВОЙНА, наводит на мысль, что центральная часть определения находится на уровне таких базовых областей опыта, как, например, любовь, время и спор. Эти области опыта затем концептуализируются и толкуются на основе других базовых областей опыта, например, путешествий, денег и войны. Определения таких субконцептов, как, например, BUDGETING TIME/ПЛАНИРОВАТЬ ВРЕМЯ и ATTASKING A CLAIM/АТАКОВАТЬ УТВЕРЖДЕНИЕ, должны выводиться как следствия из определений более общих концептов (ВРЕМЯ, СПОР и т. п.), формулируемых на основе метафор.

В связи со сказанным возникает фундаментальный вопрос о том, что составляет «базовую область опыта». Каждая такая область — это структурированное целое в нашем опыте, которое концептуализируется как

эмпирический гештальт. Такие гештальты *эмпирически базовые*, так как они характеризуют структурированные целые внутри повторяющегося человеческого опыта. Они представляют собой внутренне согласованные способы организации опыта в терминах естественных измерений (частей, этапов, причин и т. п.). Как представляется, области опыта, организованные как гештальты в рамках таких естественных измерений, и есть *естественные виды опыта*.

Они *естественны* в следующем смысле. Эти виды опыта порождены:

- особенностями устройства наших тел (аппарата восприятия и моторного аппарата, умственных способностей, эмоций и т. п.);
- нашим взаимодействием с материальным окружением (передвижением, взаимодействием с объектами, процессом поглощения пищи и т. п.);
- нашим взаимодействием с другими людьми в культурном окружении (в рамках социальных, политических, экономических институтов).

Другими словами, эти «естественные» виды опыта *порождены природой человека*. Некоторые из них могут быть универсальными, а другие могут различаться от культуры к культуре.

Мы считаем, что в определениях через метафоры используются такие понятия, которые соответствуют естественным видам опыта. Судя по тому, что в рассматривавшихся нами примерах *определялось* с помощью метафор, к числу очевидных представителей естественных видов опыта в нашей культуре относятся следующие категории: ЛЮБОВЬ, ВРЕМЯ, ИДЕИ, ПОНИМАНИЕ, СПОРЫ, ТРУД, СЧАСТЬЕ, ЗДОРОВЬЕ, КОНТРОЛЬ, СТАТУС, MORALITY/МОРАЛЬ и т. п. Эти концепты требуют определения через метафоры, так как они недостаточно четко определены на своей собственной основе, чтобы обеспечить достижение целей человеком в его повседневной жизни.

Кроме того, мы считаем, что понятия, используемые в определениях-метафорах для *истолкования* других понятий, также соответствуют естественным видам опыта. Примеры таковы: ФИЗИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ, ОБЪЕКТЫ, СУБСТАНЦИИ, ВИДЕНИЕ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ВОЙНА, СУМАСШЕСТВИЕ, ПИЩА, СТРОЕНИЯ и т. п. Эти концепты для обозначения естественных видов опыта и объектов достаточно четко структурированы и имеют достаточно правильную внутреннюю структуру, чтобы их можно было использовать в определении других концептов. То есть они правильно структурируют те естественные виды опыта, которые менее конкретны или менее четко определяются на своей собственной основе, что позволяет нам взаимодействовать с опытом такого рода.

Из этого следует, что некоторые естественные виды опыта частично метафоричны по своей природе, так как метафора играет важную роль в формировании их структуры. СПОР — это вполне очевидный пример такого типа, так как говорение и слушание как определенные виды деятельности в рамках спора в той или иной степени предполагают наличие

у СПОРА структуры, придаваемой ему метафорой СПОР — ЭТО ВОЙНА. Переживание и ощущение времени — это естественный вид опыта, который практически полностью осмысливается на основе метафор (через ориентацию ВРЕМЕНИ в пространстве и метафоры ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ и ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ). Подобным же образом понятия типа КОНТРОЛЬ, СТАТУС, СЧАСТЬЕ, которым с помощью категории ВЕРХ—НИЗ и других пространственных категорий приданы характеристики ориентации в пространстве, основаны на естественных видах опыта, частично понимаемых на основе метафор.

Интерактивные характеристики

Мы обнаружили, что понятийная система человека основана на опыте взаимодействия с действительностью. И концепты, непосредственно возникающие из опыта (например, ВЕРХ—НИЗ, ОБЪЕКТ и НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОБЪЕКТАМИ), и метафоры (например, СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, СОБЫТИЯ — ЭТО ОБЪЕКТЫ, СПОР — ЭТО ВОЙНА) основаны на постоянном взаимодействии человека с его физическим и культурным окружением. Подобным же образом измерения, в рамках которых мы структурируем свой опыт (например, части, этапы, цели), естественно возникают из нашей деятельности в мире. Характер нашей понятийной системы определяется тем, что мы за существа, и тем, как мы взаимодействуем с физическим и культурным окружением.

Наш интерес к тому, как человек понимает свой опыт, привел нас к представлению об *определении*, весьма отличному от традиционного. Традиционный подход пытается быть «объективным», а это предполагает, что у опыта и объектов есть ингерентные свойства и что человеческие существа понимают их исключительно на основе этих свойств. Определение для сторонника объективизма — это экспликация ингерентных свойств, предусматривающая указание необходимых и достаточных условий для использования соответствующего понятия. Любовь, с точки зрения объективизма, имеет разные смыслы, каждый из которых определяется на основе таких ингерентных свойств, как нежность, привязанность, сексуальное влечение и т. п. Мы, напротив, утверждаем, что любовь понимается на основе таких ингерентных характеристик не полностью, а только частично. Наше понимание любви по большей части метафорично, и мы осознаем ее преимущественно на основе концептов других естественных видов опыта: ПУТЕШЕСТВИЙ, СУМАСШЕСТВИЯ, ВОЙНЫ, ЗДОРОВЬЯ и т. п. Так как понятия, используемые в определении, возникают из нашего взаимодействия друг с другом и с миром (ср. ПУТЕШЕСТВИЯ, СУМАСШЕСТВИЕ, ВОЙНА, ЗДОРОВЬЕ), концепты, которые они определяют с помощью метафор (например, ЛЮБОВЬ), понимаются на основе того, что мы назовем *интерактивными характеристиками*.

Чтобы получить ясное представление о том, что, в общем, представляют собой интерактивные характеристики, рассмотрим их на примере какого-нибудь объекта. Возьмем концепт GUN 'РУЖЬЕ'. На первый взгляд, такой концепт можно полностью охарактеризовать в терминах ингрентных свойств самого объекта, например, его формы, веса, того, как расположены его части и т. п. Однако наше представление о РУЖЬЕ выходит за рамки простого соположения его компонентов; это хорошо видно из сочетаний этого концепта с определителями. Рассмотрим, например, различие между определителями BLACK 'ЧЕРНЫЙ' и FAKE 'НЕНАСТОЯЩИЙ', используемых по отношению к концепту GUN. С точки зрения объективизма, основное различие между ними состоит в том, что ЧЕРНОЕ РУЖЬЕ — это РУЖЬЕ, а НЕНАСТОЯЩЕЕ РУЖЬЕ — это *не* РУЖЬЕ. Если определитель ЧЕРНЫЙ добавляет дополнительные качества РУЖЬЮ, то определитель НЕНАСТОЯЩИЙ, будучи использован по отношению к концепту РУЖЬЯ, приводит к появлению другого концепта, не относящегося к категории РУЖЬЯ. Это все, что может сказать объективистский подход. Это позволяет вывести следующие следствия:

<u>Это черное ружье.</u>		<u>Это ненастоящее ружье.</u>
Следовательно, это ружье.	и	Следовательно, это не ружье.

Такая интерпретация ничего не говорит о том, *что же такое* ненастоящее ружье. Она не позволяет объяснить появление таких следствий, как:

<u>Это ненастоящее ружье.</u>
Следовательно, это не жираф.
<u>Это ненастоящее ружье.</u>
Следовательно, это не миска лапши с фасолевым соусом.

И т. д. и т. п.

Для объяснения такого бесконечного количества следствий необходимо детально разобраться в том, как определитель НЕНАСТОЯЩИЙ модифицирует концепт РУЖЬЕ. Ненастоящее ружье должно быть похожим на настоящее, чтобы удовлетворять каким-то элементарным требованиям. То есть, оно должно в ситуации восприниматься как ружье. Человек должен иметь возможность физически манипулировать им так же, как настоящим ружьем (например, держать его определенным образом). Другими словами, ненастоящее ружье должно иметь свойства, которые можно назвать *моторно-деятельностными* характеристиками ружья. Более того, суть использования ненастоящего ружья состоит в том, чтобы достичь целей, для которых предназначается и настоящее ружье (угроза, демонстрация и т. п.). Ненастоящим ненастоящее ружье делает то, что оно не может *функционировать* как ружье. Если из него можно застрелить человека — это настоящее ружье, а не муляж. Наконец,

ненастоящее ружье изначально нельзя заставить функционировать как настоящее: сломанное или нерабочее ружье нельзя назвать ненастоящим.

Таким образом, определитель НЕНАСТОЯЩИЙ сохраняет одни *виды* свойств РУЖЕЙ и зачеркивает другие. Суммируем:

определитель НЕНАСТОЯЩИЙ сохраняет: свойства восприятия (ненастоящее ружье выглядит как настоящее);

моторно-деятельностные характеристики (с ним можно обращаться как с настоящим ружьем);

характеристики целеполагания (в ряде случаев используется в тех же целях, что и настоящее ружье);

определитель НЕНАСТОЯЩИЙ зачеркивает: функциональные характеристики (ненастоящее ружье не стреляет);

историю функционирования настоящего ружья (если оно было сделано так, как настоящее ружье, тогда его нельзя считать ненастоящим).

Эта интерпретация характера влияния определителя НЕНАСТОЯЩИЙ на концепт РУЖЬЯ показывает, что у концепта РУЖЬЯ есть по крайней мере пять измерений, три из которых сохраняются определителем НЕНАСТОЯЩИЙ, а два зачеркиваются. Это наводит на мысль, что мы концептуализируем ружье с помощью многомерного гештальта свойств с измерениями ВОСПРИЯТИЕ, МОТОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ, ФУНКЦИИ и т. п.

Если мы посмотрим на характеристики восприятия, моторной деятельности и целеполагания, мы обнаружим, что их нельзя считать для ружья ингерентными. Скорее, они связаны с тем, как мы взаимодействуем с ружьями. Это означает, что концепт РУЖЬЯ в реальном понимании по крайней мере частично определяется интерактивными характеристиками, связанными с восприятием, моторной деятельностью, целями, функциями и т. п. Таким образом, мы обнаруживаем, что наши представления об объектах, так же, как и представления о событиях и деятельности, — это многомерные гештальты, измерения которых естественно возникают из опыта функционирования в мире.

Категоризация

В рамках стандартного объективистского подхода полное понимание объекта (и тем самым его определение) достижимо на основе *сочетания* его *ингерентных* свойств. Но, как только что было показано, по крайней мере некоторые свойства, связанные с нашим представлением об объекте, относятся к *интерактивным* характеристикам. Кроме того, свойства

формируют не просто *сочетание* характеристик, а, скорее, *структурированный гештальт*, измерения которого естественно возникают из нашего опыта.

Объективистский подход к определению неадекватен в объяснении понимания еще и в другом смысле. С точки зрения сторонников объективизма, категория определяется в терминах теории множеств: она характеризуется множеством ингерентных свойств сущностей, относящихся к соответствующей категории. Все во вселенной либо попадает в категорию, либо нет. Сущности, попадающие в категорию, имеют все необходимые ингерентные свойства. Все, что не обладает хотя бы одним ингерентным свойством, выходит за рамки категории.

Эта теоретико-множественная модель категории не согласуется с тем, как люди категоризируют сущности и восприятие в опыте. Для человеческих существ категоризация — это основное средство понимания мира, и поэтому она должна быть достаточно гибкой, чтобы цель была достигнута. Теоретико-множественный подход к понятию категории как модель человеческой категоризации не учитывает следующих фактов:

1. Как показала Рош (1977), человек категоризирует сущности на основе прототипов. Прототипический стул в нашем представлении имеет четко выделяемые спинку, сиденье, четыре ножки и (факультативно) два подлокотника. Однако существуют и непрототипические стулья: походные стулья, висячие стулья, вращающиеся стулья, контурные стулья²⁾, стулья для стрижки в салонах-парикмахерских и т. п. Мы воспринимаем непрототипические стулья как стулья не только из-за них самих, но и из-за того, что они связаны с прототипом стула.
2. Мы считаем стульями походные стулья, стулья для стрижки в салонах-парикмахерских и контурные стулья не столько потому, что они имеют некий установленный набор тех же определяющих свойств, что и прототип, сколько потому, что у них есть достаточное семейное сходство с прототипом. Походный стул может напоминать прототипический стул чем-то другим, нежели стул для стрижки. Иными словами, нет необходимости постулировать наличие *фиксированного ядра* свойств прототипического стула, которое было бы общим и для походных стульев, и для стульев для стрижки. При этом и те, и дру-

²⁾ Имеются в виду сложно устроенные кресла, преследующие цели эргономического и функционального характера. Например, ложе космонавта, кресла в операционных и т. п. В оригинале авторы используют термин *chair* 'стул', хотя по-русски в этих случаях предпочтительнее использовать аналог *кресло*. В данном случае для более точной передачи смысла рассуждений авторов используется эквивалент 'стул'. Следует отметить, что в соответствующей проблемной области в английском языке часто встречается и словосочетание *contour couch*.

По тем же причинам в русском переводе словосочетания *barber chair* дается эквивалент 'стул', хотя опять-таки по-русски более уместно сказать *кресло для стрижки в салонах-парикмахерских*. — Прим. ред.

гие остаются стульями, так как каждый из них по-своему близок к прототипу.

3. Среди всех свойств, существенных для определения достаточности характеристик семейного сходства, интерактивные характеристики занимают особое место. Использование стульев, табуреток и других аналогичных видов мебели преследует общую ЦЕЛЬ: дать человеку возможность сидеть. Но диапазон МОТОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, возможный по отношению к стульям, обычно отличается от возможностей использования табуреток и другой мебели, предназначенной для того, чтобы сидеть. Таким образом, интерактивные характеристики, существенные для формирования представления о стульях, включают восприятие (внешний вид, ощущения и т. п.), функциональные свойства (возможность сидеть), моторно-деятельностные характеристики (что делает тело человека, когда он садится, встает или сидит) и характеристики целеполагания (расслабление, принятие пищи, написание писем и т. п.).
4. В зависимости от поставленной задачи категории можно системно расширять разнообразными способами. В языке имеются слова-операторы (*modifiers*), так называемые «ограничители» (*hedges*) (см. Lakoff 1975), семантика которых связана с операциями над прототипом категории — выбором прототипа и установлением различных отношений между прототипом и другими сущностями. Вот несколько примеров ограничителей:

PAR EXCELLENCE³⁾: При использовании этого выражения выбираются прототипические представители категории. Например, малиновка — это птица *par excellence*, а цыплята, страусы и пингвины не являются птицами *par excellence*.

STRICTLY SPEAKING 'СТРОГО ГОВОРЯ': Этот оператор выбирает не прототипические случаи, обычно относимые к соответствующей категории. *Строго говоря*, цыплята, страусы и пингвины все же птицы, хотя и не птицы *par excellence*. Акулы, киты, полосатые зубатки и серебристые караси не рыбы *par excellence*, но, *строго говоря*, они все-таки рыбы.

LOOSELY SPEAKING 'НЕСТРОГО ГОВОРЯ': Данное выражение указывает на сущности, которые обычно не попадают в категорию из-за отсутствия у них некоторых основных свойств. Однако они имеют достаточно свойств для того, чтобы в определенных ситуациях их можно было рассматривать как представителей категории. Строго говоря, кит не рыба, хотя, *нестрого говоря*, он может рассматриваться как рыба в определенном контексте. Строго говоря, мопед не мотоцикл, хотя, *нестрого говоря*, мопеды могут включаться в категорию мотоциклов.

³⁾ Фр. 'в высшей степени, по преимуществу'. — Прим. перев.

TECHNICALLY 'В СПЕЦИАЛЬНОМ СМЫСЛЕ': Этот оператор обозначает пределы категории в некотором особом смысле. Принадлежность к категории некоторой сущности в специальном смысле зависит от целей классификации. Для целей страхования мопед — это не мотоцикл, а при оплате за проезд по мосту — это мотоцикл в *специальном смысле*.

К ограничителям относятся также такие выражения, как in an important sense 'в важном для нас смысле', to all intents and purposes 'для любых целей и намерений', a regular... 'регулярный...', a veritable... 'настоящий...', to the extent that... 'до определенной степени...', in certain respects 'в определенном отношении' и многие, многие другие. Эти многообразные ограничители позволяют в зависимости от имеющихся целей относить объекты, события и акты опытного восприятия к различным категориям, например, чтобы разумным образом установить практически значимые разграничения, найти новые перспективы и связать явления, которые кажутся совершенно различными.

5. Категории открыты. Определения на основе метафор могут обеспечить доступ к сущностям и опыту, который уже категоризован, а могут привести к перераспределению категорий. Например, понимание ЛЮБВИ как ВОЙНЫ может быть осмысленным для таких фрагментов опыта (experiences), которые вы так или иначе относите к ЛЮБОВНЫМ, но которые не удастся согласовать друг с другом никаким другим разумным способом. Кроме того, метафора ЛЮБОВЬ — ЭТО ВОЙНА может привести к категоризации некоторых фрагментов опыта, как опыта ЛЮБВИ, хотя раньше они так не рассматривались. Лексемы-ограничители также показывают, что по своей природе категории человеческого восприятия открыты: с помощью таких лексем объект можно рассматривать как принадлежащий или не принадлежащий категории в зависимости от целей классификации. Хотя категории открыты, категоризация не беспорядочна, так как и метафоры, и лексемы-ограничители системно определяют (или переопределяют) категории.

Основные выводы

Мы доказали, что объяснение того, как люди понимают свой опыт, требует нового взгляда на определение, весьма отличного от традиционного. В эмпирической теории определения то, что требует дефиниции, и то, что может быть дефиницией, понимаются совершенно по-другому. С нашей точки зрения, отдельно взятые понятия определяются не изолированно, а на основе той роли, которую они играют в естественных видах опытного восприятия. Концепты не определяются исключительно на основе их ингерентных свойств; наоборот, они в первую очередь определяются на основе интерактивных характеристик. Наконец, определение нельзя рассматривать как фиксированный набор необходимых и достаточных

условий использования концепта. Такой подход может быть и допустим в некоторых особых случаях — например, в научных или технических дисциплинах, однако даже здесь это не всегда возможно. Более правильно сказать, что концепты определяются прототипами и типами связей с ними. Концепты, возникающие из нашего опыта, скорее свободны, чем жестко определены. Метафоры и лексемы-ограничители представляют собой системные средства для переопределения концепта и для изменения области его применимости.

Как метафоры привносят в форму значение

Речь человека выстраивается линейно: некоторые слова в предложении произносятся раньше, а некоторые — позже. Так как существует связь между речью и временем, а время метафорически концептуализуется в терминах пространства, для человека естественно метафорически осмыслять язык в терминах пространства. Наша система письма еще больше закрепляет такой способ концептуализации. Когда мы записываем предложение, нам еще проще концептуализовать его как пространственный объект со словами, расположенными в линейной последовательности. Благодаря этому, наши пространственные концепты естественно приложимы к языковым выражениям. Мы знаем, какое слово занимает *первую позицию* в предложении, расположены ли два слова *близко* друг к другу или *далеко*, насколько какое-то слово *длиннее* или *короче* по сравнению с другими.

Так как мы концептуализуем языковую форму в пространственных терминах, некоторые пространственные метафоры могут непосредственно использоваться по отношению к *форме* предложения, осмысляемой в пространственных категориях. Это с неизбежностью создает прямые связи между формой и содержанием, основанные на общих метафорах понятийной системы человека. Такие связи показывают, что отношения между формой и содержанием не произвольны, и некоторая часть смысла предложения может непосредственно мотивироваться его формой. Как утверждал Дуайт Болинджер (1977), точные парафразы обычно невозможны, потому что так называемые парафразы различны по форме. Теперь мы можем предложить объяснение этому положению:

- Мы ориентируем языковые формы в пространстве.
- Пространственные метафоры приложимы к языковым формам, так как они ориентированы в пространстве.
- Языковые формы сами по себе наделены содержанием благодаря пространственным метафорам.

Чем больше формы, тем больше содержания

Например, метафора КАНАЛА СВЯЗИ устанавливает пространственные отношения между формой и содержанием: ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ — ЭТО

ВМЕСТИЛИЩА (LINGUISTIC EXPRESSIONS ARE CONTAINERS), а их значения — *содержание* этих вместилищ. Если имеющееся вместилище маленькое, то ожидается, что его содержимое также незначительно. Если имеющееся вместилище большое, то обычно ожидается, что и его содержимое велико. Применяя это к метафоре КАНАЛА СВЯЗИ, мы получаем искомый принцип:

MORE OF FORM IS MORE OF CONTENT.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ФОРМЫ — ТЕМ БОЛЬШЕ СОДЕРЖАНИЯ.

Как будет показано, это очень общий принцип, который, как кажется, часто встречается в языках мира, и этому есть естественные объяснения. Хотя метафора КАНАЛА СВЯЗИ распространена достаточно широко, мы не знаем, универсальна ли она. Можно, однако, ожидать, что какая-то метафорическая ориентация языковых форм в пространстве есть в любом языке и, каковы бы ни были детали этого, неудивительно, если такие соответствия по количеству будут обнаружены.

Пример принципа ЧЕМ БОЛЬШЕ ФОРМЫ — ТЕМ БОЛЬШЕ СОДЕРЖАНИЯ в английском языке — это итерация:

He ran and ran and ran and ran.

Он бежал, бежал, бежал, бежал.

которая указывает на более долгий (большой) процесс бега, чем просто

He ran.

Он бежал.

Аналогично фраза

He is very very very tall.

Он очень-очень-очень высокий.

указывает, что он выше, чем в предложении

He is very tall.

Он очень высокий.

Тот же эффект может иметь удлинение гласной. Высказывание

He is bi-i-i-i-ig!

Он та-а-а-акой высокий!

указывает, что он выше, чем когда вы говорите просто

He is big.

Он высокий.

Многие языки мира в этих случаях используют морфологические средства *редупликации*, т. е. повторение одного или двух слогов, а также целого слова. Насколько мы знаем, все случаи редупликации в языках мира — это примеры, когда БОЛЬШЕ ФОРМЫ означает БОЛЬШЕ СОДЕРЖАНИЯ. Наиболее типичные средства выражения этого отношения таковы:

Редупликация в существительном превращает единственное число во множественное или собирательное.

Редупликация в глаголе указывает на продолженность или законченность.

Редупликация в прилагательном указывает на интенсификацию или увеличение.

Редупликация в слове, означающем что-то маленькое, означает еще большее уменьшение.

В более общем виде это можно сформулировать так:

Существительное означает объект определенного вида.

Более длинное существительное означает больше объектов этого вида.

Глагол означает действие.

Более длинный глагол означает больше действия (возможно, вплоть до завершения действия).

Прилагательное означает качество.

Более длинное прилагательное означает больше качества.

Слово означает нечто маленькое.

Более длинное слово означает нечто еще меньшее.

Близость — это сила влияния

В английском языке есть еще более сложный пример того, как метафора позволяет использовать форму для выражения значения (возможно, это средство есть и в других языках, хотя детальные исследования не проводились). В английском языке представлена конвенциональная метафора

БЛИЗОСТЬ — ЭТО СИЛА ВЛИЯНИЯ.

Таким образом, предложение

Who are the men *closest* to Khomeini?

Кто *ближе всех* к Хомейни?

означает

Who are the men *who have the strongest effect* on Khomeini?

Кто *имеет самое сильное влияние* на Хомейни?

Здесь метафора имеет чисто семантический эффект, связанный со значением слова *close* 'близкий'. Однако *метафора может также использоваться по отношению к синтаксической форме предложения*. Возможность этого заложена в функциях синтаксиса: синтаксические отношения указывают, насколько два выражения БЛИЗКИ друг к другу. Здесь уже речь идет о БЛИЗОСТИ *форм*.

Эту метафору можно использовать, характеризуя связь между формой и значением, следующим образом:

Если значение формы *A* влияет на значение формы *B* то, чем БЛИЖЕ форма *A* к форме *B*, тем СИЛЬНЕЕ будет ВЛИЯНИЕ значения *A* на значение *B*.

Например, сентенциальное отрицание типа *not* «не» отрицает предикат, как в предложениях типа

John *won't* leave until tomorrow.

Джон *не* уедет до завтра.

Форма *n't* «не» влияет на отрицание предиката *leave*.

В английском языке есть правило, иногда называемое *передвижением отрицания*, которое переносит отрицание от глагола, который оно логически отрицает; например:

Mary *doesn't* think he'll *leave* until tomorrow.

Мери *не* думает, что он *уедет* до завтра.

Здесь *n't* «не», скорее, логически отрицает *leave* 'уезжать', чем *think* 'думать'. У этого предложения приблизительно такой же смысл, как и у фразы

Mary thinks he *won't leave* until tomorrow.

Мери думает, что он *не уедет* до завтра.

за тем исключением, что в первом предложении, где отрицание **СТОИТ ДАЛЬШЕ** (FURTHER AWAY) от *leave* 'уезжать', отрицание **СЛАБЕЕ**. Во втором предложении, где отрицание **БЛИЖЕ**, отрицание **СИЛЬНЕЕ**.

Карл Циммер (в личной беседе) заметил, что тот же принцип лежит в основе семантических различий между такими формами, как

Harry is not happy.

Гарри не счастлив.

versus

Harry is unhappy.

Гарри несчастлив.

Отрицательный префикс *un-/не-* ближе к прилагательному *happy* 'счастлив', чем отдельно стоящее слово *not/не*. Отрицание более сильно в предложении *Harry is unhappy*, чем во фразе *Harry is not happy*. *Unhappy* значит *sad* 'печален', а *not happy* 'не счастлив' может быть интерпретировано в нейтральном смысле — ни счастлив, ни печален, а где-то посередине. Это типичное различие между словами-отрицаниями и отрицательными аффиксами в английском и других языках.

Та же метафора представлена и в следующих примерах:

I taught Greek to Harry.

Я преподавал греческий Гарри.

I taught Harry Greek.

Я преподавал Гарри греческий.

Для второго предложения, где *taught* и *Harry* расположены ближе, допущение, что Гарри действительно выучил то, чему его учили, кажется более вероятным, т. е. преподавание оказало на него влияние. Имеются и более тонкие примеры:

I found that the chair was comfortable.

Я счел, что стул удобный.

I found the chair comfortable.

Я счел стул удобным.

Второе предложение указывает на то, что я обнаружил, что стул удобный, основываясь на *своем собственном опыте* — сев на него. Первое же предложение оставляет возможность такой интерпретации, при которой мое заключение о свойствах стула получено *не непосредственно*, а, скажем, в результате опроса людей или осмотра. Во втором предложении форма I БЛИЖЕ к формам the chair и comfortable. Синтаксис предложения указывает на непосредственность опытного взаимодействия со стулом, в процессе которого был сделан вывод о том, что стул удобный. Чем БЛИЖЕ форма I к формам the chair и comfortable, тем более непосредственен опыт. Здесь воздействие синтаксиса заключается в том, чтобы указать на непосредственность опыта, а БЛИЗОСТЬ указывает на СИЛУ ВОЗДЕЙСТВИЯ. Данное явление подробно рассмотрено для английского языка Боркиным (в печати).

Ту же метафору мы видим в следующих примерах:

Sam killed Harry.

Сэм убил Гарри.

Sam caused Harry to die.

Сэм вызвал смерть Гарри.

Если описывается одиночное событие, как в первом предложении, тогда каузация некоторого положения дел происходит более прямо. Во втором предложении каузация опосредованная или отдаленная, она разделена на два отдельных события: смерть Гарри и то, что Сэм сделал, чтобы Гарри умер. Если нужно указать на еще более опосредованную каузацию, можно сказать:

Sam brought it about that Harry died.

Сэм был причиной того, что Гарри умер.

То *воздействие, которое оказывает синтаксис* в этих предложениях, заключается в том, чтобы указать, *насколько непосредственна причинная связь* между тем, что сделал Сэм, и тем, что произошло с Гарри. Здесь проявляется следующий принцип:

Чем БЛИЖЕ форма, указывающая на КАУЗАЦИЮ, к форме, указывающей на РЕЗУЛЬТАТ, тем СИЛЬНЕЕ причинная связь.

Во фразе Sam killed Harry для указания на КАУЗАЦИЮ и РЕЗУЛЬТАТ (смерть) используется только одна форма — слово kill. Формы, выражающие данные смыслы, настолько близки, насколько это вообще возможно: одно слово включает оба смысла — КАУЗАЦИЮ и РЕЗУЛЬТАТ. Это говорит о том, что причинная связь максимально сильная: одно

событие. В предложении *Sam caused Harry to die* для указания на КАУЗАЦИЮ и РЕЗУЛЬТАТ используются два разных слова — *cause* и *die*. Это говорит о том, что связь между каузацией и результатом уже не такая сильная, как могла бы быть — каузация и результат не являются частями одного и того же события. Во фразе *Sam brought it about that Harry died* представлено два предложения: *Sam brought it about* и *that Harry died*, что указывает на еще большее ослабление причинной связи.

Резюмируя, можно сказать, что во всех рассмотренных случаях различие в форме указывает на тонкое различие в значениях. Сущность этих нетривиальных различий объясняет метафора БЛИЗОСТЬ — ЭТО СИЛА ВЛИЯНИЯ, причем БЛИЗОСТЬ относится к элементам синтаксиса предложения, а СИЛА ВЛИЯНИЯ — к его значению. БЛИЗОСТЬ связана с формой, СИЛА ВЛИЯНИЯ со значением. Таким образом, метафора БЛИЗОСТЬ — ЭТО СИЛА ВЛИЯНИЯ, будучи частью обычной понятийной системы человека, может функционировать на основе чисто семантических категорий, как в предложении *Who are the men closest to Khomeini?*, а может связывать *форму* со *значением*, так как БЛИЗОСТЬ может указывать на отношение между двумя *формами* в предложении. Нетривиальные оттенки значения, которые мы наблюдали в рассмотренных примерах, объясняются не особыми правилами английского языка, а метафорой, которая в нашей понятийной системе используется по отношению к *форме* языка.

Ориентация Я-ПЕРВЫЙ

Купер и Росс (1975) установили, что совокупность знаний о прототипическом представителе нашей культуры определяет ориентацию концептов в понятийной системе человека. Канонический член социума представляет собой точку отсчета, и огромное количество концептов понятийной системы выстраивается друг относительно друга с учетом сходства или несходства с прототипическим членом социума. Так как люди обычно функционируют в *прямой вертикальной* позиции, смотрят и движутся *вперед*, большую часть своего времени тратят на какие-то *действия*, считают себя, в основном, *хорошими*, у нас есть в опыте основания, чтобы рассматривать себя ориентированными скорее ВВЕРХ, чем ВНИЗ, направленными скорее ВПЕРЕД, чем НАЗАД, более АКТИВНЫМИ, нежели ПАССИВНЫМИ, скорее ХОРОШИМИ, чем ПЛОХИМИ. Так как мы находимся там, где мы есть, и существуем в настоящем, мы воспринимаем себя находящимися скорее ЗДЕСЬ, чем ТАМ, и скорее СЕЙЧАС, чем ТОГДА. Это определяет то, что Купер и Росс называли ориентацией Я-ПЕРВЫЙ: ВЕРХ, ВПЕРЕД, АКТИВНЫЙ, ХОРОШИЙ, ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС — все эти категории ориентированы на канонического члена социума; а категории ВНИЗ, НАЗАД, ПАССИВНЫЙ, ПЛОХОЙ, ТАМ и ТОГДА противопоставляются свойствам типичного члена социума.

Такая ориентация культурного характера коррелирует с имеющимися предпочтениями в порядке слов в некоторых словосочетаниях английского языка:

Более стандартно	Менее стандартно
up and down 'вверх и вниз'	down and up 'вниз и вверх'
front and back 'вперед и назад'	back and front 'назад и вперед'
active and passive 'активный и пассивный'	passive and active 'пассивный и активный'
good and bad 'хороший и плохой'	bad and good 'плохой и хороший'
here and there 'здесь и там'	there and here 'там и здесь'
now and then 'сейчас и тогда'	then and now 'тогда и сейчас'

Общий принцип здесь таков: слово со значением, БОЛЕЕ БЛИЗКИМ свойствам прототипического члена социума, идет ПЕРВЫМ.

Этот принцип устанавливает связь между формой и содержанием. Как и другие принципы, которые мы уже рассматривали, он также является следствием метафоры, принадлежащей обычной понятийной системе человека: NEAREST IS FIRST/НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИЙ — ЭТО ПЕРВЫЙ. Например, предположим, что вы указываете на кого-нибудь на картине. Если вы говорите

The *first* person on Bill's left is Sam.

Первый слева от Билла — Сэм.

вы имеете в виду

The person who is on Bill's left and *nearest* to him is Sam.

Человек, который стоит слева от Билла и *ближе* всех к нему, это — Сэм.

Подведем итог: так как речь имеет линейный характер, мы постоянно должны выбирать, какие слова сказать первыми. При прочих равных условиях при выборе между вариантами up and down и down and up, мы автоматически выбираем up and down. Из двух концептов ВЕРХ и НИЗ категория ВЕРХ ближе свойствам прототипического говорящего. Так как метафора НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИЙ — ЭТО ПЕРВЫЙ входит в понятийную систему человека, слово со значением, БОЛЕЕ БЛИЗКИМ свойствам прототипического говорящего (а именно up), оказывается в ПЕРВОЙ позиции. Таким образом, порядок слов up and down лучше согласуется с понятийной системой человека, чем down and up.

Детальное объяснение этого явления и обсуждение обнаруженных контрпримеров см. в (Cooper and Ross 1975).

Согласование на основе метафор в грамматике

Инструмент — это товарищ

Для ребенка естественно, играя с игрушкой, вести себя с ней как с товарищем, разговаривать с ней, класть на подушку рядом с собой ночью и т. п. Куклы — это игрушки, созданные специально для этих целей. Такое же поведение можно заметить и у взрослых, которые обращаются с какими-то важными для них инструментами, например машинами и ружьями, как с товарищами, давая им имена, разговаривая с ними и т. п. Соответственно, и в понятийной системе человека есть конвенциональная метафора AN INSTRUMENT IS A COMPANION/ИНСТРУМЕНТ — ЭТО ТОВАРИЩ, что отражается в следующих примерах:

ИНСТРУМЕНТ — ЭТО ТОВАРИЩ

Me and my old Chevy have seen a lot of the country together.

Мы вместе с моим старым Шеви¹⁾ проехали большую часть страны.

Q: Who's gonna stop me?

Вопрос: Кто остановит меня?

A: Me and my old Betsy here [said by the cowboy reaching for his gun].

Ответ: Я и моя старая Бетси [сказано ковбоем, потянувшимся к своему ружью].

Domenico is going on tour with his priceless Stradivarius.

Доменико едет в турне со своим бесценным Страдивари.

Sleezo the Magician and his Magic Harmonica will be performing tonight at the Rialto.

Волшебник Слизо и его волшебная гармоника выступят сегодня вечером в Риалто.

Почему предлог *with* 'с' указывает и на инструментальность, и на сопровождение

Слово *with* 'с' в английском языке указывает на СОПРОВОЖДЕНИЕ (ACCOMPANIMENT), ср. примеры типа:

I went to the movies *with* Sally (COMPANION).

Я ходил в кино с Салли (ТОВАРИЩ).

То, что именно предлог *with*, а не какое-нибудь другое слово указывает на идею СОПРОВОЖДЕНИЯ, — это просто произвольное соглашение между носителями английского языка. В других языках на СОПРОВОЖДЕНИЕ

¹⁾ Имеется в виду автомобиль «шевроле». — Прим. ред.

указывают другие слова (или грамматические средства, например падежные окончания), таково, например, слово *avec* во французском языке. Но не случайно то, что в английском языке именно *with* выражает и идею СОПРОВОЖДЕНИЯ, и идею ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ (INSTRUMENTALITY), ср. примеры типа:

I sliced the salami *with* a knife (INSTRUMENT).

Я резал салями ножом (букв. с ножом) (ИНСТРУМЕНТ).

Причина здесь в том, что понятийная система человека структурирована метафорой ИНСТРУМЕНТ — ЭТО ТОВАРИЩ. То, что одно и то же слово означает и СОПРОВОЖДЕНИЕ, и ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ, для английского языка оказывается *системным*, а не *случайным*. Этот грамматический факт *согласуется* с понятийной системой английского языка.

Как часто бывает, это особенность не только английского языка. Во всех языках мира — за редкими исключениями — действует следующий принцип:

Слово или грамматическое средство, обозначающее СОПРОВОЖДЕНИЕ, обозначает также и ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ.

Так как тот опыт, на котором основана метафора ИНСТРУМЕНТ — ЭТО ТОВАРИЩ, судя по всему, универсален, естественно, что этот грамматический принцип действует в большинстве языков мира. Те языки, для которых этот принцип справедлив, согласуются с данной метафорой; те языки, для которых этот принцип не имеет места, не согласуются с нею. Там, где отсутствует согласование с метафорой ИНСТРУМЕНТ — ЭТО ТОВАРИЩ, вместо этого обычно возникает какое-то другое согласование между концептами. Так, есть языки, в которых идея ИНСТРУМЕНТА выражается формой глагола *use* 'использовать', или в которых СОПРОВОЖДЕНИЕ обозначается аналогом английского слова *and* 'и'. Это другие, неметафорические способы согласования между формой и значением.

«Логика» языка

Использование одного слова и для идеи ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ, и для концепта СОПРОВОЖДЕНИЯ вполне осмысленно. Это создает связи между формой и содержанием, согласованные с концептуальной системой языка. Аналогично имеет смысл использовать для выражения времени таких пространственных предлогов, как *in* и *at* (например, *in an hour* 'через час', *at ten o'clock* 'в десять часов'), поскольку ВРЕМЯ метафорически концептуализируется в терминах ПРОСТРАНСТВА. Метафоры в понятийной системе указывают на внутренне согласованные и системные связи между концептами. Использование одних и тех же слов и грамматических средств для концептов, имеющих метафорические связи системного характера (например, для ВРЕМЕНИ и ПРОСТРАНСТВА), — это один из путей создания из случайностей «логики» языка, регулирующей соотношение между формой и значением.

Заключение

Нетривиальные различия в значении

Существуют ли парафразы? Могут ли два различных предложения точно обозначать одно и то же? Дуайт Болинджер большую часть своей профессиональной деятельности потратил на то, чтобы показать, что это фактически невозможно и что практически любое изменение предложения — порядка слов, словарного состава, интонации или грамматической конструкции — меняет его значение, хотя часто это изменение оказывается очень тонким. Теперь мы можем понять, *почему* так и должно быть.

Мы концептуализируем предложения метафорически в пространственных терминах, причем языковые формы обладают пространственными свойствами (например, длиной) и выражают пространственные отношения (например, близость). Тем самым пространственные метафоры, внутренне присущие понятийной системе человека (например, БЛИЗОСТЬ — ЭТО СИЛА ВЛИЯНИЯ), автоматически структурируют связи между формой и содержанием. Хотя одни части значения предложения являются следствиями некоторых довольно произвольных соглашений в языке, другие части семантики возникают благодаря естественным попыткам человека согласовать сказанное с понятийной системой. Эти части семантики предложения включают и *форму*, в которую мы облачаем то, что говорим, так как эта форма концептуализируется в пространственных терминах.

Регулярность в языковой форме

Мы обнаружили, что метафоры играют важную роль в характеристике регулярности устройства языковой формы. Один из примеров такой регулярности — это использование одного и того же слова и для выражения идеи сопровождения, и для передачи идеи инструмента. Этот пример регулярности согласуется с концептуальной метафорой ИНСТРУМЕНТ — ЭТО ТОВАРИЩ. Многое из того, что мы воспринимаем как «естественную» регулярность языковой формы, относится к регулярности, согласованной с метафорами нашей понятийной системы. Рассмотрим, например, то, что воспринимается нами как «восходящая» и «нисходящая» интонация, соответственно, в вопросах и утверждениях.

Эти типы интонации согласуются с ориентационной метафорой НЕИЗВЕСТНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ; ИЗВЕСТНОЕ — ВНИЗ. Эта концептуальная метафора обнаруживается в примерах типа:

That's still *up* in the air.

Это все еще «висит» в воздухе.

I'd like to *raise* some questions about that.

Я хотел бы *поднять* некоторые вопросы по этому поводу.

That settles the question.

Это решает (букв. *сажает, поселяет*) вопрос.

It's still up for grabs.

Это все еще можно заполучить (букв. ухватить *вверху*).

Let's bring it up for discussion.

Давайте вынесем это на обсуждение.

В выражении come up with an answer 'находить ответ в том, что' вопрос концептуализируется, как начинающийся внизу, а заканчивающийся там, где мы находимся, т. е. НАВЕРХУ — именно в этом заключается причина использования глагол come 'приходить'.

Вопросы обычно указывают на то, что неизвестно, поэтому использование восходящей интонации в вопросах мотивируется метафорой НЕИЗВЕСТНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ. По этой же причине использование нисходящей интонации в утверждениях согласовано с метафорой ИЗВЕСТНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВНИЗ. Фактически вопросы с нисходящей интонацией понимаются не как настоящие вопросы, а как риторические вопросы, выражающие утверждение. Например, Will you ever learn? 'Будешь ли ты когда-нибудь учиться?', сказанное с нисходящей интонацией, — это косвенный способ сказать You'll never learn 'Ты никогда не будешь учиться'. Подобным образом утверждения с восходящей интонацией указывают на неуверенность или невозможность найти смысл в чем-то. Например, Your name's Fred 'Тебя зовут Фред', сказанное с восходящей интонацией, указывает на то, что вы не уверены и хотите подтверждения. The Giants traded Madlock 'Гиганты продали Медлок', сказанное с восходящей интонацией, указывает на неспособность найти в чем-то смысл — это не соответствует ничему, что вы знаете. Все эти примеры использования восходящей и нисходящей интонации согласованы с метафорой НЕИЗВЕСТНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ; ИЗВЕСТНОЕ — ВНИЗ.

Между прочим, частным вопросам в английском языке свойственна нисходящая интонация, например, Who did John see yesterday? 'Кого Джон видел вчера?'. На уровне догадки можно предположить, что это происходит из-за того, что большая часть содержания частного вопроса уже известна, и только небольшой фрагмент информации считается неизвестным. Например, вопрос Who did John see yesterday? 'Кого Джон видел вчера?' предполагает, что Джон кого-то видел вчера. Как и следовало ожидать, в тоновых языках интонация в обычном случае вообще не используется для маркировки вопросов, эту функцию выполняют вопросительные частицы. В целом в тех языках, где интонация указывает на различие между вопросами и утверждениями, восходящая интонация соответствует неизвестному (общим вопросам), а нисходящая — известному (утверждениям).

Такие примеры говорят о том, что случаи регулярности соответствия языковой формы и содержания нельзя объяснить исключительно

формальными причинами. Многие примеры регулярности получают рациональное объяснение только с точки зрения применения концептуальных метафор к пространственной концептуализации языковой формы. Другими словами, синтаксис зависит от значения и в особенности от метафорической стороны значения. «Логика» языка основана на согласовании между пространственной формой языка и понятийной системой, и в первую очередь метафорами понятийной системы.

Новый смысл

Метафоры, которые мы обсуждали до настоящего момента, относятся к числу *конвенциональных* метафор, определяющих строение обыденной концептуальной системы нашего общества, которая отражается в повседневном употреблении языка. Теперь нам хотелось бы обратиться к метафорам, которые находятся вне нашей конвенциональной понятийной системы, — к образным и творческим метафорам. Эти метафоры способны дать нам новое понимание нашего опыта. Тем самым, они могут придать новый смысл нашему прошлому, нашей повседневной деятельности и тому, что мы знаем и в чем убеждены.

Для того, чтобы определить, как это происходит, рассмотрим новую метафору LOVE IS A COLLABORATIVE WORK OF ART/ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА. Эта метафора, которую мы лично находим особенно действенной и проникающей в суть вещей, подает наш опыт как представителей определенного — нынешнего — поколения и определенной — современной — культуры. Причина в том, что она делает любовные переживания согласованными (*coherent*), придает им смысл. Нам хотелось бы считать, что новые метафоры придают смысл опыту таким же образом, что и конвенциональные: они обеспечивают структурное согласование, высвечивая одно и скрывая другое.

Новым метафорам, как и конвенциональным, присущи следствия, среди которых могут быть как другие метафоры, так и буквальные утверждения. Например, следствия из метафоры ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА возникают из наших мнений и представлений о том, что значит быть совместным произведением искусства. Наши личные взгляды на работу¹⁾ и искусство порождают по крайней мере следующие следствия из этой метафоры:

Love is work.

Любовь — это работа.

Love is active.

Любовь деятельна.

Love requires cooperation.

Любовь нуждается в сотрудничестве.

¹⁾ Для дальнейшего изложения следует иметь в виду, что в английском тексте словом *работа* и *произведение* соответствует одна лексема *work*. — *Прим. перев.*

Love requires dedication.

Любовь нуждается в преданном служении.

Love requires compromise.

Любовь нуждается в компромиссах.

Love requires a discipline.

Любовь нуждается в дисциплине.

Love involves shared responsibility.

Любовь предполагает разделение ответственности.

Love requires patience.

Любовь нуждается в терпении.

Love requires shared values and goals.

Любовь нуждается в общности ценностей и целей.

Love demands sacrifice.

Любовь требует жертв.

Love regularly brings frustration.

Любовь регулярно приносит разочарование.

Love requires instinctive communication.

Любовь требует инстинктивного общения.

Love is an aesthetic experience.

Любовь — это эстетическое переживание.

Love is primarily valued for its own sake.

Любовь — мера самой себя.

Love involves creativity.

Любовь предполагает творчество.

Love requires a shared aesthetic.

Любовь требует общих эстетических представлений.

Love cannot be achieved by formula.

У любви нет готовых рецептов.

Love is unique in each instance.

Любовь уникальна в каждом своем проявлении.

Love is an expression of who you are.

Любовь — это зеркало вашей души.

Love creates a reality.

Любовь творит действительность.

Love reflects how you see the world.

Любовь отражает ваше видение мира.

Love requires the greatest honesty.

Любовь требует величайшей искренности.

Love may be transient or permanent.

Любовь может быть преходящей или же постоянной.

Love needs funding.

Любовь нуждается в финансировании.

Love yields a shared aesthetic satisfaction from you efforts.

Ваши совместные усилия в любви приносят взаимное эстетическое удовлетворение.

Одни из этих следствий метафоричны (например, «Любовь — это эстетическое переживание»), другие — нет (например, «Любовь предполагает разделение ответственности»). Каждое из этих следствий может иметь свои дальнейшие следствия. В результате возникает разветвленная и согласованная сеть следствий, которая в общем и целом может соответствовать или не соответствовать нашим представлениям о любви, полученным из опыта. Если соответствие есть, то эти представления как воплощения метафоры формируют внутренне согласованное целое. То, что мы воспринимаем благодаря такой метафоре, представляет собой своего рода эхо, распространяющееся по сети следствий, которое пробуждает и связывает наши воспоминания о прошлых любовных переживаниях и служит возможным ориентиром для будущих.

Уточним, что мы подразумеваем под «эхом» (reverberation) в метафоре ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА.

Во-первых, метафора высвечивает одни свойства и в то же время скрывает другие. Например, понятие ПРОИЗВЕДЕНИЕ в выражениях COLLABORATIVE WORK 'СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ' и WORK OF ART 'ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА' выдвигает на передний план активную сторону любви. Это требует маскировки тех аспектов любви, которые рассматриваются как пассивные. Между тем, с точки зрения нашей конвенциональной понятийной системы эмоциональные стороны любви фактически почти никогда не рассматриваются как поддающиеся контролю со стороны любящих. Даже в метафорах LOVE IS A JOURNEY/ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ любовные отношения представляют как средство передвижения, которое не находится под активным контролем любящей пары, так как оно может *сбиться с пути*, или *потерпеть крушение*, или вообще *никуда не двигаться*. В метафоре LOVE IS MADNESS/ЛЮБОВЬ — ЭТО БЕЗУМИЕ (I'm crazy about her 'Я без ума от нее', She's driving me wild 'Она сводит меня с ума') отражено представление о полном отсутствии контроля в любви. В метафоре LOVE IS HEALTH/ЛЮБОВЬ — ЭТО ЗДОРОВЬЕ, в которой любовная связь рассматривается как своего рода пациент (It's a healthy relationship 'Это здоровая связь', It's a sick relationship 'Это нездоровая связь', Their relationship is reviving 'Их связь возрождается'), присущая нашей культуре пассивность по отношению к здоровью переносится на любовь. Таким образом, концентрируя внимание на различных аспектах деятельности (например, на концептах WORK 'ПРОИЗВЕДЕНИЕ', CREATION 'ТВОРЕНИЕ', PURSUING GOALS 'ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ', BUILDING 'СОЗИДАНИЕ', HELPING 'ПОМОЩЬ'), метафора обеспечивает организацию

важных элементов любовного опыта, чего наша конвенциональная понятийная система сделать не может.

Во-вторых, из метафоры следуют не просто другие концепты, такие, как РАБОТА или PURSUING SHARED GOALS 'ДОСТИЖЕНИЕ СОВМЕСТНЫХ ЦЕЛЕЙ', но весьма специфические аспекты этих концептов. Это не просто любая работа, как, например, работа на конвейере по сборке автомобилей. Это работа, которая требует того тонкого баланса между осуществлением контроля и предоставлением событиям возможности развиваться своей чередой, который присущ художественному творчеству, так как преследуемая цель является не просто любым видом цели, а общей эстетической целью. И хотя эта метафора может утаивать неконтролируемые стороны любви, раскрываемые метафорой ЛЮБОВЬ — ЭТО БЕЗУМИЕ, она высвечивает другой смысл, а именно почти демоническую одержимость, стоящую за присущей нашей культуре связью между талантом и безумием.

В-третьих, поскольку метафора высвечивает важные любовные переживания и обеспечивает их связность, и в то же время маскирует другие стороны любовного опыта, она придает любви новый смысл. Если те сущности, которые следуют из метафоры, представляются нам наиболее важными аспектами наших любовных переживаний, тогда метафора может приобрести статус истины; для многих людей любовь действительно является совместным произведением искусства. И поскольку дело обстоит именно так, метафора может приобретать эффект обратной связи, направляя наши действия в соответствии со своим содержанием.

В-четвертых, метафоры, следовательно, могут быть уместны потому, что они санкционируют те или иные действия, подтверждают выводы и помогают устанавливать цели. Например, определенные действия, выводы и цели, предписываемые метафорой ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА, отличаются от аналогичных категорий, следующих из метафоры ЛЮБОВЬ — ЭТО БЕЗУМИЕ. Если любовь — безумие, то я не забочусь о том, что я должен сделать для ее сохранения. Но если любовь — это произведение, тогда требуется активная деятельность, и если она является произведением искусства, то требуется совершенно особый вид деятельности, а если она еще и совместное произведение, тогда вид деятельности ограничивается и определяется еще точнее.

В-пятых, смысл, который открывает для нас метафора, частично обусловлен культурно, а частично связан с нашим предшествующим опытом. Значительные культурные различия весьма вероятны, потому что каждое из понятий в обсуждаемой метафоре — ИСКУССТВО, ПРОИЗВЕДЕНИЕ, СОТРУДНИЧЕСТВО и ЛЮБОВЬ — может сильно видоизменяться от культуры к культуре. Так что для европейского романтика девятнадцатого века и эскимоса, жившего в Гренландии в то же время, метафора ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА значила бы совершенно разное. Неизбежны различия и в рамках одной культуры; они основываются на различиях во взглядах людей на работу и искусство. Метафора

ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА будет иметь совершенно различный смысл для двух четырнадцатилетних в их первое свидание и для зрелой искушенной пары.

В качестве примера того, как радикально может меняться смысл метафоры в рамках одной культуры, рассмотрим некоторые следствия, которые обсуждаемая метафора имеет для лица, взгляды которого на искусство сильно отличаются от наших собственных. Тот, кто оценивает произведение искусства не само по себе, а только как объект демонстрации, кто думает, что искусство создает только иллюзии, а не реальность, считал бы следствиями этой метафоры следующее:

Love is an object to be placed on display.

Любовь — это объект, который следует выставлять напоказ.

Love exists to be judged and admired by others.

Любовь существует, чтобы другие могли судить о ней и восхищаться ею.

Love creates an illusion.

Любовь создает иллюзии.

Love requires hiding the truth.

Любовь нуждается в сокрытии истины.

Поскольку такому человеку присущ иной взгляд на искусство, обсуждаемая метафора будет иметь для него другой смысл. Если его опыт любви отличается от нашего незначительно, тогда метафора просто не будет соответствовать опыту. Фактически же она будет совершенно неприемлема. Отсюда следует, что та же метафора, которая придает новый смысл нашим переживаниям, не содержит ничего нового для его опыта.

Другой пример способности метафоры создавать для нас новый смысл появился случайно. Один иранский студент вскоре после приезда в Беркли посещал семинар по метафоре, который вел один из нас. Среди удивительных вещей, обнаруженных им в Беркли, было выражение, которое он слышал много раз подряд и понял как исключительно разумную метафору. Это было выражение *the solution of my problems* 'разрешение²⁾ моих проблем' — которое он воспринял как большое количество кипящей и дымящейся жидкости, содержащей все ваши проблемы в растворенном виде и в виде осадка, с катализаторами, постоянно растворяющими одни проблемы (в данный период времени) и осаждающими другие. Он был ужасно разочарован, обнаружив, что в сознании обитателей Беркли такой химической метафоры нет. И к этому у него были все основания, поскольку химическая метафора не только красива, но и глубоко проникает в суть вещей. Она позволяет нам взглянуть на проблемы как на сущности, которые никогда полностью не исчезают и не могут быть решены раз и навсегда. Все ваши проблемы будут существовать всегда, только

²⁾ Следует иметь в виду, что одно из значений английской лексики *solution* связано со смыслом 'растворение'. — *Прим. перев.*

они могут быть разведены и находиться в растворе или же пребывать в твердой форме. Лучшее, на что вы можете надеяться, — это найти катализатор, который растворит одну проблему и не переведет другую в осадок. И поскольку у вас нет полного контроля над последствиями решения, вы постоянно обнаруживаете выпадающие в осадок старые и новые проблемы, а то, что некоторые проблемы все-таки растворяются, происходит отчасти из-за ваших усилий, а отчасти независимо от того, что вы делаете.

ХИМИЧЕСКАЯ метафора позволяет нам по-новому взглянуть на человеческие проблемы. Она согласуется с эмпирическим наблюдением, согласно которому проблемы, которые мы однажды сочли решенными, возникают снова и снова. ХИМИЧЕСКАЯ метафора утверждает, что проблемы не относятся к тем сущностям, которые могут исчезнуть навсегда. Рассматривать их как сущности, которые могут быть окончательно «решены», бессмысленно. Жить в соответствии с ХИМИЧЕСКОЙ метафорой означало бы принять как факт, что никакая проблема не исчезает навечно. Вместо того, чтобы стремиться решить проблемы раз и навсегда, было бы лучше направить усилия на выявление тех катализаторов, которые растворяют на наиболее длительный срок самые неотложные проблемы и одновременно не приведут к выпадению в осадок еще более нежелательных проблем. Повторное возникновение проблемы рассматривается в этом случае, скорее, как естественное явление, чем неудача в попытке найти «правильный способ ее разрешения».

Жить в соответствии с ХИМИЧЕСКОЙ метафорой значило бы признать, что не все проблемы для нас одинаково реальны. Временное решение было бы, скорее, достижением, чем неудачей. Проблемы стали бы, скорее, частью естественного устройства мира, чем болезнями, требующими «лечения». Ваше понимание повседневной жизни и ваше поведение в ней были бы другими, если бы вы жили в соответствии с ХИМИЧЕСКОЙ метафорой.

Мы видим в этом убедительное доказательство способности метафоры творить реальность, а не просто обеспечивать возможность концептуализации уже существующей реальности. Этому не следует удивляться. Как мы видели на примере метафоры СПОР — ЭТО ВОЙНА, существуют естественные виды *деятельности* (например, спор), которые по своей природе метафоричны. ХИМИЧЕСКАЯ метафора показывает, что наш нынешний способ обращения с проблемами представляет собой иной вид метафорической деятельности. В настоящее время большинство из нас интерпретирует проблемы в соответствии с тем, что можно назвать PUZZLE метафорой (метафорой ЗАГАДКИ), согласно которой проблемы представляются ЗАГАДКАМИ, для которых, как правило, имеется верное решение — и будучи однажды решенными, они решаются навсегда. Метафора PROBLEMS ARE PUZZLES/ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ЗАГАДКИ характе-

ризует нашу нынешнюю реальность. Переход к ХИМИЧЕСКОЙ метафоре характеризовал бы новую реальность.

Однако изменение метафор, согласно которым мы живем, — это отнюдь не легкая задача. Одно дело — сознать возможности, внутренние присущие ХИМИЧЕСКОЙ метафоре, но совершенно другое и куда более трудное дело — жить в соответствии с нею. Каждый из нас осознанно или неосознанно сталкивается с сотнями проблем (и мы постоянно работаем над разрешением многих из них) посредством метафоры ЗАГАДКИ. В терминах метафоры ЗАГАДКИ структурируется такая большая часть нашей неосознаваемой повседневной деятельности, что мы просто не смогли бы, сознательно приняв решение, совершить быстрый и легкий переход к ХИМИЧЕСКОЙ метафоре.

Многие виды нашей деятельности (спор, разрешение проблем, планирование времени и т. д.) по своей сути метафоричны. Метафорические понятия, характеризующие эти виды деятельности, определяют структуру нашей нынешней реальности. Новые метафоры обладают способностью творить новую реальность. Это может случиться, если мы начнем постигать опыт на языке метафоры, и это станет более глубокой реальностью, если мы начнем на ее языке действовать. Если новая метафора становится частью понятийной системы, служащей основанием нашей деятельности, она изменит эту систему, а также порожаемые ею представления и действия. Многие изменения в культуре возникают как следствия усвоения новых метафорических понятий и утраты старых. Например, западное влияние на мировые культуры частично объясняется внесением в них метафоры ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ.

Идея о том, что метафоры могут творить реальность, вступает в противоречие с большинством традиционных воззрений на метафору. Причина этого заключается в том, что метафора традиционно рассматривалась, скорее, всего лишь как принадлежность языка, а не как средство структурирования понятийной системы и видов повседневной деятельности, которой мы занимаемся. Вполне разумно предположить, что одни лишь слова не меняют реальности. Но изменения в нашей понятийной системе изменяют то, что для нас реально, и влияют на наши представления о мире и поступки, совершаемые в соответствии с ними.

Идея о том, что метафора является просто принадлежностью языка и может в лучшем случае только описывать реальность, возникает из взгляда на реальное как совершенно внешнее и независимое от того, как человеческие существа концептуализуют мир — как если бы исследование реальности было бы просто исследованием физического мира. Такой взгляд на реальность — так называемую объективную реальность — не учитывает человеческие аспекты реального, в особенности реальные ощущения, концептуализации, мотивации и действия, которые определяют большую часть того, что мы узнаем из опыта. Однако человеческие стороны реального — это одновременно и большая часть того, что имеет

к нам отношение, и эти стороны изменяются от культуры к культуре, поскольку различным культурам присущи различные понятийные системы. К тому же культуры могут существовать в радикально различающихся физических условиях — в джунглях, пустыне, на островах, в тундре, в горах, городах и т. д. В каждом случае имеется физическая среда, с которой мы более или менее успешно взаимодействуем. Понятийные системы различных культур частично испытывают влияние физических условий, в которых они развились.

Каждая культура должна выработать более или менее успешный способ взаимодействия с жизненной средой, предполагающий как адаптацию к ней, так и ее изменение. Более того, каждая культура должна установить рамки социальной реальности, в которой люди получают роли, имеющие для них смысл и позволяющие им функционировать социально. Неудивительно, что социальная реальность, определяемая культурой, воздействует на бытующие в ней представления о физической реальности. То, что реально для человека как члена культурного социума, является продуктом как социальной реальности, так и способа организации его опыта взаимодействия с материальным миром. Поскольку значительная часть социальной реальности осмысливается в метафорических терминах и поскольку наше представление о материальном мире отчасти метафорично, метафора играет очень существенную роль в установлении того, что является для нас реальным.

Глава 22

Создание сходства

Мы уже видели, что подавляющая часть нашего опыта и деятельности по своей природе метафорична, и что большая часть понятийной системы человека также структурирована с помощью метафор. Мы уже убедились в сходстве нашей понятийной системы и естественных видов опыта (причем и понятийная система, и опыт могут осмысляться с помощью метафор). Это сходство в большой степени представляет собой результат действия конвенциональных метафор — части понятийной системы человека. Мы уже рассматривали это на примере *ориентационных метафор*. Например, ориентационные метафоры БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ и СЧАСТЬЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ порождают сходство в восприятии между концептами БОЛЬШЕ и СЧАСТЬЕ, но не между концептами МЕНЬШЕ и СЧАСТЬЕ.

Онтологические метафоры также могут порождать сходство. Мы видели, например, что понимание ВРЕМЕНИ и ТРУДА как однородных СУБСТАНЦИЙ (ВЕЩЕСТВ) позволяет нам осмыслять их как ресурсы и, таким образом, видеть в них нечто общее. Следовательно, метафоры ВРЕМЯ — ЭТО СУБСТАНЦИЯ и ТРУД — ЭТО СУБСТАНЦИЯ позволяют нам сходным образом понимать время и труд в нашей культуре, так как в рамках этих метафор можно определить количество ВРЕМЕНИ и ТРУДА, каждой их единице можно приписать определенную стоимость, их можно использовать целенаправленно и постепенно. А так как эти метафоры определяют статус того, что для человека реально в культурной традиции, то сходство времени и труда не только метафорично, но и реально для нашей культуры.

Структурные метафоры также порождают сходство в понятийной системе человека. Метафора ИДЕИ — ЭТО ПИЩА порождает сходство между идеями и пищей. И идеи, и пища могут быть переварены, проглочены, поглощены и подогреты, и то и другое может питать нас. Это сходство не существует независимо от метафоры. Представление о поглощении пищи независимо от метафоры, но представление о поглощении идеи возникает только благодаря метафоре. В действительности, метафора ИДЕИ — ЭТО ПИЩА основывается на еще более базовых метафорах. Например, частично она базируется на метафоре КАНАЛА СВЯЗИ, в соответствии с которой ИДЕИ — ЭТО ОБЪЕКТЫ, и мы можем получать их извне. Она также предполагает существование метафоры MIND IS A CONTAINER/РАЗУМ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, устанавливающей сходство между

умом и телом, так как они оба — ВМЕСТИЛИЩА. Вместе с метафорой КАНАЛА СВЯЗИ мы получаем комплексную метафору, в соответствии с которой IDEAS ARE OBJECTS THAT COME INTO THE MIND/ИДЕИ — ЭТО ОБЪЕКТЫ, КОТОРЫЕ ПРОНИКАЮТ В УМ, как пища проникает в тело. Метафора ИДЕИ — ЭТО ПИЩА частично основана именно на этом сходстве между идеями и пищей, рожденном метафорой. А, как мы уже видели, само сходство является следствием метафор КАНАЛА СВЯЗИ и РАЗУМ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ.

Метафора ИДЕИ — ЭТО ПИЩА сочетается в определенных фрагментах с нашим опытом именно благодаря этому сходству, порожденному метафорой. Поэтому основания метафоры ИДЕИ — ЭТО ПИЩА частично обнаруживаются в метафорах КАНАЛА СВЯЗИ и РАЗУМ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ. Новые (метафорически порождаемые) аспекты сходства между ИДЕЯМИ и ПИЩЕЙ возникают как следствие метафоры ИДЕИ — ЭТО ПИЩА: и идеи, и пищу можно проглотить, поглотить и подогреть, и идеи, и пища могут питать нас. Концепты пищи дают возможность понимания психологических процессов, прямая и очевидная концептуализация которых человеку недоступна.

Наконец, можно показать, что сходство порождается и *новыми метафорами*. Например, метафора PROBLEMS ARE PRECIPITATES IN A CHEMICAL SOLUTION/ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ОСАДОК В ХИМИЧЕСКОМ РАСТВОРЕ основана на конвенциональной метафоре PROBLEMS ARE OBJECTS/ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ОБЪЕКТЫ. Кроме того, ХИМИЧЕСКАЯ метафора добавляет идею PROBLEMS ARE SOLID OBJECTS/ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ТВЕРДЫЕ ОБЪЕКТЫ, которая дает возможность идентифицировать проблемы как осадок в химическом растворе. Порождаемое метафорой сходство между проблемами и осадком в химическом растворе, с которым мы постоянно сталкиваемся в своем опыте, заключается в следующем: и проблемы, и осадок имеют вполне различимую форму и, следовательно, могут быть идентифицированы, проанализированы и на них можно некоторым образом воздействовать. Это сходство порождается метафорой ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ТВЕРДЫЕ ОБЪЕКТЫ, составляющей часть ХИМИЧЕСКОЙ метафоры. Кроме того, когда осадок растворяется, кажется, что он исчезает, так как у него отсутствует различимая форма и его нельзя идентифицировать, анализировать и на него никак нельзя воздействовать. Однако растворенное может снова превратиться в осадок, т.е. снова принять твердую форму — точно так же, как может снова возникнуть проблема. Мы воспринимаем сходство между проблемами и осадком как результат действия ХИМИЧЕСКОЙ метафоры.

Более сложный пример сходства, возникающего благодаря *новой метафоре*, обнаруживается в метафоре ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА. Эта метафора, высвечивая одни аспекты любовного опыта, преуменьшает роль других и скрывает третьи. В частности, она преуменьшает роль опыта, соответствующего метафоре ЛЮБОВЬ — ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА. Под «преуменьшением» мы понимаем, что метафора

любви как совместного произведения искусства согласуется с пониманием любви как физической силы, но не фокусирует внимание на том опыте любви, который можно описать как *There is magnetism between us* 'Нас тянет друг другу (букв. между нами существует притяжение)', *We felt sparks* 'Мы увлеклись друг другом (букв. пробежала искра)' и т. п. Кроме того, она скрывает любовный опыт, который соответствует метафоре ЛЮБОВЬ — ЭТО ВОЙНА, так как у этих двух метафор нет пересечения. Свойства совместности и кооперативности метафоры ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА не согласуются с идеями агрессивности и превосходства того любовного опыта, который описывается в примерах *She is my latest conquest* 'Она — мое последнее завоевание', *He surrendered to her* 'Он сдался ей', *She overwhelmed me* 'Она меня потрясла (букв. разбила)' и т. п. Отсутствие согласования приводит к сокрытию этих аспектов опыта любви.

Таким образом, метафора ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА скрывает некоторую часть нашего опыта любви и выбирает другую для привлечения внимания именно к ней, причем так, как если бы в ней заключался весь опыт. В процессе этого она порождает сродство между тем опытом любви, который она высвечивает, и реальным или воображаемым опытом сотрудничества в работе над произведением искусства. Это возникшее сродство отражено в нашем перечне следствий из обсуждаемой метафоры («Любовь — это работа», «Любовь — это эстетическое переживание» и т. п.)¹⁾.

Каждая часть опыта любви, которая высвечивается метафорой, сочетается по меньшей мере с одним из вышеприведенных следствий, но, вероятно, ни один из фрагментов любовного опыта не сочетается со всеми следствиями. Например, эпизод, оставивший очень яркое и неприятное воспоминание, сочетается с «Любовь регулярно приносит разочарование», но может не сочетаться с «Любовь — это эстетическое переживание» или «Любовь — мера самой себя». Таким образом, каждое следствие устанавливает сродство между различными частями опыта любви, с одной стороны, и определенными частями опыта создания совместного произведения искусства — с другой. Ни одно из следствий не обнаруживает полного сродства между *всем* высвеченным опытом любви и *всем* опытом создания совместного произведения искусства. Это может сделать только вся метафора со всей системой следствий, отражающих сродство между *всем* высвеченным опытом любви и *всем* опытом создания совместного произведения искусства.

Кроме того, метафора порождает сродство, которое выходит за рамки простого подобия двух областей опыта. Это дополнительное сродство — *структурное*. Оно связано с тем, как мы осознаем согласованность друг с другом отдельных видов опыта, высвеченных метафорой. Согласован-

¹⁾ См. главу 21. — *Прим. ред.*

ность возникает на основе того, что мы знаем о структуре деятельности по созданию совместного произведения искусства, и отражается в том, как следствия сочетаются друг с другом (например, одни следствия выводятся из концепта ПРОИЗВЕДЕНИЯ, другие — из концепта ИСКУССТВА, третьи — из представления о СОВМЕСТНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ и т. п.). Именно эта внутренне согласованная структура позволяет видеть нечто общее в высвеченных метафорой частях опыта и понимать, как следствия связаны друг с другом. Таким образом, благодаря метафоре, устанавливается *структурное* сходство между высвеченным опытом любви и опытом по созданию совместного произведения искусства.

Именно это *структурное* сходство между двумя сферами опыта позволяет *устанавливать согласование между* высвеченными фрагментами опыта любви. Соответственно, именно благодаря метафоре высвечивается внутренне согласованная область опыта. Без метафоры эта сфера опыта не существует для человека как идентифицируемая и согласованная совокупность фрагментов опыта. Концептуализация ЛЮБВИ как СОВМЕСТНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА позволяет воспринимать эту совокупность как внутренне согласованное целое.

Более того, метафора, делая наш опыт внутренне согласованным, *создает новый вид сходства*. Например, мы можем независимо от метафоры рассматривать неудачу в любви, как неудачный опыт в создании совместного произведения искусства, так как все это виды неудачного опыта. В этом смысле неудачный опыт любви вообще будет похож на *любой* неудачный опыт. Метафора добавляет к пониманию неудачного опыта любви идею, что это тот же *вид* неудачи, что и при создании совместного произведения искусства. Это тот аспект сходства, который связан с метафорой.

Таким образом, суть сходства между неудачным опытом любви и неудачным опытом в искусстве осознается только при осмыслении опыта любви на основе опыта создания произведения искусства. В соответствии с нашим определением понимание любовного опыта в терминах создания совместного произведения искусства означает понимание этого опыта на основе метафорического понятия ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА.

Теперь мы можем подвести итоги обсуждения того, как метафора порождает сходство.

1. Конвенциональные (ориентационные, онтологические и структурные) метафоры часто мотивируются корреляциями, которые мы замечаем в нашем опыте. Например, в нашей индустриальной культуре обнаруживается корреляция между количеством времени, расходуемого на выполнение задания, и количеством затрачиваемого труда. Эта корреляция позволяет рассматривать ВРЕМЯ и ТРУД метафорически как РЕСУРСЫ и, следовательно, видеть сходство между ними.

Важно помнить, что корреляция — это не сходство. Метафоры, основанные на корреляциях в нашем опыте, определяют те понятия, на основе которых воспринимается сходство.

2. Конвенциональные метафоры структурного типа (например, ИДЕИ — ЭТО ПИЩА) могут основываться на сходстве, которое порождается ориентационными и онтологическими метафорами. Как было показано, например, концепт ИДЕИ — ЭТО ПИЩА основывается на концепте ИДЕИ — ЭТО ОБЪЕКТЫ (онтологическая метафора) и концепте РАЗУМ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ (онтологическая и ориентационная метафоры). Структурное сходство между ИДЕЯМИ и ПИЩЕЙ создается метафорой и само порождает метафорическое сходство (идеи и пища могут быть проглочены, переварены и поглощены, могут питать и т. п.).
3. Новые метафоры в основном относятся к структурному типу. Они порождают сходство так же, как и конвенциональные структурные метафоры. То есть они могут основываться на сходстве, возникающем из онтологических и ориентационных метафор. Как было показано выше, метафора ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ОСАДОК В ХИМИЧЕСКОМ РАСТВОРЕ основана на физической метафоре ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ТВЕРДЫЕ ОБЪЕКТЫ. Эта метафора устанавливает сходство между ПРОБЛЕМАМИ и ОСАДКОМ, так как и проблемы, и осадок можно идентифицировать, анализировать и оказывать на них воздействие. Метафора ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ОСАДОК порождает новые аспекты сродства, а именно — может показаться, что проблемы исчезли (растворились в растворе), но потом они могут появиться снова (выпасть в осадок).
4. Новые метафоры с помощью своих следствий могут высвечивать некоторые сферы опыта, преуменьшать их значимость и даже скрывать их. Эти операции приводят к тому, что некоторые фрагменты опыта выбираются метафорой. Затем метафора характеризует сходство между всем высвеченным опытом и некоторым другим опытом. Например, метафора ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА выбирает некоторую часть опыта любви и устанавливает *структурное* сходство между *всей высвеченной областью* опыта и опытом совместного создания произведения искусства. Конечно, могут быть отдельные черты сродства между опытом любви и опытом создания произведений искусства, которые не зависят от метафоры, но метафора позволяет найти внутреннюю согласованность между этими изолированными проявлениями сродства на основе общего структурного сродства, создаваемого метафорой.
5. Сходство может быть связано именно с метафорой. Как мы видели, метафора ЛЮБОВЬ — ЭТО СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА устанавливает уникальный *вид* сродства. Например, неудачный опыт

любви похож на неудачный опыт в искусстве не просто потому, что он неудачный, а потому, что он подразумевает особый *вид* неудачи, присущий именно совместной работе по созданию произведений искусства.

Наша теория, согласно которой метафоры могут создать сходство, вступает в противоречие с классической теорией метафоры — *теорией сравнения*, которая до сих пор широко распространена. Теория сравнения утверждает:

1. Метафоры принадлежат только языку и не связаны с мышлением или деятельностью человека. Нет существует таких феноменов, как мышление, основанное на метафорах, и деятельность, определяемая метафорами.
2. Метафора вида «*A* — это *B*» представляет собой языковое выражение, значение которого равно, соответственно, языковому выражению «*A* похоже на *B* в отношении *X*, *Y*, *Z*...», где компонент «в отношении *X*, *Y*, *Z*» характеризует то, что было названо «отдельными сходными чертами».
3. Тем самым метафора может описывать только то сходство, которое уже существует. Она не может создавать сходство.

Хотя мы уже приводили доказательства против большинства положений теории сравнения, мы согласны с тем, что можно считать ее главной идеей: метафоры могут основываться на отдельных чертах сходства. Наша теория отличается от теории сравнения следующим:

1. Метафора в первую очередь связана с мышлением и деятельностью; ее связь с языком вторична.
- 2а. Метафоры могут основываться на сходстве, хотя во многих случаях это сходство само коренится в области конвенциональных метафор, не имеющих отношения к категории сходства. Отношения сходства, устанавливаемые конвенциональными метафорами, тем не менее *реальны в нашей культуре*, так как конвенциональные метафоры частично определяют то, что мы считаем реальным.
- 2б. Хотя метафора частично может основываться на изолированных чертах сходства, мы видели, что наиболее важное сходство создается метафорой, и это было описано выше.
3. Главная функция метафоры заключается в том, чтобы обеспечивать частичное понимание одного вида опыта на основе другого вида опыта. Это предполагает наличие уже существующих изолированных характеристик сходства, создание новых черт сходства и т. д.

Следует иметь в виду, что теория сравнения во многом связана с объективистской философией, в которой сходство объективно, т. е. черты сходства ингерентны самим сущностям. С нашей же точки зрения, все ровно наоборот: для метафоры релевантны только те черты сходства, которые *воспринимаются как таковые людьми*. Различие между *объективным сходством* и *эмпирическим сходством* крайне важно и в деталях обсуждается в главе 27. В кратком изложении объективистский взгляд сво-

дится к тому, что у объектов есть свойства, которые существуют независимо от того, кто их воспринимает; объекты *объективно похожи*, если у них есть одинаковые свойства. Для сторонника объективизма бессмысленно говорить о метафорах, как о «создающих сходство», так как это будет означать, что метафоры способны изменять внешний мир, привнося в него объективно существующие черты сходства, которых раньше не было.

Мы согласны со сторонниками объективизма в одном важном пункте: что объекты реального мира действительно играют роль в структурировании нашей концептуальной системы. Но это происходит *только на основе нашего взаимодействия с ними*. Опыт человека, во-первых, отличается от культуры к культуре и, во-вторых, зависит от понимания одного вида опыта в терминах другого, т. е. наш опыт по сути своей может быть метафоричным. Такой опыт определяет категории понятийной системы человека. Мы настаиваем на том, что и свойства, и сходство существуют и могут опознаваться в опыте только относительно некоторой понятийной системы. Таким образом, только один вид характеристик сходства релевантен для метафор, и это *эмпирическое*, а не *объективное* сходство.

Наш исходный тезис сводится к тому, что основание концептуальных метафор лежит в *корреляциях* между сущностями в нашем опыте. Эти корреляции опытного происхождения могут быть двух типов: *эмпирическая совместная встречаемость* (experiential cooccurrence) и *эмпирическое сходство* (experiential similarity). Примером эмпирической совместной встречаемости может быть метафора БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ. Метафора БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ основана на совместной встречаемости двух типов опыта: добавления некоторого количества вещества к уже имеющемуся количеству и наблюдения за повышением уровня этого вещества во вместилище. Примером эмпирического сходства может быть метафора ЖИЗНЬ — ЭТО АЗАРТНАЯ ИГРА, когда поступки в жизни рассматриваются как азартная игра, а возможные последствия поступков воспринимаются как выигрыш или проигрыш. Похоже, что эта метафора основана на эмпирическом сходстве. Расширяя эту метафору, мы можем обнаружить новые черты сходства между жизнью и азартной игрой.

Метафора, истина и действие

В предшествующей главе мы предположили следующее:

У метафор есть следствия, посредством которых они высвечивают определенные стороны нашего опыта и обеспечивают их связность.

Определенная метафора может быть единственным способом высвечивания и логически последовательной организации именно этих сторон нашего опыта.

Метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии. Следовательно, метафора может стать ориентиром для будущих действий. Такие действия будут, конечно, соответствовать метафоре. Это, в свою очередь, будет усиливать способность метафоры обеспечивать связность опыта. В этом смысле метафоры могут быть самоисполняющимися пророчествами.

Например, столкнувшись с энергетическим кризисом, президент Картер выдвинул понятие «морального эквивалента войны». Метафора ВОЙНЫ породила сеть следствий. На свет появились «враг», «угроза национальной безопасности», что потребовало «определения целей», «пересмотра приоритетов», «установления нового порядка подчиненности», «выдвижения новой стратегии», «сбора разведанных», «сосредоточения войск», «наложения санкций», «призывов идти на жертвы» и т. д. Метафора ВОЙНЫ высвечивала одни реалии и скрывала другие. Метафора была не просто способом видения действительности; она узаконивала решение на изменение политического курса, а также на соответствующие политические и экономические действия. Само принятие метафоры обеспечивало основания для определенных выводов: существует внешний, чуждый, враждебный противник (изображаемый карикатуристами в арабском головном уборе); энергия — это высший приоритет; от населения могут потребоваться жертвы; если мы не встретим опасность должным образом, то не выживем. Важно иметь в виду, что это не единственная метафора, уместная в рассматриваемой ситуации.

Метафора ВОЙНЫ, принадлежащая Картеру, использовалась для обоснования нашего современного представления о том, что представляет собой ЭНЕРГИЯ, и она концентрировала внимание на том, как получить энергию в достаточном количестве. С другой стороны, Амори Лоувинс (1977) заметил, что есть два коренным образом различающихся способа или ПУТИ/PATHS удовлетворения энергетических нужд. Он охарактеризовал их метафорически как ЖЕСТКИЙ/HARD и ГИБКИЙ/SOFT.

В рамках ЖЕСТКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПУТИ/HARD ENERGY PATH мы имеем дело с источниками энергии, которые рассматриваются как раз и навсегда данные, невозстановимые, нуждающиеся в военной защите и геополитическом контроле, необратимо разрушающие окружающую среду, требующие крупных капиталовложений, совершенной технологии и высококвалифицированной рабочей силы. К этим источникам относятся ископаемое топливо (газ и нефть), электростанции, работающие на ядерной энергии и газифицированном угле. Выбрав ГИБКИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПУТЬ/SOFT ENERGY PATH, мы используем такие источники энергии, которые динамичны, восстановимы, не нуждаются в военной защите и геополитическом контроле, не разрушают окружающую среду, требуют лишь незначительных капиталовложений, несложной технологии и неквалифицированного труда. Такие ресурсы включают в себя энергию солнца, ветра, рек, морских приливов и отливов, спирт, получаемый из биомассы, и другие горючие материалы, а также множество других имеющихся на сегодняшний день возможностей. Метафора Лоувинса ЖЕСТКИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПУТЬ высвечивает техническую, экономическую и социополитическую *структуру* энергетической системы, анализ которой позволяет ему сделать заключение, что «жесткий» энергетический путь — уголь, нефть и ядерная энергия — ведет к политическим конфликтам, экономическим трудностям и нанесению ущерба окружающей среде. Но Джимми Картер куда более влиятелен, чем Амори Лоувинс. Как заметила (в беседе) Шарлота Линд, сильные мира сего с равным успехом навязывают свои метафоры и в национальной политике, и в повседневном общении.

Новые метафоры, как и конвенциональные метафоры, могут обладать способностью определять действительность. Они осуществляют это посредством связанной сети следствий, высвечивающих одни свойства реальности и скрывающих другие. Принятие метафоры, заставляющей нас фиксировать внимание *только* на тех сторонах опыта, которые она высвечивает, приводит нас к суждению об *истинности* ее следствий. Такие «истины», конечно, могут быть истинными только относительно той реальности, которая определяется этой метафорой. Предположим, Картер заявляет, что его администрация выиграла центральное сражение в борьбе за энергию. Истинно это заявление или ложно? Даже сама постановка этого вопроса требует принятия по крайней мере основных частей метафоры. Если вы не признаете существования внешнего врага, если вы думаете, что нет никакой внешней угрозы, если вы не видите никакого поля боя, никаких мишеней, никаких четко определенных противоборствующих сил, тогда не может возникнуть вопрос об объективной истинности или ложности. Но если вы видите реальность так, как она определяется метафорой, т.е. если вы действительно воспринимаете энергетический кризис как войну, тогда вы сможете ответить на вопрос положительно или отрицательно в зависимости от того, соот-

ветствуют ли следствия из метафоры реальному положению дел. Если Картер посредством политических и экономических санкций, реализованных в соответствии с выбранной стратегией, принудил страны ОПЕК снизить цены на нефть наполовину, тогда вы могли бы сказать, что он действительно выиграл центральное сражение. С другой стороны, если его стратегия привела только к временному замораживанию цены, то вы не были бы так уверены и могли бы отнестись к этому скептически.

Хотя вопросы истинности для новых метафор и возникают, наиболее важными проблемами остаются те, которые касаются уместности действий. В большинстве случаев проблему представляет не истинность или ложность метафоры, а вытекающие из нее способы восприятия и следствия, а также санкционируемые ею действия. Во всех сферах жизни (не только в политике или любви) мы определяем реальность на языке метафор, а затем начинаем действовать в соответствии с ними. Мы выводим следствия, определяем цели, принимаем обязательства, реализуем планы — и все это на основе частичного структурирования опыта, осознанно или неосознанно осуществляемого нами с помощью метафор.

Истина

Что нам до теории истины?

Как мы убедились, метафоры по своей природе понятийны. Они принадлежат к числу важнейших средств понимания и играют центральную роль в конструировании социальной и политической реальности. До сих пор в философии они рассматриваются как принадлежность «просто языка», и философские дискуссии по метафоре не сосредотачивались на их понятийной природе, на их вкладе в понимание и на их функциях в культурной реальности. Вместо этого философы склонны были рассматривать метафоры как образные или поэтические языковые выражения, выходящие за рамки обычного; и их дискуссии концентрировались на том, могут ли быть эти языковые выражения *истинными*. Отношение философов к истине следует из отношения к объективности: *истина* значит для них *объективную, абсолютную* истину. Типичное заключение философа сводится к тому, что метафоры не могут непосредственно служить установлению истины, и если они вообще к этому способны, то только косвенно, через некоторые неметафорические «буквальные» парафразы.

Мы не думаем, что существует такая сущность, как *объективная* (абсолютная и безусловная) *истина*, хотя в западной культуре издавна принято считать, что она существует. Мы действительно думаем, что *истины* существуют, но считаем, что нет нужды связывать идею истины с объективистской точкой зрения. Мы думаем, что идея о существовании абсолютной объективной истины не только ошибочна, но и опасна в социальном и политическом плане. Как мы обнаружили, истина всегда связана с понятийной системой, в значительной степени определяемой метафорой. Большинство метафор прошли долгий путь развития в нашей культуре, но многие навязываются нам сильными мира сего — политическими и религиозными лидерами, финансовыми воротилами, рекламой, средствами массовой информации и т. д. В культуре, которой присущ миф объективизма и в которой истина всегда абсолютна, определение того, что считать абсолютно или относительно истинным, зависит от людей, навязывающих свои метафоры культуре.

Именно по этой причине нам кажется важным дать представление об истине, свободное от мифа объективизма (согласно которому истина всегда является абсолютной). Поскольку истина основывается на понимании, а метафора является важнейшим средством понимания,

мы думаем, что определение условий истинности метафор обнаружит зависимость истины от понимания.

Как важна истина в нашей повседневной жизни

Мы оеновываемся в своих действиях, как физических, так и социальных, на том, что мы считаем истинным. В целом истина значима для нас потому, что она способствует выживанию и позволяет нам выполнять свои функции в мире. Большинство накопленных нами истин — о наших телах, о людях, с которыми мы взаимодействуем, и о нашем ближайшем физическом и социальном окружении — используется в повседневной деятельности. Эти истины столь очевидны, что требуется сознательное усилие, чтобы дать себе в них отчет: где, например, находится передняя дверь дома, что вы можете есть и чего вам есть не следует, где находится ближайшая бензоколонка, в каких магазинах продаются необходимые вам вещи, как выглядят ваши друзья и что их может обидеть, какие у вас есть обязанности. Этот очень маленький пример дает представление о природе и размерах обширного набора истин, играющих роль в нашей повседневной жизни.

Роль проецирования в истине

Овладение такими истинами и использование их требует от нас понимания мира, соответствующего нашим нуждам и способствующего их удовлетворению. Как мы увидели, это понимание отчасти представляется в терминах категорий, возникших из нашего непосредственного опыта: ориентационных категорий, таких понятий, как ОБЪЕКТ, ВЕЩЕСТВО, ЦЕЛЬ, ПРИЧИНА и др. Кроме того, мы убедились, что в тех случаях, когда категории, возникшие из непосредственного физического опыта, прямо использовать не удастся, они иногда проецируются на те сущности материального мира, которые в меньшей степени доступны категориям нашего опыта. Так, в определенном контексте мы проецируем ориентацию «передняя vs. задняя сторона» на объекты, не обладающие внутренне присущими им передней и задней сторонами. Если бы в нашем поле зрения находился камень средних размеров и мяч между нами и камнем, скажем, в футе от него, то с точки зрения нашего восприятия мяч был бы *перед* (in front of) камнем. Носитель языка хауса, обладая отличающимся от нашего способом проецирования, предполагал бы, что мяч находится *позади* (in back of) камня. Таким образом, ориентация «передняя vs. задняя сторона» является не естественным свойством таких объектов, как камни, а скорее способом ориентации, который мы проецируем на них, и то, как мы это делаем, меняется от культуры к культуре. В зависимости

от наших целей мы можем, например, представить себе поляну в лесу как CONTAINER/ВМЕСТИЛИЩЕ и считать, что мы находимся НА¹⁾/IN поляне или ВНЕ/OUT OF ее. Быть вместилищем — это отнюдь не естественное свойство того места в лесу, где деревья стоят не слишком густо, это свойство проецируется нами на поляну в соответствии с нашим функциональным отношением к ней. В связи с другими представлениями и намерениями мы можем рассматривать остальную часть леса за пределами поляны как особое вместилище и считать, что мы находимся В/IN лесу. Мы можем делать одновременно и то, и другое и говорить о ВЫХОДЕ ИЗ/EMERGING FROM леса НА/INTO поляну.

Точно так же ориентация «на поверхности — вне поверхности» (on—off) возникает из непосредственного опыта взаимодействия с землей, полом и другими горизонтальными поверхностями. Обычно мы находимся *на* земле, полу и т. д., если мы стоим на них выпрямившись. Кроме того, мы проецируем ориентацию «на поверхности — вне поверхности» на стены и воспринимаем муху сидящей *на* стене, если ее лапки находятся в контакте со стеной, а голова направлена в сторону от стены. То же самое приложимо к мухе на потолке: мы представляем ее находящейся, скорее, *на* потолке, чем *под* (under) потолком.

Мы также обнаружили, что воспринимаем различные вещи в обычном мире как сущности, на которые часто проецируются границы и поверхности, при том, что отчетливых естественных границ и поверхностей у них нет. Следовательно, мы можем представить себе пелену тумана как сущность, которая может быть *над* заливом (тоже рассматриваемым как сущность) и *перед* (in front of) горой (понимаемой как сущность с ориентацией «передняя vs. задняя сторона»). Благодаря этим проекциям такое предложение, как The fog is in front of the mountain 'Туман лежит перед горой', может быть *истинным*. Как это часто случается в нашей повседневной жизни, истина связана с пониманием и истинность такого предложения зависит от того, как мы понимаем мир, проецируя на него структуру ориентации и бытия.

Роль категоризации в истине

Для того чтобы понимать мир и действовать в нем, нам необходимо осмысленным образом категоризировать вещи и жизненные ситуации, с которыми мы сталкиваемся. Некоторые из категорий возникают непосредственно из опыта, извлекаемого из функционирования наших тел, из сущности взаимодействия с другими людьми и из физического и социального окружения. Как мы убедились в главе 19 при обсуждении

¹⁾ Букв. 'в', что в данном случае соответствует английским предлогам in и into; см. также ниже. — *Прим. перев.*

примера FAKE GUN 'НЕНАСТОЯЩЕЕ РУЖЬЕ', существуют естественные измерения (dimensions) категоризации объектов: *перцептивное* измерение, в основе которого лежит представление об объекте, сформированное при помощи сенсорного аппарата; измерение, связанное с *двигательной активностью*, определяемое природой двигательных взаимодействий с объектами; *функциональное* измерение, основанное на представлении о функциях объекта; и *целевое*, определяемое пользой, которую можно получить от объекта в данной ситуации. Категории для разновидностей объектов тем самым являются гештальтами, имеющими по крайней мере эти естественные измерения, каждое из которых задает свои интерактивные характеристики. Аналогично существуют естественные измерения, в терминах которых мы категоризируем события, действия и другие элементы опыта как структурированные единства. Как мы видели при обсуждении концептов БЕСЕДЫ и СПОРА, естественные измерения включают *участников, части, этапы, линейную последовательность, цель и причинную связь*.

Категоризация является естественным способом отождествления вида объекта или опыта при помощи высвечивания одних свойств, преуменьшения других и сокрытия третьих. Каждое измерение дает возможность высвечивать те или иные свойства. Для того чтобы высветить некоторые свойства, необходимо преуменьшить или скрыть другие; именно это происходит всякий раз, когда мы категоризируем что-либо. Концентрируя внимание на одних свойствах, мы отвлекаемся от других. Например, когда мы в повседневной жизни формулируем описания, то используем категоризацию для выделения тех свойств, которые соответствуют нашим целям. Каждое описание одновременно высвечивает, преуменьшает и скрывает — например:

I've invited a sexy blonde to our dinner party.

Я пригласил на обед соблазнительную блондинку.

I've invited a renowned cellist to our dinner party.

Я пригласил на обед прославленную виолончелистку.

I've invited a feminist to our dinner party.

Я пригласил на обед феминистку.

I've invited a philatelist to our dinner party.

Я пригласил на обед филателистку.

Хотя всем этим описаниям может соответствовать одно лицо, каждое описание высвечивает различные его стороны. Описание некоторого лица, обладающего всеми этими свойствами, как «соблазнительной блондинки» приводит к умалению того факта, что она прославленная виолончелистка и феминистка, а также к замалчиванию ее увлечения филателией.

Вообще, истинные утверждения, которые мы делаем, основываются на способе категоризации вещей и, следовательно, на том, что высвечивается естественными измерениями категорий. Утверждая, мы осуществляем выбор категорий, потому что у нас имеются основания для выделения

одних свойств и скрадывания других. Следовательно, за пределами значения каждого истинного утверждения остается то, что скрадывается или замалчивается использованными в нем категориями.

Более того, поскольку естественные измерения категорий (перцептивное, функциональное и т. д.) возникают из нашего взаимодействия с миром, свойства, передаваемые этими измерениями, являются не свойствами объектов *как таковых*, а интерактивными свойствами, основывающимися на присущем человеку перцептивному аппарате, на человеческих представлениях о функциях и т. д. Из этого следует, что истинные утверждения, осуществляемые в терминах человеческих категорий, как правило, предиктируют *не свойства объектов как таковых*, а скорее *интерактивные свойства*, имеющие смысл только относительно человеческой деятельности.

Делая истинное утверждение, мы должны выбрать категории описания, и этот выбор включает в себя наши ощущения и цели в данной ситуации. Предположим, вы говорите мне: «У нас сегодня вечером будет семинар, и мне нужно еще четыре стула. Вы можете их принести?» Я отвечаю: «Несомненно» — и появляюсь с жестким стулом, с креслом-качалкой, с креслом-скорлупкой и пуфом. Оставив их в гостиной, я сообщаю вам на кухне: «Я принес четыре стула, о которых вы просили». В этой ситуации мое утверждение истинно, поскольку четыре объекта, которые я принес, могут функционально использоваться как стулья на неофициальном семинаре. Если бы вы вместо этого попросили меня принести четыре стула для официального обеда, а я появился бы с теми же объектами и сделал аналогичное утверждение, вы не были бы столь благодарны и посчитали бы это утверждение вводящим в заблуждение или ложным, поскольку пуф, жесткий стул и кресло-качалка неприличны в качестве «стульев» на официальном обеде.

Это показывает, что наши категории (например, СТУЛ) не связаны жестко с естественными свойствами самих объектов. То, что считается примером некоторой категории, зависит от наших целей при ее использовании. Такая же точка зрения высказывалась нами выше в дискуссии об *Определении*, где было показано, что определение категорий осуществляется в терминах прототипов и сущностей, находящихся в отношении семейного сходства с ними, и зависит от целей человеческого понимания. Такие категории не фиксированы, но могут быть сужены, расширены или упорядочены в соответствии с нашими целями и другими факторами контекста. Поскольку истинность утверждения зависит от того, подходящими ли являются используемые в нем категории, она всегда будет связана со способом понимания категории, ориентированным на наши цели в данном контексте.

Есть много прекрасных примеров, показывающих, что в общем случае предложения не могут быть истинными или ложными вне зависимости от целей человека:

Франция шестиугольна.

Штат Миссури — параллелограмм.

Земля — шар.

Италия имеет форму сапога.

Атом — крошечная солнечная система с ядром в центре и электронами, вращающимися вокруг него.

Свет состоит из частиц.

Свет состоит из волн.

Каждое из этих предложений истинно в рамках определенных целей, в определенных отношениях и определенных контекстах. Предложения «Франция шестиугольна» и «Штат Миссури — параллелограмм» могут быть истинны для школьника, которому надо начертить приблизительные карты этих географических районов, но не для профессиональных картографов. Высказывание «Земля — шар» истинно до тех пор, пока это касается большинства из нас, но оно не может быть таковым при определении точной орбиты искусственного спутника. Ни один уважающий себя физик с 1914 года не считает, что атом представляет собой крошечную солнечную систему, но это истинно для большинства из нас относительно нашей повседневной деятельности и общего уровня искушенности в математике и физике. Предложения «Свет состоит из частиц» и «Свет состоит из волн» кажутся противоречащими друг другу, однако они оба считаются физиками истинными в зависимости от того, какие свойства света выявляются экспериментально.

Все это показывает, что истина зависит от категоризации в следующих четырех аспектах:

- Утверждение может быть истинным только относительно некоторого его понимания.
- Понимание всегда предполагает категоризацию, присущую человеку, которая является функцией интерактивных (а не естественных) свойств вещей и возникающих из нашего опыта измерений.
- Истинность утверждения всегда связана со свойствами, которые высвечиваются использованными в нем категориями. (Например, предложение «Свет состоит из волн» высвечивает волнообразные свойства света и скрывает его корпускулярные свойства.)
- Категории не относятся к числу застывших и однородных образований. Они определяются прототипами и сущностями, находящимися в отношении семейного сходства с ними, и в соответствии с разнообразными целями могут быть приспособлены к контексту. Истинность утверждения всегда зависит от того, уместна ли в данном случае использованная в нем категория, а степень уместности, в свою очередь, меняется с изменением целей человека и других аспектов контекста.

Что нужно для понимания простого предложения как истинного?

Для того чтобы понять предложение как истинное, мы должны сначала его просто понять. Рассмотрим часть того, что входит в понимание таких простых предложений, как *The fog is in front of the mountain* 'Туман лежит перед горой' и *John fired the gun at Harry* 'Джон выстрелил по Гарри из ружья'. Такие предложения всегда произносятся как часть дискурсов определенного вида, и их понимание в дискурсивном контексте скрывает нетривиальные сложности, которыми мы здесь пренебрежем. Но даже если не учитывать некоторых осложнений, вызываемых контекстом дискурса, процесс понимания таких предложений в любом случае включает еще довольно много сложностей. Рассмотрим, какова должна быть ситуация при понимании как истинного предложения «Туман лежит перед горой». Как мы видели выше, использование проецирования требует интерпретации «тумана» и «горы» как сущностей и приводит к перенесению на гору ориентации «передняя vs. задняя сторона» — ориентации, которая меняется от культуры к культуре, дается относительно наблюдателя-человека и не является внутренне присущим свойством горы. Далее, в зависимости от наших целей мы должны установить, находится ли то, что рассматривается как «туман», в аккурат между нами и тем, что мы выбрали как «гору», и при этом ближе к горе, а не сбоку от нее, не над ней и т. д. Существуют три способа проецирования на мир плюс некоторые прагматические основания (связанные с нашим восприятием и целями), определяющие большую или меньшую уместность отношения *быть впереди* (in front of) по сравнению с другими возможными отношениями. Таким образом, понимание истинности или ложности высказывания «Туман лежит перед горой» не сводится просто к (а) выбору прежде существовавших и четко выделяемых сущностей мира (тумана и горы) и (б) выявлению наличия или отсутствия между этими сущностями некоторого внутренне присущего им отношения (независимо от любого наблюдателя-человека). Истинностная оценка, скорее, имеет непосредственное отношение к проецированию и суждению, осуществляемых человеком относительно определенных целей.

Анализ предложения «Джон выстрелил по Гарри из ружья» поднимает другие проблемы. Очевидно, что его понимание связано с выбором людей по имени Джон и Гарри, с выбором объекта, соответствующего категории РУЖЬЕ, с пониманием того, что значит выстрелить из ружья и выстрелить из него по кому-либо. Однако понимание этих предложений не происходит in vacuo. Мы понимаем их в соответствии с более общими категориями опыта, например, стрельбой в кого-либо²⁾, запугиванием

²⁾ В переводе глагольные конструкции *стрелять (по кому-л./чему-л.)* и *стрелять (в кого-л./во что-л.)* и их дериваты передают значение выражений с английскими лексемами

кого-либо, исполнением циркового номера или попытками представить любой из этих актов в пьесе, фильме или шутке. Выстрел из ружья может быть воплощением любой из этих категорий, и выбор подходящей будет зависеть от контекста. Однако имеется лишь небольшой набор категорий опыта, которым соответствует выстрел из ружья; наиболее типичная из этих категорий — SHOOTING SOMEONE/СТРЕЛЬБА В КОГО-ЛИБО, поскольку испугать и исполнить цирковой номер можно многими различными способами, но застрелить — в обычном случае только одним.

Таким образом, в этом примере мы можем рассматривать категорию СТРЕЛЬБЫ В КОГО-ЛИБО как гештальт с приблизительно следующими измерениями:

<i>Участники:</i>	Джон (стрелок), Гарри (мишень), ружье (инструмент), пуля (инструмент, снаряд).
<i>Части гештальта:</i>	Нацеливание ружья в мишень. Выстрел из ружья. Пуля попадает в мишень. Мишень поражена.
<i>Этапы гештальта:</i>	<i>Предварительное условие:</i> Стрелок зарядил ружье. <i>Начало:</i> Стрелок нацеливает ружье в мишень. <i>Середина:</i> Стрелок делает выстрел из ружья. <i>Конец:</i> Пуля попадает в мишень. <i>Конечное состояние:</i> Мишень поражена.
<i>Причинная связь:</i>	Начало и середина делают возможным конец. Середина и конец приводят к конечному состоянию.
<i>Замысел:</i>	<i>Цель:</i> Конечное состояние. <i>План:</i> Удовлетворение предварительного условия, выполнение начала и середины.

Предложение «Джон выстрелил по Гарри» обычно активизирует гештальт СТРЕЛЬБА В КОГО-ЛИБО, который имеет такую форму. В других контекстах оно могло бы активизировать другие столь же сложные эмпирические гештальты (например, PERFORMING A CIRCUS ACT/ИСПОЛНЕНИЕ ЦИРКОВОГО НОМЕРА). Но по существу предложение никогда не понимается само по себе без активизации более значительного гештальта,

fire и shoot соответственно. Авторы в ряде контекстов различают их употребление: fire используется в значении 'стрелять, вести огонь [из ружья]', а shoot — с результативным оттенком значения 'стрелять, застрелить [кого-либо]'. Следовательно, выражения СТРЕЛЬБА/ВЫСТРЕЛ (В КОГО-ЛИБО) требуют результативной интерпретации типа «пристреливание», «застреливание», а выражения СТРЕЛЬБА/ВЫСТРЕЛ (ПО КОМУ-ЛИБО) должны пониматься нерезультативно. — *Прим. перев.*

который ограничивает обычную область естественных измерений (например, цель, этапы и т. д.). Какой бы гештальт ни был активизирован, мы понимаем значительно больше того, что непосредственно содержится в предложении. Каждый такой гештальт обеспечивает основание для понимания предложения в осмысленных для нас терминах, т. е. в терминах опытных категорий нашей культуры.

В дополнении к более значительной категории опыта, активизируемой предложением, для категоризации ВЫСТРЕЛА/FIRING и РУЖЬЯ/GUN мы используем информационно богатые прототипы. До тех пор, пока контекст не заставит нас делать иначе, мы понимаем ружье как прототипическое ружье с его обычными прототипическими перцептивными, двигательными, функциональными и целевыми свойствами. До тех пор, пока контекст не даст дополнительной информации, активизируемое представление не ассоциируется с ружьем в виде зонтика или чемоданчика, а используемая в выстреле обычная моторная программа, подходящая одновременно и ВЫСТРЕЛУ и РУЖЬЮ, заключается в том, чтобы держать ружье горизонтально и нажимать на спусковой крючок. До тех пор, пока это не станет ясно из контекста, мы не можем представить себе нечто вроде устройства Руби Гольдберга³⁾, в котором спусковой крючок привязан веревочкой, скажем, к дверной ручке.

Понимание предложения зависит от способа соединения гештальтов друг с другом, как «меньших» гештальтов (РУЖЬЕ, ВЫСТРЕЛ, ПРИЦЕЛИВАНИЕ/AIMING и т. д.), так и «больших» (СТРЕЛЬБА В КОГО-ЛИБО или ИСПОЛНЕНИЕ ЦИРКОВОГО НОМЕРА). Только в связи с такими способами понимания и возникают вопросы об истинности. Истинность очевидна тогда, когда понимание предложения достаточно тесно соотносится с пониманием происшедших событий. Но что случится, если существует расхождение между *нормальным* пониманием предложения и пониманием событий? Пусть, например, Джон в изобретательной манере Руби Гольдберга устанавливает ружье таким образом, чтобы оно было нацелено на то место, где через некоторое время может оказаться Гарри, а затем привязывает веревочку к спусковому крючку. Рассмотрим два случая:

A: John's scratching his ear causes the gun to fire at Harry.

Ружье выстрелило по Гарри, потому что Джон неловко почесался.

B: Harry's opening door causes the gun to fire at Harry.

Ружье выстрелило по Гарри, потому что Гарри открыл дверь.

В случае *A* ответственность за выстрел ложится на действия Джона, в то время как в *B* — на действия Гарри. Это делает *A* ближе обычному пониманию предложения «Джон выстрелил по Гарри из ружья». Тем самым, если бы от нас потребовали, мы бы, наверное, были готовы

³⁾ Руби Гольдберг — американский художник-карикатурист, известный рисунками, на которых изображались хитроумные механизмы для выполнения очень простых функций. — *Прим. ред.*

сказать, что *A* — это случай, в котором высказывание «Джон выстрелил по Гарри из ружья» истинно. Однако случай *B* так далек от нашего прототипического понимания намеренного выстрела, что мы, наверное, не захотели бы объявить это высказывание истинным. Но мы едва ли захотели бы сказать и то, что оба высказывания безоговорочно ложны, поскольку за выстрел несет ответственность прежде всего Джон. Вместо этого мы предпочли бы объяснить, а не просто ответить «Истинно» или «Ложно». Это обычно случается в таких ситуациях, когда понимание событий из-за некоторых отклонений от прототипа не совпадает с обычным пониманием предложения.

Результаты этого раздела могут быть сформулированы следующим образом:

1. Понимание предложения как истинного в данной ситуации требует понимания предложения и понимания ситуации.
2. Мы понимаем предложение как истинное, когда понимание предложения достаточно тесно соотносится с пониманием ситуации.
3. Достижение такого понимания ситуации, которое соответствовало бы пониманию предложения, может потребовать:
 - а) проецирования способа ориентации на объект, для которого он не является внутренне присущим свойством (например, интерпретация горы как сущности, имеющей переднюю сторону);
 - б) проецирования структуры сущности на нечто, не имеющее границ в точном смысле (например, на туман, гору);
 - в) обеспечения основания, в терминах которого предложение получает осмысление, т. е. активизации эмпирического гештальта (например, гештальтов СТРЕЛЬБА В КОГО-ЛИБО, ИСПОЛНЕНИЕ ЦИРКОВОГО НОМЕРА) и понимания ситуации в его терминах;
 - г) достижения «нормального» понимания предложения в терминах его категорий (например, РУЖЬЕ, ВЫСТРЕЛ), определяемых прототипом, и попытки понять ситуацию в терминах тех же категорий.

Что нужно для понимания конвенциональной метафоры как истинной?

Мы выяснили, что входит в понимание простого (неметафорического) предложения как истинного. Теперь мы хотим выдвинуть предположение, согласно которому добавление конвенциональной метафоры ничего не меняет. По существу, предложения с конвенциональными метафорами понимаются так же. Возьмем предложение типа *Inflation has gone up* 'Инфляция возросла'. Понимание ситуации, в которой это предложение осмыслялось бы как истинное, включает две проекции. Мы должны выбрать примеры инфляции и приписать им вещественный смысл, что затем позволит определять количество «инфляционного» вещества и рассматривать его возрастание. Кроме того, мы должны

проецировать на возрастание UP/ВЕРХ-ориентацию. Эти два способа проецирования определяют две конвенциональных метафоры: INFLATION IS A SUBSTANCE/ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО ВЕЩЕСТВО (онтологическая метафора) и MORE IS UP/БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ (ориентационная метафора). Существует одно принципиальное различие между проекциями на ситуацию в этом примере и в примере, приведенном выше, а именно «Туман лежит перед горой». В случае *тумана* мы понимаем нечто материальное по модели чего-то другого материального, но более четко очерченного — ограниченного материального объекта. В случае *передней части* мы понимаем физическую ориентацию горы в терминах другой физической ориентации — ориентации наших тел. В обоих случаях нечто материальное понимается в терминах *чего-то еще*, что *также* материально. Другими словами, мы понимаем одну сущность в терминах чего-то еще *того же рода*. Однако в случае конвенциональной метафоры мы понимаем одну сущность в терминах чего-то еще *другого рода*. Например, в предложении «Инфляция возросла» *инфляция* (являющаяся абстрактным понятием) понимается в терминах физического вещества, а возрастание инфляции (которое тоже абстрактно) — в терминах физической ориентации (up). Таким образом, единственное различие заключается в том, включает ли проецирование сущности *одного и того же* рода или сущности *различных* родов.

В процессе понимания предложения «Инфляция возросла» как истинного мы выполняем следующее:

1. Мы понимаем *ситуацию* с помощью метафорического проецирования двумя способами:
 - а) мы рассматриваем инфляцию как ВЕЩЕСТВО (посредством онтологической метафоры);
 - б) мы рассматриваем БОЛЬШЕ как направленное НАВЕРХ (посредством ориентационной метафоры).
2. Мы понимаем предложение в терминах этих же двух метафор.
3. Это позволяет нам совместить понимание предложения с пониманием ситуации.

Таким образом, понимание истины в терминах метафорического проецирования не отличается существенно от понимания ее в терминах неметафорического проецирования. Единственное различие состоит в том, что метафорическое проецирование сопряжено с пониманием сущности одного рода в терминах сущности другого рода. То есть метафорическое проецирование включает сущности двух различных родов, а неметафорическое — сущности только одного рода.

То же имеет место и в случае структурных метафор. Возьмем предложение типа John defended his position in the argument 'Джон отстоял свою позицию в споре'. Как мы видели выше, опыт спора частично структурирован в терминах гештальта ВОЙНА на основе метафоры СПОР —

ЭТО ВОЙНА. Поскольку спор является метафорическим видом опыта, структурированным конвенциональной метафорой СПОР — ЭТО ВОЙНА, из этого следует, что ситуация спора может быть понята в этих же метафорических терминах. Понимание ситуации спора будет включать одновременно ее интерпретацию и в терминах гештальта БЕСЕДА, и в терминах гештальта ВОЙНА. Если понимание ситуации таково, что какой-то фрагмент беседы сочетается с успешной защитой в гештальте ВОЙНА, тогда понимание предложения будет соответствовать пониманию ситуации, и мы посчитаем предложение истинным.

В обоих случаях — метафорическом и неметафорическом — наше мнение о том, как мы понимаем истину, зависит от взгляда на понимание ситуации. Если мы принимаем точку зрения, согласно которой метафора по своей природе скорее понятийна, нежели является принадлежностью «всего лишь языка», та концептуализация ситуаций в метафорических терминах вполне естественна. Так как мы можем концептуализировать в метафорических терминах *ситуации*, становится возможным рассматривать и *предложения*, содержащие метафоры, с точки зрения их соответствия ситуациям, понимаемым в том смысле, в котором мы их концептуализируем.

Как мы понимаем новые метафоры как истинные?

Мы только что установили, что определение соответствия конвенциональных метафор нашему представлению об истине происходит таким же способом, как и в случае неметафорических предложений. В обоих случаях понимание предложения как истинного в данной ситуации включает согласование понимания предложения с пониманием ситуации. Так как понимание ситуации может включать конвенциональные метафоры, предложения с ними не порождают никаких особых проблем для нашего представления об истине. Это наводит на мысль, что то же представление об истине должно работать и в примерах с новыми, неконвенциональными метафорами.

Для того, чтобы убедиться в этом, рассмотрим две связанных по смыслу метафоры, одну — конвенциональную, а другую — неконвенциональную:

Tell me the story of your life (конвенциональная метафора).

Расскажите мне историю вашей жизни.

Life's... a tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing.

Жизнь... — это сказка, рассказанная идиотом, полная шума и ярости, не значащая ничего (неконвенциональная метафора).

Начнем с примера «Расскажите мне историю вашей жизни», содержащего конвенциональную метафору LIFE IS A STORY/ЖИЗНЬ — ЭТО НЕКАЯ

ИСТОРИЯ. Эта метафора пустила глубокие корни в нашей культуре. Предполагается, что жизнь каждого структурируется как повествование, и вся биографическая и автобиографическая традиция основывается на этом предположении. Допустим, кто-нибудь попросит вас рассказать историю вашей жизни. Что вы делаете? Вы строите связанное повествование, начинающееся на заре вашей жизни и простирающееся до настоящего. В обычном случае повествование будет иметь следующие характерные черты:

<i>Участники:</i>	Вы и другие люди, «сыгравшие роль» в вашей жизни.
<i>Части гештальта:</i>	Исходные установки, значимые факты, эпизоды и значимые состояния (включая настоящее состояние и некоторое исходное состояние).
<i>Этапы гештальта:</i>	<p><i>Предварительное условие:</i> Исходные установки для начала.</p> <p><i>Начало:</i> Исходное состояние, сопровождаемое эпизодами из того же временного контекста.</p> <p><i>Середина:</i> Различные эпизоды и значимые состояния в их временной последовательности.</p> <p><i>Конец:</i> Настоящее состояние.</p>
<i>Линейная последовательность:</i>	Различные временные и/или причинные связи между последовательными эпизодами и состояниями.
<i>Причинная связь:</i>	Различные причинные отношения между эпизодами и состояниями.
<i>Замысел:</i>	<p><i>Цель:</i> Желаемое состояние (которое может быть в будущем).</p> <p><i>План:</i> Последовательность эпизодов, к созданию которой вы приступили и которая имеет причинную связь с целью</p> <p>или: Событие или последовательность событий, которые приводят вас в значимое состояние, позволяющее достигнуть цели через ряд естественных этапов.</p>

Это значительно упрощенный вариант типичного эмпирического гештальта, позволяющего придать связность жизненным событиям, представив их как некую ИСТОРИЮ. Мы опустили различные сложности, например то, что каждый эпизод может сам по себе быть повествованием более низкого уровня с похожей структурой. Не всякая история жизни будет содержать полный набор указанных структурных измерений.

Заметьте, что понимание вашей жизни в терминах связанного повествования включает высвечивание одних *участников* и *частей* гештальта

и игнорирование или утаивание других. Оно предполагает рассмотрение вашей жизни в терминах *этапов*, *причинных связей* между частями гештальта, а *планы* подразумевают достижение *цели* или ряда целей. Вообще история жизни наводит связную структуру на высвеченные элементы вашей жизни.

Если вы расскажете такую историю и затем скажете: *That is the story of my life* 'Вот история моей жизни', вы будете законно считать себя говорящим истину, если вы на самом деле рассматриваете участников и события, которые высвечиваются гештальтом, как значимые и действительно воспринимаете их соответствующими друг другу и взаимосвязанными таким образом, как это определяется структурой повествования. В этом случае проблема истины заключается в том, согласуется ли связность событий, обусловленная повествованием, со связностью, которую вы видите в своей жизни. И эта связность, обнаруживаемая вами в вашей жизни, придает ей смысл и значение.

Теперь спросим, что включается в понимание истинности неконвенциональной метафоры «Жизнь... — это сказка, рассказанная идиотом, полная шума и ярости, не значащая ничего». Эта неконвенциональная метафора активизирует конвенциональную метафору ЖИЗНЬ — ЭТО НЕКАЯ ИСТОРИЯ. Наиболее характерная особенность историй, рассказываемых идиотами, заключается в их бессвязности. Они начинаются так же, как и обычные истории с этапами, причинными связями, далеко идущими целями, но внезапно рассказ начинает снова и снова перескакивать с одного на другое, лишая нас возможности установить связь событий и вообще обнаружить какую-либо связность. Такая история жизни не была бы для нас связной, и, следовательно, не было бы никакой возможности придать нашей жизни смысл и значение. Не было бы способа выделения в нашей жизни событий значимых, т. е. способствующих достижению цели, связанных причинными отношениями с другими значимыми событиями, соответствующих определенным этапам и т. д. В жизни, рассматриваемой как сказка идиота, эпизоды, «полные шума и ярости», представляли бы периоды безумия, мучительной борьбы и, возможно, насилия. В обычной истории жизни такие события рассматривались бы как очень серьезные — травмирующие, очистительные, губительные или критические. Однако модификатор «не значащая ничего» сводит на нет любую возможную значимость событий, указывая вместо этого на невозможность интерпретации эпизодов в терминах причинных связей, целей или поддающихся распознаванию этапов в составе некоторого связного целого.

Если мы действительно так представляем себе нашу жизнь и жизнь других людей, то мы должны считать эту метафору истинной. А считать ее истинной многим из нас позволяет то, что мы обычно осознаем события нашей жизни в терминах метафоры ЖИЗНЬ — ЭТО НЕКАЯ ИСТОРИЯ. Мы постоянно ищем смысл в нашей жизни, отыскивая связи, которые будут соответствовать тому или иному виду связности повествования о жизни.

И мы постоянно рассказываем такие истории и живем в соответствии со словами, которыми при этом пользуемся. Когда жизненные обстоятельства меняются, мы обязательно пересматриваем историю нашей жизни, отыскивая в событиях новые закономерности.

Метафора ЖИЗНЬ... — ЭТО СКАЗКА, РАССКАЗАННАЯ ИДИОТОМ может хорошо подойти тем людям, жизненные обстоятельства которых меняются так радикально, быстро и неожиданно, что нельзя даже представить себе никакого связного рассказа о жизни.

Хотя мы установили, что такие новые, неконвенциональные метафоры соответствуют нашему общему представлению об истине, следует вновь подчеркнуть, что проблемы истины находятся среди наименее существенных и интересных проблем, возникающих при исследовании метафоры. Реальная значимость метафоры ЖИЗНЬ... — ЭТО СКАЗКА, РАССКАЗАННАЯ ИДИОТОМ состоит в том, что, пытаясь осознать, каким образом она могла бы быть истинной, мы приходим к возможности нового понимания нашей жизни. Эта метафора высвечивает тот факт, что мы постоянно живем, ожидая от себя и от других способности соотнести наши жизни с некоторым связным повествованием, но это представление часто не соответствует реальности в тех случаях, когда наиболее важные события нашей жизни — те, которые полны шума и ярости, — не соответствуют никакому связному целому и, следовательно, ничего не значат. Функцией метафоры ЖИЗНЬ... — ЭТО СКАЗКА, РАССКАЗАННАЯ ИДИОТОМ является активизация метафоры ЖИЗНЬ — ЭТО НЕКАЯ ИСТОРИЯ, которая предполагает повседневную деятельность с постоянной установкой на соединение важных эпизодов в связное целое — разумное повествование о жизни. Воздействие метафоры заключается в активизации этой установки и в указании на то, что часто она может не выполняться.

Понимание ситуации: резюме

В этой главе нами разрабатывались элементы эмпирического представления об истине. Наше представление об истине основывается на понимании. Центральным для этой теории является анализ процесса понимания ситуации. Вот резюме того, что было сказано по этому вопросу:

Прямое непосредственное понимание

Существует много таких вещей, которые мы понимаем сразу благодаря нашей прямой вовлеченности в материальное — неотъемлемую часть нашего непосредственного окружения.

Структура сущности: Мы понимаем самих себя как сущности, имеющие границы, и так же воспринимаются нами некоторые объекты, с которыми мы вступаем в прямой контакт.

Структура ориентации: В нашем представлении мы сами и другие объекты обладают определенной ориентацией относительно окружения, в котором мы функционируем (верх—низ, в—вне, передняя часть — задняя часть, на—от и т. д.).

Измерения опыта: Существуют измерения опыта, в терминах которых мы функционируем большую часть времени, осуществляя прямое взаимодействие с другими людьми и непосредственным материальным и культурным окружением. Мы категоризируем сущности, с которыми прямо сталкиваемся, и непосредственный опыт, приобретенный нами, структурируется в терминах этих категорий.

Эмпирические гештальты: Наши объектные и субстанциональные категории являются гештальтами, обладающими, по крайней мере, следующими измерениями: *перцептивным*, измерением *двигательной активности*, измерением *часть/целое*, *функциональным* и *целевым* измерениями. Наши категории непосредственных действий, деятельности, событий и опыта представляют собой гештальты, имеющие, по крайней мере, следующие измерения: *участники*, *части*, *двигательная активность*, *перцепция*, *этапы*, *линейная последовательность (частей)*, *причинные связи*, замысел (*цели/планы* для действий и *конечные состояния* для событий). Они определяют естественные измерения нашего непосредственного опыта. Не все из них будут играть роль в каждом виде непосредственного опыта, но в общем случае большинство так или иначе участвовать будет.

Фон: Эмпирический гештальт обычно служит фоном для понимания того, что воспринимается нами как некоторый аспект гештальта. Следовательно, лицо или объект может быть понято как *участник* гештальта, а действие — как *часть* гештальта. Один гештальт может предполагать наличие другого, а тот, в свою очередь, может предполагать наличие третьего и т. д. В результате обычно возникает исключительно богатая фоновая структура, необходимая для полного понимания любой данной ситуации. Большая часть этой фоновой структуры никогда не осознается, поскольку ее наличие предполагается в подавляющем большинстве наших повседневных действий и событий.

Высвечивание: Понимание ситуации как пример использования эмпирического гештальта включает набор элементов ситуации по критерию соответствия измерениям гештальта — например, выбор компонентов опыта, являющихся участниками, частями, этапами и т. д. гештальта. Тем самым процесс понимания высвечивает те компоненты ситуации, которые соответствуют гештальту, и скрывает или преуменьшает значимость тех, которые ему не соответствуют.

Интерактивные свойства: Свойства объектов и событий, которые мы непосредственно узнаем из опыта, являются продуктом взаимодействия с ними в характерном для нас окружении. То есть они могут быть не *внутренне присущими* свойствами объектов, а скорее *интерактивными* свойствами.

Прототипы: Каждая категория структурируется в терминах прототипа, и некоторая сущность может считаться представителем категории благодаря тем отношениям, которыми она связана с прототипом.

Косвенное понимание

Только что было описано, как мы понимаем компоненты ситуации, которые с точки зрения нашего непосредственного опыта имеют довольно четкие границы. Но на протяжении всего исследования мы видели, что многие компоненты нашего опыта не могут быть четко очерчены в терминах его естественно возникших категорий. Это, как правило, присуще человеческим эмоциям, абстрактным понятиям, мыслительной деятельности, времени, работе, человеческим установлениям, социальной практике и т. д. и даже материальным объектам, не имеющим внутренне присущих им границ или способов ориентации. Хотя большинство из этих компонентов допускает непосредственное *восприятие*, ни один из них не может быть понят сам по себе. Мы должны понимать их в терминах других сущностей и событий, относящихся обычно к другим *родам*.

Как мы видели, такое понимание ситуации, согласно которому туман находится перед горой, требует от нас интерпретации тумана и горы как сущностей. Оно принуждает нас также проецировать на гору ориентацию «передняя vs. задняя сторона». Эти проекции встроены в само наше восприятие. Мы воспринимаем туман и гору как сущности и наделяем гору передней стороной, перед которой находится туман. Ориентация «передняя vs. задняя сторона», устанавливаемая нами для горы, является, очевидно, интерактивным свойством, что верно и в отношении статуса тумана, и горы как сущностей. Здесь мы встречаемся с примером косвенного понимания, при котором одни материальные феномены понимаются в терминах других, имеющих более четкие очертания.

В процессе косвенного понимания мы используем ресурсы непосредственного понимания. В примере с туманом и горой используется структура сущности и структура ориентации. В этом случае мы остаемся в единой области — области материальных объектов. Но косвенное понимание по большей части предполагает понимание сущности или опыта одного рода в терминах аналогичных категорий другого рода — т. е. понимание посредством метафоры. Как мы установили, все ресурсы, используемые в прямом, непосредственном понимании, включаются в процесс косвенного понимания посредством метафоры.

Структура сущности: Структура сущности и вещества наводится онтологической метафорой.

Структура ориентации: Структура ориентации наводится ориентационной метафорой.

Измерения опыта: Структурная метафора предполагает структурирование сущности или опыта одного рода в терминах аналогичных категорий другого рода, но в обоих случаях используются одни и те же измерения опыта (например, *части, этапы, замыслы* и т. д.).

Эмпирические гештальты. Структурная метафора предполагает наведение части структуры одного гештальта на другой.

Фон: Эмпирические гештальты играют роль фона в метафорическом понимании, такая же функция присуща им в неметафорическом понимании.

Высвечивание: Метафорическое и неметафорическое высвечивание обслуживаются одним и тем же механизмом. То есть эмпирический гештальт, привнесенный в ситуацию посредством метафоры, определяет выбор тех элементов ситуации, которые соответствуют его измерениям — он способствует выбору своих собственных участников, частей, этапов и т. д. Эти элементы ситуации и высвечиваются метафорой, а то, что не высвечивается, преуменьшается или скрывается.

Поскольку новые метафоры высвечивают те сущности, которые обычно игнорируются привычной нам понятийной структурой, эти метафоры становятся наиболее замечательными примерами высвечивания.

Интерактивные свойства: Все измерения нашего опыта по своей природе интерактивны, и все эмпирические гештальты включают интерактивные свойства.

Прототипы: Как метафорические, так и неметафорические категории структурируются в терминах прототипов.

Истина основывается на понимании

Мы убедились, что те же восемь сторон нашей понятийной системы, которые участвуют в процессе прямого непосредственного понимания ситуации, выступают в аналогичных функциях и в косвенном понимании. Эти стороны привычной нам понятийной системы используются при понимании ситуации как в метафорических, так и в неметафорических терминах. Именно потому, что мы понимаем *ситуации* в терминах нашей концептуальной системы, мы можем, используя эту концептуальную систему, понимать *утверждения* как *истинные*, т. е. как соответствующие или не соответствующие нашему представлению о ситуации. Следовательно, истина является функцией нашей понятийной системы. Это имеет место потому, что многие из наших понятий по своей природе метафоричны, и потому, что мы понимаем ситуации в терминах тех понятий, метафоры которых могут быть истинными или ложными.

Сущность эмпирического (experientalist) подхода к истине

Мы понимаем утверждение как истинное в данной ситуации тогда, когда с точки зрения наших целей понимание утверждения достаточно точно совпадает с пониманием ситуации.

Это основное положение нашей эмпирической теории истины, имеющей следующие характеристики.

Во-первых, наша теория и *корреспондентная* теория истины имеют некоторые общие элементы. Согласно наиболее простым представлениям корреспондентной теории, утверждение имеет объективное значение,

которое устанавливает его условия истинности. Истина определяется прямым соответствием (или корреспонденцией) утверждения некоторому положению вещей в мире.

Мы отвергаем такую упрощенческую картину прежде всего потому, что она игнорирует то обстоятельство, что истина в определенном отношении основывается на понимании. Эмпирический подход, который мы предлагаем, представляет собой корреспондентную теорию в следующем смысле:

Теория истины — это теория того, что значит понять утверждение как истинное или ложное в определенной ситуации.

Всякое соответствие между тем, что мы говорим, и некоторым положением вещей в мире всегда определяется нашим пониманием утверждения и этого положения вещей. Конечно, понимание ситуации является результатом взаимодействия с нею самой. Однако мы способны осуществлять истинные (или ложные) высказывания о мире потому, что оказывается возможным соответствие (или несоответствие) *нашего понимания высказывания нашему пониманию ситуации*, в которой оно производится.

Поскольку мы понимаем ситуации и высказывания в терминах нашей понятийной системы, истина для нас всегда оказывается связанной с нею. Подобным же образом, поскольку понимание всегда частично, у нас нет доступа ко «всей истине» или к какому бы то ни было точному представлению о реальности.

Во-вторых, понимание какой-либо сущности требует ее введения в структуру, согласованную в рамках понятийной системы. Следовательно, истина всегда будет частично зависеть от согласованности понятий. Это дает нам элементы *теории согласованности концептов*.

В-третьих, понимание требует также обоснования в опыте. Согласно эмпирической точке зрения, понятийная система возникает из нашей постоянной успешной деятельности в определенном материальном и культурном окружении. Наши категорий опыта и организующие их измерения не только берут начало в нашем опыте, но и постоянно проверяются непрерывной успешной деятельностью всех представителей нашей культуры. Это дает нам элементы *теории прагматики*.

В-четвертых, эмпирическая теория истины и классический реализм имеют некоторые общие элементы, однако к ним не относится упорное отстаивание последним понятия абсолютной истины. Наоборот, принимается как данное, что:

Материальный мир является тем, что он есть. Культуры являются тем, что они есть. Люди являются тем, что они есть.

Люди успешно общаются в связанном с ними материальном и культурном окружении. Они постоянно взаимодействуют с реальным миром.

Процесс категоризации, свойственный человеку, ограничивается реальностью, поскольку он характеризуется в терминах естественных измере-

ний опыта, постоянно поверяемых материальным и культурным взаимодействием.

Классический реализм сосредотачивается, скорее, на физической реальности, чем на культурной и субъективной реальности. Но социальные, политические, экономические и религиозные институты и функционирующие в них человеческие существа не менее реальны, чем деревья или камни. Поскольку наше представление об истине распространяется как на социальную и субъективную реальность, так и на физическую реальность, оно может рассматриваться как попытка расширить реалистическую тенденцию.

Эмпирическая теория отличается от классического объективного реализма в следующем важнейшем отношении: человеческие понятия соответствуют не внутренне присущим свойствам вещей, а только их интерактивным свойствам. Это естественно, поскольку понятия могут быть метафоричны по своей природе и меняться от культуры к культуре.

В-пятых, люди, понятийные системы которых сильно отличаются от нашей собственной, могут понимать мир совершенно не так, как мы. Следовательно, они могут иметь совершенно иной набор истин по сравнению с нами и обладать совершенно другими критериями истинного и реального.

Из этого описания должно быть ясно, что в нашем подходе к истине нет ничего радикально нового. Он включает некоторые центральные идеи феноменологической традиции, такие, как отказ от эпистемологического фундаментализма, подчеркивание центральной роли тела в структурировании опыта и важность этой структуры для процесса понимания. Наш взгляд на истину соответствует также ключевым элементам поздней философии Витгенштейна: представлению о категоризации как о «семейном сходстве», отрицанию рисуночной теории значения, отрицанию компонентной теории значения и упору на зависимость значения от контекста и от нашей собственной понятийной системы.

Элементы человеческого понимания в теориях «объективной истины»

Теория истины, основывающаяся на понимании, очевидно, не является теорией «совершенно объективной истины». Мы не верим в существование такой сущности, как абсолютная истина, и мы думаем, что бессмысленно пытаться построить для нее теорию. Тем не менее в западной философии традиционно допускается возможность существования абсолютной истины и предпринимаются попытки ее интерпретации. Нам хотелось бы указать на то, что большинство известных современных исследований по этой проблеме основывается на тех сторонах человеческого понимания, на исключение которых они претендуют.

Наиболее ясный случай представлен в той интерпретации истины, которая дается в модельно-теоретических исследованиях, например,

в традициях Крипке и Монтегю. Модели конструируются из универсума дискурса, рассматриваемого как множество *сущностей*. Относительно этого множества сущностей мы можем определять состояния мира, в которых устанавливаются все связи между сущностями и все имеющиеся у них свойства. Предполагается, что понятие состояния мира является достаточно общим для того, чтобы быть приложимым к любой мыслимой ситуации, включая реальный мир. В такой системе предложения типа «Туман лежит перед горой» не представляли бы никакой проблемы, поскольку имела бы сущность, соответствующая *туману*, сущность, соответствующая *горе*, и отношение «быть перед [чем-либо]», связывающее эти две сущности. Но такие модели не соотносятся с миром самим по себе, свободным от человеческого понимания, поскольку в мире нет четко определенных сущностей, соответствующих *горе* и *туману*, а у горы нет внутренне присущей ей *передней стороны*. Структура сущности и ориентация «передняя vs. задняя сторона» возникают благодаря человеческому пониманию. Любая попытка дать представление об истинности высказывания «Туман лежит перед горой» в таких модельно-теоретических терминах не будет представлением об *объективной, абсолютной* истине, поскольку это предполагает наличие в моделях строевых элементов человеческого понимания.

То же может быть сказано и о попытках распространить на теорию истинностного значения ограничений классического определения истины Тарского:

«*S*» истинно, если, и только если, *S*...

или более современные версии типа:

«*S*» истинно, если, и только если, *p* (где *p* — утверждение на некотором универсально применимом логическом языке).

Избитый прототип таких теорий, высказывание «Снег бел» истинно, если, и только если, снег бел, кажется вполне разумным, поскольку разумно было бы полагать, что существует некий смысл в том, что снег может быть объективно идентифицирован, и в том, что он обладает внутренне присущим ему свойством белизны. А как быть с таким вот случаем:

«Туман лежит перед горой» истинно, если, и только если, туман лежит перед горой.

Поскольку мир не содержит четко идентифицируемых сущностей туман и гора и поскольку горы не обладают внутренне присущими им передними сторонами, теория может работать только относительно некоторого человеческого понимания того, чем является передняя сторона для горы, и относительно некоторого способа выявления границ *тумана* и *горы*. Проблема даже еще хитрее, поскольку не всем человеческим существам присущ один и тот же способ проецирования передней стороны на горы. Для того чтобы определение истины работало, в него следует ввести некоторые элементы человеческого понимания.

Имеется и другое важное различие между нашим подходом к истине в терминах понимания и обычными попытками дать представление об истине, свободное от человеческого понимания. Различные представления об истине приводят к возникновению различных представлений о значении. С нашей точки зрения, значение зависит от понимания. Предложение не может ничего значить для вас, пока вы его не поймете. Более того, значение всегда является значением для кого-либо. Нет такой сущности, как значение предложения само по себе, вне зависимости от каких бы то ни было людей. Когда мы говорим о значении предложения, это всегда значение для кого-либо, для реального лица или гипотетического типичного представителя языкового сообщества.

Здесь наша теория радикально отличается от стандартных теорий значения. Стандартные теории предполагают, что возможно дать представление об истине самой по себе, независимо от человеческого понимания, и что теория значения будет основываться на такой теории истины. Мы не видим никакой возможности для подобной программы работы и думаем, что единственный выход заключается в том, чтобы положить в основу обеих теорий — теории значения и теории истины — теорию понимания. Метафора, как конвенциональная, так и неконвенциональная, играет центральную роль в такой исследовательской программе. Метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание, и имеют мало общего с объективной реальностью, если таковая существует. Тот факт, что наша понятийная система в своей основе метафорична, тот факт, что мы понимаем мир, думаем и действуем в метафорических терминах, что метафоры не просто понимаются, но к тому же могут обладать свойствами значимости и истинности, — все это говорит о том, что адекватный подход к значению и истине может основываться только на понимании.

Мифы объективизма и субъективизма

Варианты выбора, которые предоставляет наша культура

Мы дали представление о том, что истина основывается на понимании. Мы утверждали, что истина всегда связана с понятийной системой; что по большей части любая понятийная система человека по своей природе метафорична и что, следовательно, нет полностью объективной, безусловной или абсолютной истины. Для многих людей, воспитывавшихся в научной парадигме или других субкультурах, где признается существование абсолютной истины, такие утверждения будут рассматриваться как капитуляция перед субъективностью и произвольностью — перед разглагольствованиями Шалтая-Болтая о том, что слово «означает то, что я хочу, не больше и не меньше»¹⁾. По той же причине приверженцы романтической традиции могут считать любую победу над объективизмом триумфом воображения над наукой — триумфом подхода, согласно которому каждый индивидуум создает свою собственную реальность, свободную от каких-либо ограничений.

Любой из этих взглядов неправилен, основан на ошибочной предпосылке, заложенной в культурной традиции, что единственная альтернатива объективизму — это радикальный субъективизм, т. е. *либо* вы верите в существование абсолютной истины, *либо* вы можете творить мир по своему собственному разумению. Если вы не *объективны*, вы *субъективны*, и нет никакого третьего пути. Мы предлагаем третий путь взамен мифов объективизма и субъективизма.

Между прочим, мы не используем термин «миф» в уничижительном смысле. Мифы подсказывают, как надо понимать опыт: они упорядочивают жизнь человека. Как и метафоры, мифы необходимы для осмысления того, что происходит вокруг нас. Мифы есть во всех культурах, и люди не могут действовать без мифа, как они не могут действовать без метафор. И так же часто, как мы принимаем как истины *метафоры* нашей культуры, так же часто воспринимаются как истины *мифы* нашей культуры. Миф объективизма в этом отношении особенно коварен. Он не только претендует на то, что он не миф, но еще и превращает метафоры и мифы

¹⁾ Цит. по: Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1991. С. 176. — Прим. перев.

в объекты унижения и презрения: согласно мифу объективизма, мифы и метафоры не могут приниматься всерьез, так как они не являются объективной истиной. Как мы увидим, миф объективизма сам по себе не может рассматриваться как объективная истина. Но это не делает его объектом презрения и насмешек. Миф объективизма — это часть повседневной жизни любого представителя нашей культуры. Его необходимо изучать и понимать. Кроме того, мы думаем, что он нуждается в дополнении, но не своей противоположностью — мифом субъективизма, а новым мифом эмпиризма, который, как мы считаем, больше соответствует реалиям нашего опыта. Для внесения ясности в вопрос о том, что представляет собой эмпирическая альтернатива, необходимо сначала детально исследовать мифы объективизма и субъективизма.

Миф объективизма

Миф объективизма утверждает следующее:

1. Мир состоит из объектов. У них есть определенные свойства, независимые от восприятия людей или других существ, взаимодействующих с этими объектами. Возьмем, например, камень. Это автономный объект, и он твердый. Если бы во Вселенной не было людей или других существ, он все равно был бы автономным твердым объектом.
2. Мы получаем знания о мире, опытным путем познавая существующие в нем объекты, а также присущие им свойства, и то, как эти объекты взаимосвязаны. Например, мы узнаем, что камень — это автономный объект, посмотрев на него, восприняв его в ощущениях, обойдя его вокруг и т. д. Мы узнаем, что он твердый, прикоснувшись к нему, пытаясь его сдвинуть, ударяя по нему ногой, ударяя им по чему-нибудь более мягкому и т. п.
3. Мы понимаем объекты нашего мира на основе категорий и концептов. Эти категории и концепты соответствуют свойствам самих объектов (внутренне присущих этим объектам) и связям между ними. Таким образом, есть слово *камень*, которое соответствует концепту КАМЕНЬ. Мы можем сказать, что предмет камень входит в категорию КАМЕНЬ, а пианино, дерево или тигр — нет. У камней есть ингерентные свойства, независимые от живых существ: они тяжелые, твердые, плотные, встречаются в природе и т. п. Мы понимаем, что такое «камень», на основе этих свойств.
4. Существует объективная реальность, о которой мы можем говорить что-то, что будет объективно, абсолютно и безусловно истинным или ложным. Но, как это свойственно людям, мы можем ошибаться, т. е. испытывать иллюзии, воспринимать то, чего нет, делать ложные суждения, поддаваться эмоциям, испытывать личные и культурно обусловленные предубеждения. Мы не можем полагаться на субъек-

ективные суждения отдельных людей. Наука дает нам методологию, которая позволяет подняться над субъективными ограничениями и достичь понимания, универсально значимого и объективного. Наука может в конечном итоге дать правильное, ясное и обобщающее представление о реальности, и с помощью своей методологии она постоянно движется к этой цели.

5. Слова обладают четко определенными значениями, т. е. наш язык выражает концепты и категории, на основе которых мы мыслим. Для правильного описания реальности нам нужны слова с ясным и точным смыслом, слова, соответствующие реальности. Такими словами могут быть естественно возникшие лексемы или технические термины научной теории.
6. Люди могут быть объективными и говорить объективно, но только если они используют ясный и точный язык, простой и прямой, соответствующий реальности. Только говоря на таком языке, можно точно говорить о внешнем мире и делать утверждения, которые можно объективно отнести к истинным или ложным.
7. В объективной речи всегда можно избежать метафор и других видов поэтического, причудливого, риторического или образного языка, и это необходимо делать, так как значения метафор и других аналогичных им феноменов неясны, неточны и их нельзя соотнести с реальностью никаким разумным образом.
8. Считается, что быть объективным хорошо. Только объективное знание — настоящее знание. Только с объективной точки зрения, свободной от каких бы то ни было ограничений, мы можем действительно понять самих себя, понять других и внешний мир. Объективность позволяет нам подняться над личными предрассудками и предвзятостью, быть справедливыми и без предубеждения воспринимать действительность.
9. Объективность означает быть разумным; субъективность значит быть неразумным и уступить эмоциям.
10. Субъективность может быть опасна, так как она в ряде случаев ведет к потере связи с реальностью. Субъективность может быть несправедливой, так как она отражает взгляд отдельного человека и потому может быть пристрастной. Субъективность потворствует сама себе, так как преувеличивает важность отдельной личности.

Миф субъективизма

Миф субъективизма утверждает следующее:

1. В нашей повседневной практической деятельности мы по большей части полагаемся на наши чувства и развитую интуицию, которой

можем доверять. При решении важных проблем лучшими ориентирами для принятия решения являются наши собственные чувства и интуиция, а не то, что могут сказать другие.

2. В нашей жизни наиболее важны наши чувства, эстетическое восприятие, моральные ценности и духовные откровения. Они полностью субъективны. Ни одно из них не является чисто рациональным или объективным.
3. Искусство и поэзия превосходят рациональность и объективность и позволяют прикоснуться к более важной реальности наших чувств и интуиции. Мы получаем это интуитивное знание, скорее, с помощью воображения, чем разума.
4. Язык воображения, особенно метафора, необходим для выражения уникальных и наиболее важных для отдельной личности аспектов опыта. Для персонифицированного понимания обычного согласования значений слов недостаточно.
5. Объективность может быть опасной, так как она упускает то, что наиболее важно и значимо для отдельного человека. Объективность может быть несправедливой, так как она вынуждена игнорировать наиболее важные области опыта в пользу абстрактного, универсального и безличного. По той же причине объективность может быть бесчеловечной. Не существует никаких объективных и рациональных способов понимания наших чувств, эстетического восприятия и т. д. Наука бессильна, когда речь идет о наиболее важном в нашей жизни.

Боязнь метафоры

Объективизм и субъективизм не могут существовать друг без друга. Каждый из них определяет себя как противоположность другому и видит в другом врага. Объективизм берет себе в союзники научную истину, рациональность, точность, справедливость и беспристрастность. Субъективизм считает союзниками эмоции, интуитивные озарения, воображение, человечность, искусство и «высшую» истину. Каждый царит в своей области и считает ее лучшей. Они сосуществуют, но в разных областях. У каждого из нас есть часть жизни, где лучше быть объективным, но есть и другая часть, где уместнее быть субъективным. Сферы нашей жизни под управлением объективизма и субъективизма сильно различаются у разных людей и в разных культурах. Некоторые из нас даже пытаются прожить свою жизнь целиком в соответствии с одним или другим мифом.

В западной культуре в целом объективизм играет роль могущественного монарха, претендующего на власть, по крайней мере номинально, в области науки, закона, государственного управления, журналистики, морали, бизнеса, экономики и образования. Но, как мы показали, объективизм — это миф.

Со времен греков в западной культуре существовала некоторая напряженность между истиной, с одной стороны, и искусством, с другой, причем искусство рассматривалось как иллюзия, и, благодаря своей связи с поэзией и театром, объединялось с традицией публичного ораторского искусства. Платон смотрел на поэзию и риторику с подозрением и запрещал поэзию в своем утопическом Государстве, так как она не дает истины как таковой, возбуждает эмоции и тем самым скрывает настоящую истину. Платон, типичный из авторов, писавших о воздействии ораторской речи, считал, что истина абсолютна, а искусство — всего лишь иллюзия, возникающая из-за использования могущественных риторических приемов — ср. его Аллегория Пещеры. До настоящего времени метафоры Платона господствовали в западной философии, обеспечивая ненавязчивое и элегантное выражение его точки зрения, что истина абсолютна. С другой стороны, Аристотель относился к поэзии позитивно: «Важно бывает уместно пользоваться... словами сложными или редкими, но важнее всего переносными»²⁾; «слова... общеупотребительные мы „и так“ знаем, а потому метафора в наибольшей степени достигает желаемого»³⁾.

Но хотя теория метафоры Аристотеля представляет именно классический подход, его прославление способности метафоры проникать в суть вещей никогда не находило понимания в современной философии. С развитием экспериментальных наук и принятых в них представлений об истинности недоверие к поэзии и риторике становится доминирующим в западной мысли, а метафора и другие образные приемы снова становятся объектами презрения. Гоббс, например, считает, что метафоры абсурдны и обманчиво эмоциональны; они «суть что-то вроде *ignes fatui* (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей; результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение»⁴⁾. Гоббс видит абсурдность в «пользовании вместо точных слов метафорами, тропами и другими риторическими фигурами. И хотя позволительно говорить в обиходной речи, например: *дорога идет или ведет сюда или отсюда, пословица говорит это или то* (между тем как дорога не может ходить, ни пословица говорить), однако, когда мы рассуждаем и ищем истины, такие речи недопустимы»⁵⁾.

Локк, продолжая традицию эмпиризма, выражает точно такое же презрение к образной речи, которую он рассматривает как орудие риторики и врага истины:

²⁾ Цит. по: *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4; *Аристотель*. Поэтика. С. 672. Поэтика 1459a. — *Прим. перев.*

³⁾ Цит. по: *Аристотель*. Риторика. Книга III // *Аристотель и античная литература*. М., 1978. С. 193. — *Прим. перев.*

⁴⁾ Цит. по: *Гоббс Дж.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 63. — *Прим. перев.*

⁵⁾ Там же. С. 62. — *Прим. перев.*

«...Но если мы говорим о вещах, как они есть, мы должны признать, что всякое риторическое искусство, выходящее за пределы того, что вносит порядок и ясность, всякое искусственное и образное употребление слов, какое только изобретено красноречием, имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. Поэтому, как бы ни было похвально или допустимо такое ораторское искусство в речах и обращениях к народу, его, несомненно, нужно совершенно избегать во всех рассуждениях, имеющих в виду научать или просвещать, и нельзя не считать огромным недостатком языка или лица, употребляющего его там, где речь идет об истине и познании... Как сильно, очевидно, люди любят обманывать и быть обманутыми, если риторика, это могущественное орудие заблуждения и обмана, имеет своих штатных профессоров, преподается публично и всегда была в большом почете!»⁶⁾

Страх перед метафорой и риторикой в эмпирической традиции — это страх перед субъективизмом — страх перед эмоциями и воображением. Считается, что слова имеют «собственные значения», с помощью которых можно выразить истину. Использовать слова метафорически — означает использовать их не в собственном значении, стимулировать воображение и, следовательно, эмоции; все это уводит от истины в мир иллюзий. Недоверие эмпиризма к метафоре и боязнь ее прекрасно выражены Самуэлем Паркером:

«Все Теории в Философии, которые выражены только в метафорических Терминах, не являются настоящими Истинами, а всего лишь продуктами Воображения, разодетыми (как детские куклы) в блестящие, но пустые слова... Поэтому их буйные и богатые фантазии, карабкающиеся на Ложе Разума, не только загрязняют его своими нецеломудренными и незаконными Объятиями, но вместо реального понимания вещей и внимания к ним, пропитывают разум не чем иным, как дутым высокомерием и губительными иллюзиями»⁷⁾.

Как ответ на усиление могущества науки в созданных ею технологиях и на превращение промышленной революции в безликую и бесчеловечную реальность в среде поэтов, художников и случайных философов стала развиваться романтическая традиция. Вудсворф и Колеридж с радостью оставили рациональность, науку и объективность на откуп бесчеловечным эмпирикам и возвысили воображение как более человеческий способ достижения высшей истины, при этом считая эмоции естественным средством самопознания. Наука, разум и технология отдалили человека от самого себя и его естественного окружения, или, по крайней мере, так утверждали романтики; они рассматривали поэзию, искусство и возврат к природе как путь обретения людьми потерянной человечности. Искусство и поэзия представляли в романтической традиции не как продукты

⁶⁾ Цит. по: Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 566–567. — *Прим. перев.*

⁷⁾ Free and impartial Censure of the Platonick Philosophy (1666).

разума, а как «спонтанный переливающийся через край поток ярких чувств». Результатом этого романтического взгляда было отчуждение художника и поэта от господствующих тенденций развития общества.

Романтическая традиция, избрав субъективизм, усилила дихотомию между истиной и разумом, с одной стороны, и искусством и воображением — с другой. Отказавшись от рациональности, романтики сыграли на руку мифу объективизма, и его сила с тех пор начала возрастать. Тем не менее романтики создали для себя нишу, в которой правил субъективизм. По сравнению с объективизмом это довольно узкая сфера. Если говорить о реально значимых сферах жизни общества — о науке, законодательной системе, управлении, бизнесе и средствах массовой информации — везде безраздельно господствует миф объективизма. Субъективизм добился для себя преимуществ в области искусства и, пожалуй, религии. Большинство людей нашей культуры воспринимают его как анклав в царстве объективизма и как уступку эмоциям и воображению.

Третий выбор: синтез на основе эмпиризма

В рамках эмпирического подхода к пониманию и истине мы предлагаем альтернативу, которая отвергает, что выбор между субъективностью и объективностью является единственной возможностью. Мы отрицаем объективистскую идею о существовании абсолютной и безусловной истины, в то же время не принимая противоположного субъективистского положения о достижимости истины только через воображение, которое не зависит от внешних обстоятельств. Причина нашего пристального внимания к метафоре заключается в том, что она объединяет разум и воображение. Мышление, как минимум, предполагает категоризацию, выведение следствий и умозаключений. Одна из множества ипостасей воображения связана с восприятием сущности одного вида в терминах сущности другого вида — то, что мы называли метафорическим мышлением. Таким образом, метафора — это *воображаемая рациональность*. Так как категории обыденного мышления по большей части метафоричны, а наши повседневные рассуждения предполагают вывод метафорических следствий и заключений, обыденная рациональность по сути своей связана с воображением. Предложенное нами понимание поэтической метафоры на основе метафорических следствий и выводов указывает на то, что в сути своей феномены поэтического воображения частично рациональны.

Метафора — это один из самых важных способов хотя бы частично-го понимания того, что не может быть понято полностью: сферы чувств человека, эстетического опыта, морали и духовных озарений. Эти усилия воображения не лишены рациональности, так как если при этом используются метафоры, то используется и воображаемая рациональность.

Эмпирический подход позволяет также преодолеть пропасть между мифами субъективизма и объективизма о беспристрастности и возможности быть непредвзятым и объективным. Эти мифы предлагают две альтернативы: абсолютная объективность, с одной стороны, и чисто субъективная интуиция — с другой. Мы обнаружили, что истинность связана с пониманием, а это означает, что нет единственной точки зрения, которая позволила бы получить абсолютную истину о мире. Это не означает, что истины вообще не существует; это только означает, что истинность связана с понятийной системой человека, которая основана на опыте и которая постоянно проверяется нашим опытом и опытом представителей нашей культуры в повседневном взаимодействии с другими людьми и с физическим и культурным окружением.

Хотя нет абсолютной объективности, может существовать некий вид объективности, связанный с концептуальной системой, присущей культуре в целом. Беспристрастность и непредвзятость в социальных вопросах означает возвышение над релевантными *индивидуальными* пристрастиями. Объективность в научном эксперименте означает вынесение за скобки влияний *индивидуальных* ошибок и иллюзий. Из сказанного нельзя сделать вывод, что для достижения полной объективности в рамках данной понятийной системы и данного набора культурных ценностей мы можем всегда или хотя бы иногда полностью освободиться от влияния индивидуальных пристрастий. Это только означает, что чисто субъективная интуиция не является нашим единственным спасением. Это не означает и того, что концепты и ценности отдельной культуры могут быть уподоблены непредвзятому верховному судье. Могут существовать и обычно существуют межкультурные концепты и ценности, которые определяют такие стандарты справедливости, которые сильно отличаются от понимания справедливости в отдельной культуре. То, что было, например, справедливым для нацистской Германии, не было справедливым в глазах мирового сообщества. Впрочем, далеко ходить не надо: в рамках одной культуры всегда есть судебные дела, которые требуют рассмотрения проблем понимания справедливости в субкультурах с противопоставленными ценностями. В таких случаях культура большинства обычно навязывает понимание справедливости относительно *своих* ценностей, однако и эти базовые культурные ценности меняются со временем и часто подвергаются критике со стороны других культур.

И миф объективизма, и миф субъективизма — оба упускают из вида то, как мы *понимаем* мир в процессе *взаимодействия* с ним. Объективизм не замечает того, что понимание, а следовательно, и истинность обязательно связаны с культурно обусловленными концептуальными системами, и что понимание нельзя втиснуть в какую-либо совершенную или нейтральную концептуальную систему. Объективизм не признает также тот факт, что понятийная система человека по своей сути метафорична и предполагает образное понимание сущностей одного вида на основе

сущностей другого вида. Субъективизм игнорирует то, что понимание, даже преимущественно образное понимание, может происходить только на основе понятийной системы, которая коренится в успешном опыте функционирования человека в физическом и культурном окружении. Он также упускает из вида то, что понимание на основе метафор требует вывода следствий из метафоры, которые представляют собой образную форму рациональности.

Миф объективизма в западной философии и лингвистике

Наш вызов мифу объективизма

Миф объективизма господствовал в западной культуре и, в частности, в западной философии, со времен досократиков до наших дней. Возможность доступа к абсолютным и безусловным истинам о мире — краеугольный камень западной философской традиции. Миф объективности расцветал и в традиции рационализма, и в традиции эмпиризма — направлениях, которые отличаются с рассматриваемой точки зрения только способами достижения этих абсолютных истин. Для рационалистов только врожденная способность человека к размышлению может дать ему знания о том, каковы на самом деле окружающие нас вещи. Для эмпириков все наши знания о мире возникают из чувственного восприятия (непосредственно или опосредованно) или создаются из элементов восприятия. Кантовский синтез рационализма и эмпиризма также попадает в традицию объективизма, несмотря на его утверждение о том, что не может быть знания о вещах в себе. Объективистом Канта делает его тезис о том, что у человека могут быть универсально значимые знания об объектах, которые могут восприниматься чувственно (его эмпирическое наследство). Кроме того, относительно таких объектов действуют и универсально значимые моральные законы — все это благодаря универсальному разуму (его рационалистское наследство). Объективистская традиция в западной философии сохраняется до настоящего момента у последователей логического позитивизма, в традиции Фреге, в традиции Гуссерля; а в лингвистике — в неорационализме, выросшем из традиции Хомского.

Наш подход к метафоре противоречит этой традиции. Мы считаем метафору необходимой для человеческого понимания и рассматриваем ее как механизм создания новых значений и новой реальности в нашей жизни. Это противоречит большинству западных философских традиций, рассматривающих метафору как лазутчика субъективизма, и поэтому губительной для поисков абсолютной истины. Кроме того, наш подход к конвенциональной метафоре — то, что она пронизывает нашу концептуальную систему и является основным механизмом понимания, — противоречит современным взглядам на язык, значение, истину и понимание, которые в настоящий момент господствуют в англо-американской

аналитической философии, а также некритично заимствуются в большую часть направлений современной лингвистики и другие научные дисциплины. Далее приводится обычный объективистский набор утверждений о языке, значении, истине и понимании. Не все философы и лингвисты, являющиеся сторонникам объективизма, принимают эти положения в полной мере, но наиболее влиятельные фигуры, похоже, разделяют большинство из них.

Истинность — это вопрос соответствия слов миру.

Теория значения в естественном языке базируется на теории истинности. Последняя не зависит от того, как люди понимают и используют язык.

Значение объективно и неантропоцентрично; не зависит от человеческого понимания.

Предложения — это абстрактные объекты с внутренне присущими им структурами.

Значение предложения можно получить из значения его частей и структуры предложения.

Коммуникация — это процесс передачи сообщения с фиксированным значением от говорящего слушающему.

Как человек понимает предложение и что оно значит *для него*, является функцией объективного значения предложения, представлений человека о мире и знания контекста, в котором употреблено это предложение.

Наш подход к конвенциональной метафоре несовместим ни с одним из этих утверждений. Значение предложения формируется на основе понятийной структуры. Как мы обнаружили, большая часть понятийной структуры естественного языка по своей сути метафорична. Понятийная структура, как и конвенциональные метафоры, коренится в материальном и культурном опыте. Следовательно, значение никогда не может быть объективным, оно всегда связано с человеком и всегда основывается на использовании понятийной системы, усвоенной человеком. Кроме того, истина всегда зависит от понятийной системы и метафор, которые ее структурируют. Тем самым истина не абсолютна или объективна, она основана на понимании. Таким образом, у предложений нет внутренне присущих им значений, которые существуют независимо от человека, и коммуникация не может быть просто передачей таких значений.

Требуется объяснения то, почему наш взгляд на эти проблемы так отличается от классических философских и лингвистических теорий. Основная причина этого, как представляется, в том, что классические теории исходят из мифа объективизма, а наше описание метафоры с ним несовместимо. Такое радикальное расхождение с господствующими теориями в наиболее базовых тезисах нуждается в объяснении. Как получается, что предложенная теория метафоры ставит под вопрос фундаментальные постулаты об истине, значении и понимании, сформулированные в господствующих направлениях западной философской традиции? Ответ

на этот вопрос требует куда более подробного разбора объективистских положений о языке, истине и значении, чем это делалось ранее. Здесь требуется более детальное обсуждение того,

- а) каковы исходные положения объективизма;
- б) чем они мотивируются и
- в) каковы их следствия для общей теории языка, истины и значения.

Цель проводимого ниже анализа заключается не только в том, чтобы отделить наш подход к языку от традиционных подходов, но и в том, чтобы показать на примерах, насколько влиятелен миф объективизма в западной культуре, и что мы этого обычно не замечаем. Еще более важно объяснить, что большинство проблем нашей культуры может возникать из слепого следования мифу объективизма, и что кроме радикального субъективизма, есть и третья альтернатива.

Корни традиционных теорий значения в мифе объективизма

Миф объективизма, лежащий в основе традиции объективизма, имеет довольно специфические следствия для теории значения. Мы хотели бы показать, каковы эти следствия, как они возникают из мифа объективизма и почему они несостоятельны с точки зрения эмпиризма. Не все сторонники объективизма полностью принимают приводимые ниже положения, но обычно в той или иной форме их разделяет большинство из них.

Значение объективно

Последователи объективизма характеризуют значение исключительно в терминах объективной истинности или ложности. С точки зрения объективизма, язык приписывает каждому предложению *объективное значение*, которое определяет объективные условия истинности с учетом определенных элементов контекста, называемых «индексалами» (indexicals): кто говорящий, к кому он обращается, время и место высказывания, объекты, к которым отсылают такие слова, как «тот», «этот» и т. п.¹⁾ Таким образом, объективное значение предложения не зависит от того, как любое конкретное лицо понимает его и понято ли оно вообще. Например, хотя попугай совершенно не понимает английского языка, его можно научить говорить *It's raining* 'Идет дождь'. Существенно, что предложение

¹⁾ Излагается вариант классической теории истинности, учитывающий семантику дейктических выражений естественного языка и условия произнесения высказывания — т. н. «прагматические переменные высказывания» (прежде всего время и место). Впервые в систематическом виде данный подход был изложен в известной статье Бар-Хиллела, опубликованной в 1954 г. (Bar-Hillel G. Indexical expressions // Mind. 1954. V. 63. P. 359–376). — Прим. ред.

обладает одним и тем же объективным значением независимо от того, сказано ли оно попугом или человеком, и оно будет истинно, если дождь в этот момент действительно идет, и ложно, если дождь не идет. Согласно объективистскому подходу к истинности, человек понимает объективное значение предложения, если он понимает условия, при которых оно будет истинно или ложно.

Сторонники объективизма предполагают не только то, что условия объективной истинности и ложности существуют, но что люди способны их узнать. Это считается самоочевидным. Посмотрите вокруг. Если на полу лежит карандаш, тогда предложение *There is a pencil on the floor* 'На полу лежит карандаш' истинно, и, если вы говорите по-английски и можете увидеть карандаш на полу, вы совершенно справедливо будете считать, что оно истинно. Предполагается, что такие предложения объективно истинны или ложны и что мы способны знать бесчисленное количество таких истин. Так как люди понимают условия объективной истинности предложения, то в языке могут существовать соглашения, по которым объективные значения приписываются предложениям. Таким образом, с точки зрения объективизма, соглашения, которые используются при функционировании языка для установления соответствий в парах между предложениями и их объективными значениями, определяются способностью говорящего понять предложение в соответствующем объективном значении. Тем самым, когда последователь объективизма говорит о понимании значения предложения (в буквальном смысле), он имеет в виду понимание, результатом которого оказывается оценка предложения как объективно истинного или ложного. В целом объективистский подход к пониманию сводится к пониманию условий истинности или ложности.

Это совсем *не* то, что мы имели в виду под «пониманием». Когда мы утверждаем, что последователи объективизма рассматривают значение как феномен, независимый от понимания, мы говорим о «понимании» в нашем смысле, а не в объективистском.

Значение неантропоцентрично (disembodied)

С точки зрения объективизма, объективное значение — это не значение для кого-то. Можно сказать, что у выражений естественного языка есть объективное значение, только если это значение независимо от поступков и речевого поведения человека. То есть значение должно быть неантропоцентрично. Фреге, например, различает «смысл» (*Sinn*), объективное значение знака и «идею», которая возникает

«...у меня на основе моих впечатлений от этой вещи, а также в результате моей деятельности, физической и мыслительной, связанной с этой вещью... Представление (внутренний образ) всегда субъективно... Очевидно, что смысл можно рассматривать сам по себе, т. е. можно говорить о смысле

как таковом, в то время как, говоря о представлении, необходимо уточнять, кому именно оно принадлежит и к какому времени относится»²⁾.

«Смысл» Фреге — это объективное неантропоцентричное значение. У каждого языкового выражения в конкретном языке есть неантропоцентричное значение, которое с ним ассоциируется. Это напоминает метафору КАНАЛА СВЯЗИ, согласно которой «Значение заключено прямо в словах».

Традиция Фреге прослеживается до сегодняшнего дня в работах последователей Ричарда Монтегю и других ученых. Ни в одной из этих работ по семантике значение предложения не исследуется в зависимости от того, как его понимает человек. Как говорит Монтегю: «Как и Дональд Дэвидсон, я рассматриваю создание теории истинности — или даже более общего понятия истинности в любой произвольной интерпретации — как основную цель научно обоснованного синтаксиса и семантики» (1974. Р. 188). Здесь важно выражение «произвольная интерпретация». Монтегю считал, что теории значения и истинности — это чисто математические конструкты, и его цель заключается в том, чтобы отстаивать «произвольную интерпретацию», очищенную от всего, что связано с человеческими существами, и особенно от психологии человека и человеческого понимания. Он предполагал, что его теория применима к любым существам во вселенной и свободна от ограничений, налагаемых природой любого отдельного существа.

Соотнесение слов с миром без учета человека и человеческого понимания

Объективистская традиция рассматривает семантику как изучение того, как языковые выражения могут непосредственно соотноситься с миром без вмешательства человеческого понимания. Пожалуй, наиболее четко эту позицию выразил Дэвид Льюис:

«То, что я предлагаю, вряд ли также оправдывает ожидания тех, кто при анализе значения сразу же обращается к психологии и социологии носителей языка: к намерениям, чувственному опыту и ментальным представлениям, или к социальным правилам, конвенциям и установлениям. Я различаю два предмета исследования: во-первых, описание возможных языков или грамматик как абстрактных семантических систем, в которых символы соответствуют тем или иным феноменам мира; и во-вторых, описание психологических и социологических данных, согласно которым одна из этих абстрактных семантических систем используется некоторым лицом или социумом. Проблема возникает только из-за смешения двух предметов»³⁾.

²⁾ Цит. по: Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. С. 185–186. — Прим. перев.

³⁾ Lewis 1972. Р. 170.

Здесь Льюис следует за Монтегю в попытке дать описание соотношения между языком и миром — «как символы соответствуют тем или иным феноменам мира»: описание должно быть достаточно общим и достаточно произвольным, чтобы соответствовать любым возможным психологическим или социологическим данным об использовании языка и его понимании людьми.

Теория значения основывается на теории истинности

Существование объективной истинности, независимой от человеческого понимания, дает возможность создать теорию объективного значения. В объективистском подходе к истинности само предложение может соответствовать или не соответствовать миру. Если соответствие есть, то оно истинно, если нет — ложно. Это прямо ведет к объективистскому взгляду на значение, основанному на истинности. Опять наиболее ясно об этом говорит Дэвид Льюис: «Значение предложения — это то, что определяет условия, при которых предложение истинно или ложно» (1972. Р. 173).

Это положение с помощью методов, описанных в работах (Lakoff 1972) и (Lewis 1972), распространяется на значения перформативных предложений, таких, как приказы и обещания. Данные методы основываются на определении истинности в терминах «соответствия миру», что формально передается через условия удовлетворительности в модели. Аналогично условия унешности речевых актов определяются в терминах условий удовлетворительности в модели, или «соответствия миру». Когда мы ниже говорим об «истинности» или «ложности», следует иметь в виду, что подразумеваются условия удовлетворительности в модели, и что речь идет как об утверждениях, так и речевых актах.

Значение независимо от использования

Объективистский подход к истинности требует, чтобы значение также было объективно. Если значение объективно, оно исключает все субъективные составляющие, т. е. все, присущее только данному контексту, культуре или способу понимания. Как формулирует Дональд Дэвидсон: «Буквальные значения и соответствующие условия истинности могут быть приписаны словам и предложениям вне зависимости от каких-либо особых контекстов употребления»⁴⁾.

Значение композиционально — теория строительных кирпичиков

В соответствии с мифом объективизма мир состоит из объектов. У объектов есть хорошо выделяемые ингерентные свойства, независимые от того,

⁴⁾ Цит. по: Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 175. — Прим. перев.

кто их воспринимает, и в каждый момент времени отношения между объектами фиксированы. Эта часть мифа объективизма порождает в семантике теорию «строительных кирпичиков». Если мир состоит из хорошо выделяемых объектов, мы можем дать им в языке имена. Если у объектов есть четко выделяемые ингерентные свойства, то получается язык с одноместными предикатами, каждый из которых соответствует каждому из этих свойств. Если объекты связаны между собой фиксированными отношениями (по крайней мере в каждый данный момент), получается язык с многоместными предикатами, каждый из которых соответствует некоторому отношению.

Если исходить из предположения, что мир именно таков и у нас есть именно такой язык, можно, используя синтаксис этого языка, строить предложения, непосредственно связанные с некоторой ситуацией в мире. При таком подходе значение всего предложения — это его условия истинности, т. е. условия, при которых предложение соответствует определенной ситуации. Значение предложения полностью зависит от значения его частей и того, как они сочетаются друг с другом. Сущность значения частей предложения заключается в установлении отношений между именами и обозначаемыми ими объектами, предикатами и теми свойствами и отношениями, которые они называют.

Объективистские теории значения композициональны по своей природе: они представляют собой теории «строительных кирпичиков» — так и должно быть. Причина этого лежит в том, что для сторонника объективизма мир *действительно создан* из строительных кирпичиков: определяемых объектов и четко выделяемых ингерентных свойств и отношений. Более того, каждое предложение языка и должно содержать все необходимые смысловые кирпичики, чтобы в совокупности с синтаксисом ничего больше не требовалось для обеспечения условий истинности предложения. Этим «ничего больше» оказывается любой вид человеческого понимания.

*Объективизм допускает существование
онтологической относительности,
но без участия человеческого понимания*

Представители логического позитивизма (например, Карнап) пытались воплотить объективистскую программу, разрабатывая универсально применимый формальный (логический) язык, у которого бы были все свойства теории строительных кирпичиков, упомянутые выше, и другие уже обсуждавшиеся характеристики. Ричард Монтегю (1974) претендовал на создание «универсальной грамматики», которая дала бы возможность отобразить в такой универсально применимый формальный язык существующие естественные языки.

Куайн, отвечая на такие глобальные утверждения, отмечал, что у каждого языка есть встроенная в него самого своя собственная онтология и представление об объекте, свойстве и отношении варьируется от языка к языку. Эта позиция известна как тезис «онтологической относительности».

Можно поддерживать тезис онтологической относительности в рамках объективистской программы, игнорируя феномен человеческого понимания и культурные различия. Такая релятивистская позиция приводит к отказу от возможности создания единого универсально применимого логического языка, на который можно было бы адекватно перевести все естественные языки. Напротив, утверждается, что каждый естественный язык членит мир на категории уникально, и при этом всегда выбирают реально существующие объекты, свойства и отношения. Но так как в различные языки *могут* быть встроены разные онтологии, нет никакой гарантии, что любые два языка будут в целом сопоставимы.

Релятивистский вариант объективистского описания значения утверждает тем самым, что значение и условия истинности объективно даны не в универсальных терминах, а специфицируются в данном языке. Этот релятивистский объективизм все же придерживается мифа объективизма, утверждая, что истина объективна и что в мире есть объекты с внутренне присущими им свойствами. Однако, согласно релятивистскому объективизму, истину, выразимую в одном языке, не всегда можно перевести на другой, так как каждый язык членит мир на категории особым способом. Но какие бы сущности язык не категоризовал, они объективно существуют в мире как таковые. В рамках данного подхода истина и значение все же объективны (хотя только относительно данного языка), а человеческое понимание из описания исключается, как не имеющее никакого отношения к значению и истинности.

Исходное положение объективизма в лингвистике: языковые выражения — это объекты

Согласно мифу объективизма, у объектов есть принадлежащие им самим свойства, причем объекты связаны друг с другом фиксированными отношениями, существующими независимо от любого воспринимающего их существа. Слова и предложения в письменной записи легко рассматривать как объекты. Исходное положение объективизма в лингвистике с его возникновения в античности до настоящего времени заключается в следующем: языковые выражения — это объекты, обладающие присущими им свойствами, причем эти объекты связаны друг с другом фиксированными отношениями, существующими независимо от любого лица, произносящего или понимающего их. Как и у объектов, у языковых выражений есть части — «строительные кирпичики»: слова составлены из корней, префиксов, суффиксов, инфиксов; предложения составлены

из слов и словосочетаний; дискурс образован предложениями. В рамках языковой системы части связаны друг с другом различными отношениями, которые определяются структурой «строительных кирпичиков» и внутренне присущими им свойствами. Исследование структуры строительных кирпичиков, ингерентных свойств частей и взаимоотношений между ними традиционно называется *грамматикой*.

Объективизм рассматривает себя как единственно *научное* направление в лингвистике. Объекты должны анализироваться сами по себе и в себе, независимо от контекста и того, как люди их понимают. Как и в объективистской философии, в лингвистике есть эмпирическая и рационалистическая традиции. Эмпирическая традиция, представленная современным американским структурализмом Блумфильда, Харриса и их последователей, рассматривает тексты как единственный объект научного исследования. Рационалистская традиция, представленная такими европейскими структуралистами, как Якобсон, и американскими структуралистами — Сепиром, Уорфом и Хомским, рассматривает язык с точки зрения его реальности в ментальной сфере, а языковые выражения интерпретирует как реальные объекты ментального характера.

Грамматика независима от значения и понимания

Только что было показано, как миф объективизма рождает такой взгляд на язык, согласно которому языковые выражения представляют собой объекты с ингерентными свойствами, со структурой из элементарных «строительных кирпичиков», при этом объекты связаны фиксированными взаимоотношениями. В соответствии с мифом объективизма языковые объекты — их структура из «строительных кирпичиков», их свойства и взаимосвязи — независимы от того, как их понимают люди. Из интерпретации языковых выражений как объектов следует, что грамматика может изучаться независимо от значения и человеческого понимания.

Эта традиция воплощена в теории Ноама Хомского, который упорно отстаивает взгляд, что грамматика — это феномен чистой формы, независимый от значения или человеческого понимания. В этом смысле любой аспект языка, связанный с человеческим пониманием, для Хомского по определению находится за рамками грамматики. Использование Хомским термина «компетенция» в противоположность «употреблению» — это попытка представить некоторые аспекты функционирования языка как единственные легитимные объекты лингвистики как науки, т. е. того направления, которое мы назвали объективизмом в лингвистике в его рационалистской форме, включающем только феномены чистой формы и исключаящем все феномены человеческого понимания и использования языка. Хотя Хомский рассматривает лингвистику как раздел психологии, для него это *независимое* направление, которое никак не связано с тем, как люди реально понимают языковые выражения.

*Объективистская теория коммуникации:
версия метафоры КАНАЛА СВЯЗИ*

Для объективизма в лингвистике и философии значения и языковые выражения — это независимо существующие объекты. Такой взгляд порождает теорию коммуникации, хорошо укладывающуюся в метафору КАНАЛА СВЯЗИ:

Значения — это объекты.

Языковые выражения — это объекты.

У языковых выражений есть значения (находящиеся внутри них).

В процессе коммуникации отправитель (speaker) посылает фиксированное значение адресату (hearer), используя языковое выражение, ассоциирующееся с этим значением.

При таком подходе можно объективно сказать, что имеется в виду в сообщении, а коммуникативные неудачи — это вопрос субъективных ошибок: так как значения объективно содержатся прямо в словах, то либо вы использовали для выражения нужного значения неправильное слово, либо вас неправильно поняли.

*Каким мог бы быть объективистский подход
к пониманию*

Мы уже дали представление о том, что сторонники объективизма имеют в виду под пониманием буквального объективного значения предложения: понимание условий, при которых предложение будет объективно истинно или ложно. Тем не менее, последователи объективизма признают, что человек в определенном контексте может понимать предложение в значении, отличном от его буквального объективного значения. Это другое значение обычно называется «значением говорящего», или «значением произносящего высказывание», и, как правило, признается, что любое полное описание понимания должно учитывать также и эти случаи (см. Grice 1957).

Возьмем, например, предложение *He's a real genius* 'Он настоящий гений', употребленное в контексте явного сарказма. Согласно объективистскому подходу, у предложения *He's a real genius* есть *объективное значение*, а именно что у него прекрасные интеллектуальные способности. Но при употреблении этого предложения в контексте сарказма говорящий хочет передать противоположное значение: он полный идиот. *Значение говорящего* здесь противоположно объективному значению предложения.

Этот подход к значению говорящего в условиях выражения сарказма можно представить следующим образом:

- (A) Произносятся предложение S ($S = \text{"He's a real genius"}$), обладающее объективным смыслом M ($M =$ у него прекрасные интеллектуальные способности), говорящий хочет передать слушателю объективное значение M' ($M' =$ он полный идиот).

Именно так смысл для кого-то может объясняться в рамках объективизма. Предложение (А) может быть объективно истинным или ложным в данном контексте. Если (А) истинно, тогда предложение S ("He's a real genius") может означать *он полный идиот* и для говорящего, и для слушающего, если слушающий осознает намерения говорящего.

Эта формальная техника, изначально возникшая в теории речевых актов, была принята в объективистской традиции как способ получения значения для кого-то из объективного значения предложения, т. е. из условий его объективной истинности или ложности. Обсуждаемый формальный прием основывается на таком использовании двух объективных значений М и М' и предложения (А), у которого также есть объективное значение, чтобы получить описание значения говорящего и значения слушающего, т. е. значения для кого-то. Это, конечно, предполагает признание объективными намерений говорящего, что некоторые сторонники объективизма отрицают.

Приведенный пример представляет собой использование предложения в контексте сарказма, который требует наличия у него двух противопоставленных объективных значений — М и М' — и тем самым противоположных условий истинности. При буквальном употреблении $M = M'$. Объективистская программа использует этот формальный прием для объяснения всех феноменов значения для кого-то, особенно тех случаев, когда говорящий говорит одно, а имеет в виду другое: для контекстов преувеличения, преуменьшения, намеков, иронии и всего образного языка — в частности, метафор. Выполнение такой программы предполагает разработку общих правил, которые позволят ответить на следующий вопрос:

Если есть предложение S и его *буквальное* объективное значение М, а также необходимые знания о контексте, то по каким специальным правилам можно предсказать, каким будет в данном контексте *значение для говорящего* М'?

Это, в частности, относится и к метафорам. Например, фраза This theory is made of cheap stucco 'Эта теория сделана из дешевой штукатурки' будет в объективистском описании иметь ложное буквальное объективное значение (М): *эта теория сделана из недорогой извести*. Буквальное объективное значение ложно, так как теории вообще не делаются из извести. Однако у предложения This theory is made of cheap stucco может быть значение (М'), подразумеваемое говорящим, которое может быть истинным: *эта теория слаба*. В этом случае проблема заключается в том, чтобы создать общие принципы интерпретации, с помощью которых слушатель смог бы перейти от предложения S (This theory is made of cheap stucco) к значению М', которое имел в виду говорящий (*эта теория слаба*) через объективное значение М (*эта теория сделана из недорогой извести*).

Последователи объективизма рассматривают все метафоры как случаи переносного значения, где $M \neq M'$. У всех предложений, содержащих метафоры, есть объективные значения, которые обычно либо очевидно ложные (например, This theory is made of cheap stucco), либо очевидно

истинные (например, Mussolini was an animal 'Муссолини был зверем'). Понимание предложения (например, This theory is made of cheap stucco) как метафорического всегда предполагает понимание его переносного объективного значения M' (*эта теория слабая*), которое отличается от буквального объективного значения M (*эта теория сделана из недорогой извести*).

Тем самым объективистский подход к пониманию всегда основывается на апелляции к объективной истинности. В рамках объективизма понимание бывает двух типов: непосредственное и опосредованное (indirect). Непосредственное понимание — это понимание буквального объективного значения предложения в терминах условий истинности. Опосредованное понимание относится к тем случаям, когда говорящий использует некоторое предложение для передачи переносного значения, при этом передаваемое значение может *пониматься непосредственно* в терминах объективных условий истинности.

Объективистский подход к метафоре с неизбежностью влечет четыре следующих следствия:

По определению не может быть ни метафорических концептов, ни метафорического значения. Значения объективны и устанавливают условия объективной истинности. Значения по определению представляют собой способы описания мира — каков он есть или каким он может быть. Условия объективной истинности просто не дают возможности рассмотрения одной сущности на основе другой. Тем самым объективные значения не могут быть метафорическими.

Так как метафора не может быть феноменом значения, она может быть только феноменом языка. Метафора, с точки зрения последователей объективизма, может в лучшем случае дать возможность *выразить* некоторое объективное значение M' с помощью языка, который в буквальном смысле используется для выражения некоторого другого объективного значения M , которое, как правило, очевидно ложно.

Опять-таки по определению не может быть буквальной (конвенциональной) метафоры. Предложение используется буквально тогда, когда $M' = M$, т. е. когда значение говорящего M' идентично объективному значению M . Метафоры возникают только тогда, когда $M \neq M'$. Таким образом, в соответствии с объективистским определением буквальная метафора — это противоречие в терминах, буквальный язык не может быть метафорическим.

Метафора может способствовать пониманию, только показывая объективное сходство, т. е. сходство между объективными значениями M и M' . Это сходство должно основываться на общих *ингерентных* свойствах объектов — свойствах, которые есть в самих объектах и им принадлежат.

Таким образом, объективистский подход к значению полностью противоречит всему, что мы утверждали в этой книге. Такой взгляд на значение и метафору господствовал со времен греков. Он соответствует метафоре КАНАЛА СВЯЗИ («Значение заключено прямо в словах») и мифу объективизма.

Как метафоры показывают ограниченность мифа субъективизма

Ядро объективистской традиции в философии возникает непосредственно из мифа объективизма: мир создан из отдельных объектов с ингерентными свойствами, причем объекты в каждый момент времени связаны между собой фиксированными отношениями. Мы же на основании языковых данных (и особенно метафоры) утверждаем, что объективистская философия не в состоянии дать адекватное описание того, как человек понимает свой опыт, свое мышление и язык. Мы считаем, что адекватный подход к этим феноменам требует:

- интерпретации объектов исключительно в рамках взаимодействия человека с миром и в связи с мыслительными проекциями на мир;
- интерпретации свойств, скорее как интерактивных, чем внутренне присущих самим объектам;
- рассмотрения категорий, как опытных гештальтов, определяемых прототипом, а не как жестко фиксированных феноменов, описываемых теорией множеств.

Мы рассматриваем проблемы описания значения в естественном языке и способы понимания человеком своего языка и опыта, скорее, как эмпирическую область, чем как сферу априорных философских допущений и аргументации. Мы выбрали метафору и способы ее понимания из возможных доказательств, которые можно привести при рассмотрении этих вопросов. Такой выбор был обусловлен следующими четырьмя причинами.

В объективистской традиции метафора вызывает в лучшем случае маргинальный интерес и полностью исключается из изучения семантики (объективного значения). Она рассматривается как случайный фактор при описании истинности.

Мы, однако, обнаружили, что метафора пронизывает не только язык, но и понятийную систему человека. Кажется совершенно необъяснимым, почему феномен, столь существенный для понятийной системы человека, не попадает в центр внимания при описании истинности и значения.

Мы убедились, что метафора — один из базовых механизмов понимания нашего опыта. Это не согласуется с объективистским подходом,

согласно которому метафора при описании значения и истинности представляет только второстепенный интерес и в лучшем случае играет маргинальную роль в процессах понимания.

Мы обнаружили, что метафора может порождать новое значение, создавать сходство и тем самым определять новую реальность. Такому взгляду нет места в стандартной объективистской картине мира.

Объективистский подход к конвенциональной метафоре

Многие факты, которые мы обсуждали, уже давно известны в объективистской традиции, но они интерпретировались совсем не так, как это делаем мы.

Понятия, основанные на конвенциональных метафорах, которые, как мы считаем, структурируют обыденную понятийную систему человека, с точки зрения сторонников объективизма, вообще не существуют. Они считают, что метафоры принадлежат только языку и никаких метафорических концептов нет.

Слова и выражения, которые мы считаем примерами метафорических концептов (например, *digest* 'переваривать' в *I can't digest all those facts* 'Я не могу переварить все эти факты'), последователи объективизма вообще не будут интерпретировать как примеры живой метафоры. Для них слово *digest* имеет два разных буквальных (объективных) значения — *digest*₁ 'переваривать' для пищи и *digest*₂ 'переваривать' для идей. В таком подходе слово *digest* разделяется на два омонима — по аналогии с омонимами *bank* 'берег' и *bank* 'банк' (в примерах *берег реки* и *банк, куда вы кладете свои деньги* соответственно).

Последователь объективизма может допустить, что словосочетание *digest an idea* 'переваривать идею' было *когда-то* метафорой, но он будет утверждать, что теперь это уже совсем не метафора. Для него это «мертвая метафора», которая конвенциализировалась и получила, тем самым, собственное буквальное значение. Таким образом, с его точки зрения, есть два омонимичных слова *digest*.

Сторонник объективизма, возможно, признает, что слова *digest*₁ и *digest*₂ имеют сходные значения и что это сходство — основа для исходной метафоры. С его точки зрения, это объясняет, почему одно и то же слово используется для выражения двух различных значений. Когда-то метафора была, а затем она превратилась в конвенциональную, умерла и стала застывшей, а старое метафорическое значение стало новым буквальным значением.

Объективист может установить, что сходство, на котором основывается мертвая метафора, во многих случаях можно наблюдать и сейчас.

В соответствии с объективистским подходом, исходная метафора — это феномен, относящийся к говорящему: к тому, как он использует

язык, и, следовательно, к «значению говорящего», а не к буквальному объективному значению. Она должна порождаться по общей формуле «значения для говорящего», примененной к данному случаю (здесь глагол *digest* относится только к пище):

Произносится предложение S ($S = I \text{ can't digest all those facts}$) в его буквальном объективном значении M ($M = \text{Я не могу превратить эти идеи химическими и мускульными действиями в пищеварительном тракте в такую форму, которую мое тело может воспринять}$), говорящий намеревается передать слушателю значение для говорящего M' ($M' = \text{Я не могу превратить эти идеи ментальными действиями в такую форму, которую мой разум может воспринять}$).

Возможность такого объективистского описания поддерживается, во-первых, истинностью значения M', относящегося к миру идей, которое имеет в виду говорящий. Это значение должно быть объективно данным и иметь объективные условия истинности. Другими словами, благодаря свойствам, внутренне присущим разуму и миру идей, следующие утверждения, относящиеся к этим феноменам, должны быть *объективно истинными*:

Благодаря своим ингерентным свойствам, идеи должны быть сущностями, имеющими форму, допускать преобразования и поглощаться разумом.

Благодаря своим ингерентным свойствам, разум должен быть сущностью, способной производить ментальные действия, трансформировать идеи и поглощать их.

Во-вторых, метафора должна изначально основываться на уже существующем сходстве между M и M'; т. е. у разума и пищеварительного тракта должны быть общие *ингерентные* свойства, также как и у идей и пищи.

Резюмируем: описание мертвой метафоры *digest* предполагает следующее:

Слово *digest* изначально относится к концепту пищи.

Как «живая» метафора слово *digest* было помещено в уже существующее объективное значение, относящееся к области идей, на основе уже существующего объективного сходства между пищей и идеями.

В конце концов метафора «умерла», и метафорическое выражение *digest an idea* стало конвенциональным. Глагол *digest*, таким образом, получил второе буквальное значение, реализующееся в M'. Эта процедура считается в объективистском подходе типичным способом поиска слов для уже существующих значений, у которых нет означающего для их регулярного выражения. Все подобные случаи должны рассматриваться как омонимы.

В общем, стороннику объективизма придется трактовать все наши данные по конвенциональным метафорам либо с позицией омонимии (обычно в слабой версии), либо с позиции абстракции. Обе позиции зависят от наличия уже существующих черт сходства, основанных на ингерентных свойствах.

В чем проблема объективистского подхода

Как мы только что видели, объективистское описание конвенциональной метафоры требует принятия либо теории абстракции, либо теории омонимии. Кроме того, объективистский подход к конвенциональным и неконвенциональным метафорам основывается на уже существующем ингерентном сходстве. Мы уже представили в деталях аргументацию против обеих позиций. Эти аргументы для нас особенно важны. *Они показывают не только неадекватность объективистского подхода к метафоре, но и ошибочность исходных посылок всей объективистской программы.* Для того, чтобы понять, в чем именно заключается неадекватность объективистского подхода к метафоре, воспроизведем основные положения нашей критики теорий абстракции, омонимии и сходства в том виде, в котором они рассматриваются в объективистском описании *конвенциональной* метафоры.

Позиция сходства

При обсуждении метафоры ИДЕИ — ЭТО ПИЩА было показано, что, хотя метафоры основаны на чертах сходства, само сходство нельзя рассматривать как ингерентную характеристику, так как оно основывается на других метафорах, в частности, УМ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, ИДЕИ — ЭТО ОБЪЕКТЫ и на метафорах КАНАЛА СВЯЗИ. Выражение ИДЕИ — ЭТО ОБЪЕКТЫ представляет собой проекцию статуса автономной сущности на ментальные феномены, осуществленную при помощи онтологической метафоры. Метафора УМ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ — это проекция статуса сущности, имеющей ориентацию ВНУТРИ—СНАРУЖИ, на когнитивную способность человека. Это не *ингерентные объективные свойства* идей и ума. Это *интерактивные свойства*, и они отражают то, как мы *постигаем* ментальные явления с помощью метафоры.

То же верно и для концептов ВРЕМЯ и ЛЮБОВЬ. Мы понимаем такие предложения, как *The time for action has arrived* 'Пришло время действовать' и *We need to budget our time* 'Нам необходимо планировать свое время', соответственно в терминах метафор ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ и ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ. Но в объективистском описании таких метафор не будет. Слова *arrive* и *budget* будут в этих предложениях мертвыми метафорами, т. е. омонимами, исторически возникшими из когда-то живых метафор. Эти когда-то живые метафоры основывались на ингерентном сходстве между временем и движущимися объектами, с одной стороны, и временем и деньгами — с другой. Однако, как уже было показано, такое сходство не ингерентное: оно само по себе создано посредством онтологических метафор.

Еще более сложно описать с помощью ингерентного сходства выражения, включающие концепт ЛЮБОВЬ, например *This relationship isn't going anywhere* 'Эти отношения никуда не ведут', *There was a magnetism between us* 'Нас тянуло друг к другу магнитом' и *This relationship is dying* 'Эти отношения умирают'. Концепт ЛЮБОВЬ не определен четко в терминах ингерентных свойств. Наша культура дает нам стандартные способы осмысления опыта любви с помощью таких конвенциональных метафор, как ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ — ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА и т. п., и наш язык это отражает. Но в рамках объективистского подхода (основанного либо на идее мертвой метафоры, либо на омонимии в слабом смысле, либо на абстракции) концепт ЛЮБОВЬ должен быть достаточно хорошо определен в терминах ингерентных характеристик, чтобы можно было установить ингерентное сходство между ним и путешествиями, электромагнитными и гравитационными явлениями, больными людьми и т. п. Здесь сторонникам объективизма приходится не только отстаивать свои убеждения, что у любви есть ингерентные свойства, сходные с ингерентными свойствами путешествий, электромагнитных явлений и больных людей; им приходится также утверждать, что любовь достаточно четко определена в терминах этих ингерентных свойств для того, чтобы черты сходства вообще существовали.

Короче говоря, все обычные объективистские описания обсуждаемых феноменов (мертвая метафора, омонимия или абстракция) зависят от уже существующих черт сходства, основанных на ингерентных свойствах. Вообще говоря, черты сходства действительно существуют, но они никак не могут основываться на *ингерентных* свойствах. Черты сходства возникают как *результат* функционирования концептуальных метафор, и в силу этого они могут рассматриваться, скорее, как *интерактивные* характеристики, чем как свойства, внутренне присущие вещам. Но признание существования интерактивных характеристик несовместимо с основной посылкой объективистской философии. Это равносильно отказу от мифа объективизма.

О чем умалчивают сторонники объективизма («Это не наше дело!»)

Единственная возможная альтернатива для сторонников объективизма — это отказаться от любого описания любых взаимоотношений между смыслами слова *digest*, связанными с ПИЩЕЙ и ИДЕЯМИ, в терминах сходства (включая отказ от утверждения, что здесь вообще когда-либо была метафора) и обратиться к позиции омонимии в сильном смысле. С точки зрения сильной омонимии, существует одно слово *digest* с двумя совершенно разными и несвязанными значениями — такими же различными, как два значения слова *punt* ('удар ногой по мячу' и 'открытая плоско-

донная лодка с прямыми углами'). Как было показано (см. главу 18), позиция омонимии в сильном смысле не в состоянии объяснить:

- внутреннюю системность;
- внешнюю системность;
- возможность расширения используемой части метафоры;
- использование опыта взаимодействия с конкретными объектами для структурирования опыта, относящегося к абстрактной сфере;
- черты сходства между идеями и пищей, основанные на метафорической концептуализации идей в терминах пищи, которые мы действительно обнаруживаем между двумя смыслами глагола *digest*.

Конечно, философ или лингвист — сторонник объективизма — может признать, что не в состоянии адекватно описать такие системные свойства, черты сходства и способы понимания менее конкретного на основе более конкретного. Совершенно не обязательно, что это его волнует. В конце концов он мог бы сказать, что объяснение всего этого не его дело. Это относится к компетенции психолога, нейропсихолога, филолога или кого-нибудь еще. Такое решение хорошо вписывается в традицию разделения «смысла» и «значения» в духе Фреге и в традицию противопоставления «абстрактных семантических систем» и «психологических и социологических факторов» в духе Льюиса. Можно было бы также утверждать, что теория омонимии отвечает целям объективизма: установить условия объективной истинности для языковых выражений и объяснить буквальное объективное значение в терминах этих условий. Сторонники объективизма полагают, что это можно сделать независимо для двух смыслов глагола *digest*, не объясняя феномены системности, сходства, понимания и т. д. При таком подходе к задачам объективизма использование глагола *digest* с конвенциональной метафорой предусматривает только омонимы и не включает никаких метафор — ни живых, ни мертвых. Единственные метафоры, которые признаются в объективизме, — это неконвенциональные метафоры (например, *Your ideas are made of cheap stucco* 'Твои идеи сделаны из дешевой штукатурки' или *Love is a collaborative work of art* 'Любовь — это совместное произведение искусства'). Последователи объективизма интерпретируют неконвенциональные метафоры указанного типа как значение говорящего, а не буквальное объективное значение предложения. Тем самым, возникающие в связи с этим вопросы истинности и значения должны рассматриваться в рамках приведенного выше описания значения говорящего.

Короче говоря, единственный внутренне последовательный подход к конвенциональной метафоре в объективизме состоит в том, что вопросы, которые нас интересовали в первую очередь — свойства конвенциональных метафор и то, как они используются в понимании — просто выводятся из сферы компетенции исследователя. Последователи

объективизма упорно отстаивают ту точку зрения, что никакие факты, связанные с конвенциональной метафорой, не будут иметь какого-либо значения для объективистской программы и для того, что составляет их систему взглядов.

Такие сторонники объективизма могут даже признавать, что наши исследования метафоры справедливо указывают на необходимость учета *интерактивных характеристик* и *эмпирических гештальтов* для объяснения того, как человеческие существа понимают свой опыт посредством метафоры. Но даже признавая это, они могут игнорировать все, что мы сделали, исходя из следующих оснований: они скажут, что сторонники эмпиризма интересуются только тем, как человеческие существа в рамках присущих им ограничений понимают реальность, а последователи объективизма интересуются не тем, как люди *понимают* нечто как истинное, а, скорее, тем, что значит быть *действительно истинным*.

Этот ответ в духе объективизма хорошо отражает фундаментальное различие между объективизмом и эмпиризмом. Его суть сводится к подтверждению того, что в центре внимания объективизма стоят «абсолютная истинность» и «объективное значение», абсолютно не зависящие от функционирования человека в мире и от понимания. Мы же, напротив, придерживаемся той точки зрения, что нет никаких причин считать, что существует какая-то абсолютная истина или объективное значение. Мы утверждаем, что описание истинности и значения прямо связано с жизнью человека в мире и с тем, как люди понимают этот мир. По сравнению со сторонниками объективизма мы просто находимся в другой философской вселенной.

Объективистской философии чуждо человеческое

Даже находясь в одной философской вселенной с некоторыми сторонниками объективизма, мы полностью расходимся с теми из них, кто считает, что в рамках объективизма возможен адекватный подход к человеческому пониманию, к понятийной системе человека и к естественному языку. Мы подробно показали, как конвенциональная метафора пронизывает человеческий язык и понятийную систему человека, и доказали, что метафора представляет собой основной инструмент человеческого понимания. Мы привели доказательства в пользу того, что адекватное описание понимания требует учета интерактивных характеристик и опытных гештальтов. Так как все объективистские описания основываются на ингерентных свойствах и большинство из них требует теоретико-множественной интерпретации категоризации, им не удастся дать адекватное описание того, как люди концептуализуют мир.

Объективистские модели вне объективистской философии

Классическая математика входит в объективистскую вселенную. В ней есть четко разграниченные сущности, например, числа. У математических сущностей есть ингерентные свойства, например, *три* — нечетное число. И между этими сущностями есть фиксированные взаимоотношения, например, *девять* — это *три* в квадрате. Развитие математической логики связано с попытками найти основания для классической математики. Формальная семантика развивалась таким же образом. Модели, используемые в формальной семантике, — это примеры того, что мы называем «объективистскими моделями», моделями, адекватно описывающими те вселенные дискурса, где есть четко различимые сущности с ингерентными свойствами и сущности связаны между собой фиксированными взаимоотношениями.

Но реальный мир не объективистская вселенная. Особенно далеки от объективизма те стороны реального мира, которые связаны с человеческими существами: человеческий опыт, социальные институты, язык человека, понятийная система индивидуума. Быть «настоящим объективистом» означает утверждать, что есть объективистская модель, которая точно соответствует миру как он есть. Мы только что доказали, что объективистская философия эмпирически неверна, так как ее объяснения языка, истинности и понятийной системы человека неудовлетворительны. На основе этого мы сделали вывод, что объективистская философия не дает адекватного основания для гуманитарных наук. Несмотря на это, многие исключительно проницательные математики, логики, лингвисты, психологи и специалисты в области программирования создавали объективистские модели для гуманитарных наук. Означает ли это, что вся их работа бесполезна и что объективистским моделям вообще нет места в сфере наук о человеке?

Мы далеки от таких утверждений. Мы считаем, что объективистские модели как математические сущности не обязательно должны привязываться к объективистской философии. Можно считать, что объективистские модели имеют определенные — и достаточно важные — функции в гуманитарных науках, но при этом не принимать объективистскую посылку о существовании объективистской модели, которая полностью и точно соответствует миру как он есть. Но если мы отвергаем эту посылку, то что остается для объективистских моделей?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, необходимо рассмотреть некоторые свойства онтологических и структурных метафор:

Онтологические метафоры относятся к наиболее важным инструментам, которые использует человек для понимания своего опыта. У каждой структурной метафоры есть ее составная часть — внутренне совместимый (*consistent*)

набор онтологических метафор. Использование набора онтологических метафор для понимания данной ситуации приводит к тому, что структура сущности распространяется на эту ситуацию. Например, метафора ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ налагает на концепт ЛЮБВИ структуру сущности, включающую начало, место назначения, путь, длину пути и т. п.

Компоненты каждой отдельной структурной метафоры внутренне совместимы. Тем самым метафора налагает внутренне совместимую структуру компонентов на структурируемый ею концепт. Например, метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА налагает внутренне совместимую структуру компонентов понятия ВОЙНЫ на концепт СПОРА. Когда мы понимаем любовь в терминах метафоры ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, мы налагаем внутренне совместимую структуру элементов концепта ПУТЕШЕСТВИЯ на понятие ЛЮБВИ.

Хотя различные метафоры, используемые по отношению к одному и тому же понятию, в общем случае не совместимы друг с другом, можно найти набор метафор, которые *действительно* совместимы друг с другом. Назовем их *наборами совместимых метафор*.

Так как части каждой отдельной метафоры внутренне совместимы, любой набор совместимых метафор позволяет понимать ситуацию в терминах структуры хорошо определенных сущностей, причем отношения между сущностями также совместимы.

В объективистской модели можно представить то, как набор совместимых метафор налагает структуру сущности с набором отношений между сущностями на метафорически осмысляемый концепт. В такой модели сущности формируются под влиянием онтологических метафор, а отношения между сущностями возникают на основе внутренних отношений между частями структурных метафор.

Обобщая, можно сказать, что попытка структурировать ситуацию на основе набора совместимых метафор отчасти напоминает попытку структурировать эту ситуацию в терминах объективистской модели. Выводятся из рассмотрения опытная основа метафоры и то, что она скрывает.

Здесь возникает естественный вопрос, действительно ли мышление человека и его деятельность основывается на наборе совместимых метафор. В особых случаях это так и происходит — ср. создание научных теорий, скажем, в биологии, психологии или лингвистике. Формальные научные теории представляют собой попытки расширения набора онтологических и структурных метафор с сохранением их внутренней совместимости. Однако, кроме чисто теоретических рассуждений, возникает ощущение, что люди во многих ситуациях действительно пытаются думать и действовать в рамках набора совместимых метафор. Эти случаи можно квалифицировать как попытку человека применить объективистские модели к своему опыту.

Есть очевидная причина, почему люди пытаются осмыслить жизненные ситуации в терминах объективистской модели, т. е. на основе набора совместимых метафор. Причина эта просто состоит в том, что при

прочих равных мы стараемся делать такие выводы из ситуации, которые не будут противоречить друг другу. Тем самым становится возможным получить неконфликтующие ожидания и предположения, относящиеся к сфере поведения. А это удобно — и даже очень — иметь внутренне непротиворечивый взгляд на мир, четко фиксированный набор ожиданий и никаких конфликтов с тем, что необходимо сделать. Объективистские модели очень привлекательны для большинства людей, склонных к рассуждению.

Мы не хотим умалять эту привлекательность. Она так же притягательна, как и стремление к поиску и обнаружению связности в жизни или в некотором множестве жизненных ситуаций. Для выживания исключительно важно иметь основу для ожиданий и действий. Но одно дело использовать какую-то объективистскую модель в некоторых ограниченных ситуациях и действовать на основе этой модели — возможно, даже успешно; и совсем другое — делать вывод, что эта модель является точным отражением действительности. Есть хорошее объяснение тому факту, что в понятийной системе человека одному концепту может сопоставляться несколько несовместимых метафор. Это обусловлено тем, что нет одной метафоры, которая подходила бы для всех ситуаций. Каждая метафора дает понимание одного аспекта концепта и скрывает остальные. Действовать только в терминах набора совместимых метафор означает упускать из виду многие стороны реальности. Успешное функционирование в повседневной жизни, похоже, требует от человека постоянной смены метафор. Использование многих метафор, несовместимых друг с другом, оказывается необходимым, если нужно понять все особенности нашей повседневной жизни.

Очевидная польза изучения формальных объективистских моделей в гуманитарных науках заключается в том, что они *отчасти* позволяют понимать способность человека мыслить и функционировать в терминах набора совместимых метафор. Это обычная деятельность, очень важная для понимания. Исследование таких моделей позволяет также увидеть, почему использование требования совместимости может оказаться ошибочным, а также понять, что любой набор совместимых метафор скрывает бесконечно много аспектов реальности — то, что может быть высвечено только другими метафорами, несовместимыми с первыми.

Очевидная ограниченность формальных моделей заключается в том, что, насколько можно судить, они не позволяют включить в модель эмпирическую основу метафоры, а потому не дают никакой возможности объяснить, как метафорические концепты используются в понимании опыта человеком. Из этого непосредственно следует вопрос: сможет ли компьютер когда-нибудь понять то, что понимают люди? Наш ответ «нет» просто потому, что понимание требует опыта, а у компьютеров нет тел, и у них нет опыта, присущего человеку.

Однако несмотря на это, изучение компьютерных моделей может рассказать нам многое об интеллектуальных способностях человека, особенно в тех областях, где люди мыслят и действуют частично на основе объективистских моделей. Кроме того, современные формальные системы, используемые в теории программирования, дают надежду на возможность разработки специальных методов представления набора *несовместимых* метафор. Это, возможно, приведет к пониманию того, как люди мыслят и действуют на основе согласованных, но несовместимых метафорических концептов. Судя по всему, ограничения формального подхода находятся в области опытных основ понятийной системы человека.

Основные выводы

Наш общий вывод заключается в том, что объективистская программа не может дать удовлетворительного объяснения процессам человеческого понимания и любым связанным с ними феноменам. К таким феноменам относятся:

- понятийная система человека и природа человеческого мышления;
- язык человека и коммуникация;
- гуманитарные науки, особенно психология, антропология, социология и лингвистика;
- моральные и эстетические ценности;
- научное понимание с помощью понятийной системы, присущей человеку;
- все то, что в основаниях математики базируется на человеческом понимании.

Представляется, что основные составляющие эмпирического подхода к пониманию — интерактивные характеристики, опытные гештальты и метафорические концепты — необходимы для любого адекватного исследования этих человеческих феноменов.

Неадекватность мифа субъективизма

В западной культуре главной альтернативой объективизму традиционно считался субъективизм. Мы показали, что миф объективизма неадекватен в объяснении человеческого понимания, языка человека, ценностей социума, социальных и культурных институтов и всего того, что связано с гуманитарными науками. Таким образом, в соответствии с дихотомией, которую навязывает нам наша культура, единственная остающаяся возможность — это радикальный субъективизм, который отрицает возможность любого научно «освещенного» описания реалий мира человека.

Но мы доказали, что субъективизм не единственная альтернатива объективизму и предложили третью альтернативу: миф эмпиризма, который, как мы считаем, способен стать адекватной философской и методологической основой для гуманитарных наук. Мы уже показали отличие этой альтернативы от объективистской программы, но не менее важно отличать ее и от субъективистской программы.

Рассмотрим в кратком изложении некоторые субъективистские взгляды на то, как люди понимают свой опыт и свой язык. Эти взгляды в основном порождены романтической традицией, и их отражение можно найти в новейших интерпретациях (возможно, *неправильных*) современной европейской философии, особенно в традициях феноменологии и экзистенциализма. По большей части эти субъективистские интерпретации представляют собой популярные изложения философских идей, основанные на отборе отдельных элементов антиобъективистской европейской философии. Весьма часто эти изложения игнорируют серьезность попыток некоторых направлений континентальной философии найти основания наук о человеке. Приводимые ниже положения субъективизма можно в целом охарактеризовать как своеобразное «феноменологическое кафе». К ним относятся, например, следующие утверждения:

Значение индивидуально: значение всегда связано с тем, что имеет значение и важно для человека. То, что индивидуум считает важным и что это означает для него, это вопрос интуиции, воображения, чувства и индивидуального опыта. Что это нечто означает для индивидуума, не может стать в полной мере известным кому-либо еще или быть адекватно передано в процессе коммуникации.

Опыт полностью холистичен: естественного структурирования опыта человека не существует. Любая структура, которую мы или кто-либо другой накладываем на наш опыт, абсолютно искусственна.

У значений нет естественной структуры: значение для индивидуума формируется на основе его чувств, опыта, интуиции и ценностей, а они чисто холистичны; у них нет естественной структуры. Таким образом, у значений нет естественной структуры.

Контекст не имеет структуры: контекст, необходимый для понимания высказывания — физический, культурный, личный и межличностный — не имеет естественной структуры.

У значения не может быть естественной и адекватной репрезентации: это следствие того, что у значений нет естественной структуры, того, что их никогда нельзя полностью познать или сообщить другому человеку, и того, что контекст, необходимый для их понимания, неструктурирован.

Все эти субъективистские положения зависят от одного базового допущения: у опыта нет естественной структуры, и поэтому значение и истинность не имеют никаких внешних естественных ограничений. Наш ответ на все это непосредственно следует из нашего подхода к основаниям понятийной системы человека. Мы представили аргументы в пользу того, что опыт человека структурирован холистически в терминах опытных гештальтов. Структура этих гештальтов не произвольна. Напротив, измерения, которые характеризуют структуру гештальтов, естественно возникают из нашего опыта.

Это не отрицает возможности того, что какое-то содержание, имеющее для меня некоторое значение, основывается на таких *видах* опыта, которые у меня были, а у вас нет, поэтому я не смогу *полностью и адекватно* передать это содержание вам. Однако метафора обеспечивает возможность *частичной* передачи неразделенного опыта, и это позволяет сделать естественная организация опыта человека.

Альтернатива эмпиризма: новое звучание старых мифов

Тот факт, что мифы субъективизма и объективизма так долго остаются влиятельными в западной культуре, указывает на выполнение каждым из них некоторой важной функции. Каждый из этих мифов мотивирован реальным и разумным интересом и у каждого есть корни в нашем культурном опыте.

Что сохраняет эмпиризм от мотиваций объективизма

Фундаментальный интерес объективизма — это внешний мир, противопоставленный индивидууму. Миф объективизма совершенно справедливо подчеркивает то, что есть реальные объекты, существующие независимо от нас, которые определяют способы взаимодействия с ними и их понимание. Сосредоточенность объективизма на истинности и знании фактов связана с важностью такого знания для успешного функционирования человека в материальном и культурном окружении. Миф объективизма мотивируется также интересом к справедливости и беспристрастности в тех случаях, когда это важно и может быть достигнуто некоторым разумным способом.

Миф эмпиризма, как мы его описали, вполне согласуется со всеми перечисленными мотивациями объективизма. Эмпиризм расходится, однако, с объективизмом в двух фундаментальных положениях:

Существует ли абсолютная истина?

Необходима ли абсолютная истина для обеспечения перечисленных интересов — интереса к знанию, которое позволяет нам успешно функционировать, и интереса к справедливости и беспристрастности?

Эмпиризм отвечает «нет» на оба вопроса. Истинность всегда связана с пониманием, которое основано на неуниверсальной концептуальной системе. Но это не противоречит законному интересу к знанию и беспристрастности, который на протяжении долгих лет мотивирует миф объективизма. Объективность все же возможна, но она поднимается на новый уровень. Объективность все так же предполагает преодоление

индивидуальных пристрастий, определяемых знаниями и ценностями. Но там, где объективность обоснована, она уже не требует абсолютной, универсально применимой точки зрения. Объективность всегда связана с понятийной системой и набором культурных ценностей. Разумная постановка вопроса об объективности невозможна, если конфликтуют концептуальные системы или культурные ценности. Важно признавать это и уметь распознавать такие ситуации.

Согласно мифу эмпиризма, научное знание все же возможно. Но отказ от представления об абсолютной истине делает научную практику более ответственной благодаря общему пониманию того, что научная теория может скрывать столько же, сколько и высвечивать. Осознание того, что наука не создает абсолютной истины, без сомнения изменит влияние и престиж научного сообщества, а также практику государственного финансирования науки. Результатом может стать более разумная оценка того, что собой представляет научное знание и каковы его ограничения.

Что сохраняет эмпиризм от мотиваций субъективизма

Субъективизм по праву мотивируется осознанием того, что значение — это всегда значение *для* человека. То, что для меня значимо, всегда связано с тем, что для меня важно. А то, что для меня важно, зависит не только от моего рационального знания, но и от моего прошлого опыта, ценностей, чувств и интуитивных озарений. Значение не шлифуется и не высушивается; это феномен воображения и органичная часть процесса формирования внутренней согласованности между концептами. Упор объективизма на достижение универсально применимой точки зрения игнорирует то, что важно для конкретного индивидуума с его интуитивными озарениями и осознанием связности опыта.

Миф эмпиризма согласуется с представлением о том, что понимание действительно включает все перечисленные элементы. Упор эмпиризма на взаимодействие и интерактивные характеристики позволяет показать, каким образом значение становится значением *для* говорящего. А внимание эмпиризма к формированию внутренней согласованности на основе опытных гешталтов дает возможность объяснить, что значит важность чего-либо для индивидуума. Кроме того, эмпиризм объясняет, каким образом используются основные ресурсы воображения при функционировании метафоры в процессе понимания и как можно придать опыту новый смысл и создать новые реалии.

Чем эмпиризм действительно отличается от субъективизма, так это отрицанием идеи романтизма о том, что образное понимание не имеет пределов.

Суммируя, можно сказать, что мы рассматриваем миф эмпиризма как то, что способно обеспечить реальные и разумные условия мотивации мифов субъективизма и объективизма, но без объективистской одержимости абсолютной истиной и приверженности субъективизма идее абсолютной безграничности воображения.

Глава 30

Понимание

За мифами объективизма и субъективизма видна общая мотивация, имеющая отношение к человеку: интерес к пониманию. Миф объективизма отражает понимание *внешнего* мира, необходимое человеку для успешного функционирования в нем. Миф субъективизма сосредоточивается на *внутренних* аспектах понимания: на том, что индивидуум считает значимым и что делает его жизнь достойной. В мифе эмпиризма предполагается, что эти аспекты понимания не противоречат друг другу. Он предлагает перспективу, в рамках которой оба аспекта понимания могут совпасть.

Общая перспектива старых мифов — это человек, изолированный от своего окружения. В рамках мифа объективизма интерес к истинности связан с желанием успешно функционировать в мире. Представление о том, что человек изолирован от своего окружения, приводит к тому, что успешное функционирование понимается как *господство* над окружением. Из этой идеи возникают объективистские метафоры KNOWLEDGE IS POWER/ЗНАНИЕ — ЭТО СИЛА и SCIENCE PROVIDES CONTROL OVER NATURE/НАУКА ДАЕТ ВЛАСТЬ НАД ПРИРОДОЙ.

Основная идея субъективизма заключена в попытке преодолеть это отчуждение, неизбежно возникающее при отделении человека от окружения и других людей. Это требует сосредоточенности на себе — возврату к индивидуальности и опоре на собственные чувства, интуицию и ценности. Романтическая версия включает еще и наслаждение ощущениями и чувствами, а также попытку единения с природой, достигаемого в процессе ее пассивного восприятия.

В эмпиризме человек рассматривается не отдельно от окружения, а как его составная часть. Миф эмпиризма концентрирует наше внимание на постоянном взаимодействии человека с физическим окружением и другими людьми. В рамках эмпиризма взаимодействие с окружением интерпретируется как взаимное изменение. Невозможно функционировать в мире, не меняя его и не меняясь самому.

В мифе эмпиризма понимание достигается взаимодействием, постоянным общением с окружением и другими людьми. Оно возникает следующим образом: строение наших тел и материальное и культурное окружение структурируют наш опыт в терминах естественных измерений, обсуждавшихся выше. Постоянное повторение элементов опыта приводит к формированию категорий — эмпирических гештальтов с соответ-

ствующими естественными измерениями. Такие гештальты определяют согласованность элементов опыта. Мы понимаем опыт непосредственно в том случае, когда он воспринимается как внутренне согласованный и структурированный на основе гештальтов, непосредственно возникающих из взаимодействия с миром и функционирования в нем. Мы понимаем опыт метафорически, если гештальт из одной области опыта используется для структурирования другой области опыта.

С точки зрения эмпиризма, истинность зависит от понимания, которое возникает на основе функционирования человека в мире. Именно в данном пункте — в такой интерпретации понимания — альтернатива эмпиризма соответствует требованиям объективизма для описания истинности. Другим своим положением — представлением о внутренне согласованном структурировании опыта — альтернатива эмпиризма удовлетворяет требованию субъективизма о зависимости значения и смысла от индивидуума.

Но эмпиризм дает нечто большее, чем просто синтез мотиваций объективизма и субъективизма. Подход к пониманию в рамках эмпиризма открывает более широкие перспективы осмысления ряда важнейших областей опыта в обыденной жизни человека:

- межличностной коммуникации и взаимопонимания;
- самопонимания;
- ритуала;
- эстетического опыта;
- политики.

Ощущается, что и объективизм, и субъективизм дают обедненное представление всех этих областей, так как им недостает мотиваций друг друга. Для этих сфер им не хватает феномена понимания, основанного на творчестве и взаимодействии. Обратимся к объяснению сущности понимания в указанных областях в рамках эмпиризма.

Межличностная коммуникация и взаимопонимание

Когда общение происходит между людьми, не принадлежащими к одной культуре, и тем самым не разделяющими знания, ценности и исходные предположения друг друга, достижение взаимопонимания будет особенно сложным. Взаимопонимание *достижимо* только при обсуждении смысла. Чтобы обсуждать с кем-нибудь смысл, необходимо знать и уважать различия в исходных предположениях, имеющихся у участников, и уметь определять, когда эти различия важны. Чтобы понять, что существуют различные взгляды на мир, и уяснить сущность различий, необходим достаточно разнообразный культурный и личный опыт. Необходима также

настойчивость, определенная гибкость во взглядах на мир и исключительная терпимость к ошибкам, а также талант находить правильную метафору, чтобы передать важные части индивидуального опыта или высветить общий опыт, уводя внимание от того, что несущественно. Владение воображением, основанном на метафорах — это решающая способность, позволяющее установить взаимопонимание и донести до партнера сущность индивидуальной части опыта. Эта способность предусматривает прежде всего возможность изменения взгляда на мир и новой категоризации опыта. Проблемы взаимопонимания — это не область экзотики: они возникают в любой длительной коммуникации, в которой важно понимание между участниками.

Когда понимание действительно важно, значение практически никогда не передается по принципам метафоры КАНАЛА СВЯЗИ, т. е. когда одно лицо передает ясное утверждение с фиксированным значением другому лицу с помощью выражений на общепринятом языке, причем обе стороны имеют все необходимые общие знания, исходные предположения, ценности и т. п. Когда мелкие проблемы устранены, можно обсуждать значение: вы постепенно понимаете, что у вас есть общего с партнером, о чем можно спокойно говорить, как передать индивидуальную часть опыта или создать общее видение предмета беседы. При достаточной гибкости взгляда на мир, а также благодаря удаче, умению и терпимости можно достичь некоторого взаимопонимания.

Теории коммуникации, основанные на метафоре КАНАЛА СВЯЗИ, оборачиваются злом, если их применять без разбора и в большом количестве, скажем, при проведении государственных инспекций или в файлах компьютеров. В этих случаях то, что действительно важно для реального понимания, практически никогда не принимается во внимание, и предполагается, что слова в файлах имеют значение сами по себе — объективное значение, не связанное с человеком и доступное для понимания. Когда общество в основной своей массе живет метафорой КАНАЛА СВЯЗИ, результатом этого обычно являются непонимание, преследования и куда более худшие вещи.

Самопонимание

Способность к самопониманию предполагает способность к взаимопониманию. Здравый смысл говорит, что легче понять себя, чем других. Кроме всего прочего, мы думаем, что у нас есть прямой доступ к нашим чувствам и идеям, а к внутреннему миру других людей — нет. Кажется, что самопонимание более первично по сравнению с взаимопониманием, и в некотором смысле это действительно так. Но любое действительно глубокое понимание того, почему мы делаем то, что мы делаем, чувствуем то, что мы чувствуем, меняемся так, как мы меняемся, и даже верим в то,

во что мы верим, выводит нас за рамки нашего внутреннего мира. Было бы ошибочным думать, что самопонимание существенно отличается от остальных форм понимания — оно возникает из постоянного взаимодействия человека с физическим, культурным и социальным окружением. Как минимум, способности, требуемые для *взаимопонимания*, необходимы даже для достижения хотя бы относительного *самопонимания*. Как и при взаимопонимании, когда мы постоянно ищем общее в опыте, разговаривая с другими людьми, так и в самопонимании мы всегда ищем то, что объединяет наш собственный разнородный опыт, чтобы придать связность явлениям нашей жизни. Так же, как мы ищем метафоры для высвечивания и взаимного согласования элементов опыта, объединяющих нас с кем-то другим, мы ищем *индивидуальные* метафоры для высвечивания и согласования опыта в прошлом, нашей деятельности в настоящий момент, а также наших мечтаний, надежд и целей. Бóльшая часть процесса самопонимания — это поиск подходящих индивидуальных метафор, которые придают смысл нашей жизни. Самопонимание требует бесконечно возобновляемого обсуждения значимости тех или иных фрагментов нашего опыта. В терапии, например, методы самопонимания основываются в значительной мере на том, что пациент осознает метафоры, которые он ранее использовал бессознательно, и то, как он жил в соответствии с ними. Это предполагает постоянное создание новых отношений согласования между элементами нашего жизненного опыта, отношений, которые придают новый смысл старому опыту. Процесс самопонимания — это непрерывный нарратив, в котором вы рассказываете самому себе новые истории вашей жизни.

Эмпирический подход к процессу самопонимания включает следующие составляющие:

Развитие способности к анализу метафор, которыми мы живем, и к пониманию, когда они являются частью нашей жизни, а когда — нет.

Получение опыта, который может создать основу для использования альтернативных метафор.

Развитие «гибкости к восприятию опыта».

Включение в бесконечный процесс восприятия жизни на основе новых альтернативных метафор.

Ритуал

Мы постоянно участвуем в ритуалах — начиная от таких обыденных процедур, как ежедневное приготовление утреннего кофе с одной и той же последовательностью действий или просмотр от начала до конца новостей в одиннадцать часов (при том, что мы их уже посмотрели в шесть часов) до посещения футбольных матчей. Сюда же следует

отнести обеды в день благодарения, университетские лекции приглашенных знаменитостей и так далее — вплоть до совсем уж торжественных церемоний, предписываемых религией. Все это повторяемые структурированные практики; некоторые из них вполне сознательно разработаны до мельчайших подробностей, какие-то выполняются более осознанно, чем другие, а третьи — возникают спонтанно. Каждый ритуал — это регулярно повторяемая часть нашего опыта, которая внутренне согласована, структурирована и унифицирована. Выполняя ритуал, мы структурируем нашу деятельность и придаем ей значимость, уменьшая ее хаотичность и несообразность. В нашей терминологии ритуал — это вид эмпирического гештальта, т. е. внутренне согласованная последовательность действий, структурированная в терминах естественных измерений опыта. Религиозные ритуалы — это типичный пример деятельности, в основе которой лежат метафоры. Метафорика религиозных ритуалов обычно включает метонимию: объекты реального мира замещают сущности в соответствии с принципами, определяемыми концептуальной системой религии. Внутренне согласованная структура ритуала обычно ставится в соответствие некоторому аспекту реальности так, как это понимается в религии.

Повседневные индивидуальные ритуалы — это также эмпирические гештальты, состоящие из последовательностей действий, структурированных по естественным измерениям опыта — структурам часть—целое, этапам, причинным связям и способам достижения цели. Тем самым, индивидуальные ритуалы относятся к естественным видам деятельности отдельных лиц или членов субкультуры. Они могут быть или не быть видами деятельности, определяемыми метафорами. Например, в Лос-Анджелесе широко распространено участие в ритуале, в процессе которого участники проезжают мимо домов звезд Голливуда. Это метафорический вид деятельности, основанный на метонимии THE HOME STANDS FOR THE PERSON/ДОМ СИМВОЛИЗИРУЕТ ЧЕЛОВЕКА и метафоре PHYSICAL CLOSENESS IS PERSONAL CLOSENESS/ФИЗИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ — ЭТО ЛИЧНАЯ БЛИЗОСТЬ. Наши повседневные ритуалы — метафорические и не метафорические — способствуют формированию эмпирических гештальтов, которые могут стать основой метафор. Ср. You don't know what you're opening the door to 'Ты не знаешь, какого джина ты собираешься выпустить из бутылки (букв. чему ты открываешь дверь)', Let's roll up our sleeves and get down to work 'Давай засучим (букв. закатаем) рукава и приступим к работе' и т. п.

Мы пришли к выводу о следующем:

Метафоры, которыми мы живем — как культурно обусловленные, так и индивидуальные — частично сохраняются в ритуале.

Ритуал способствует распространению культурно обусловленных метафор и связанных с ними ценностей.

Ритуал формирует необходимую часть опытной основы метафорических систем, связанных с нашей культурой. Без ритуала не может быть никакой культуры.

Подобным же образом без индивидуального ритуала — как правило, возникающего случайно и спонтанно — не может быть никакого внутренне согласованного представления о самом себе. Так как наши индивидуальные метафоры не случайны, а формируют систему, согласованную с нашей личностью, так и наши индивидуальные ритуалы не случайны, а согласованы с нашим представлением о мире и о нас самих, а также с системой индивидуальных метафор и метонимий. Наши имплицитные и обычно не осознаваемые представления о самих себе, о ценностях, которыми мы живем, вероятно, наиболее ясно отражаются в тех мелочах, которые мы делаем снова и снова — в обыденных ритуалах, которые спонтанно возникают в повседневной жизни.

Эстетический опыт

С точки зрения эмпиризма, метафора — это феномен *воображаемой рациональности*. Она дает возможность понимать опыт одного вида в терминах другого, создавая внутреннюю связность, налагая гештальты, структурированные естественными измерениями опыта. Новые метафоры могут создавать новое понимание и, тем самым, новые реалии. Это становится очевидным при рассмотрении поэтических метафор, так как в поэзии язык — это средство создания новых концептуальных метафор.

Но метафора не просто принадлежность языка. Метафора относится и к понятийной структуре. А понятийная структура связана не только с мышлением: она включает все естественные измерения нашего опыта, в том числе те части опыта, которые приобретаются с помощью органов чувств — цвет, форму, текстуру, звук и т. п. Эти измерения структурируют не только наш приземленный, практический опыт, но и эстетический опыт. Каждый материал, используемый в том или ином виде искусства, предполагает выбор одних измерений нашего опыта и исключение других. Произведения искусства по-новому структурируют наш опыт на основе этих естественных измерений. Произведения искусства способствуют возникновению новых опытных гештальтов, а поэтому и новых связей. С точки зрения эмпиризма, искусство в целом представляет собой феномен *воображаемой рациональности* и является средством создания новых реалий.

Таким образом, эстетический опыт не ограничивается миром официального искусства. Он может возникать в любой момент нашей повседневной жизни — когда мы замечаем новые связи, не относящиеся к стандарту восприятия и мышления, или создаем их для себя.

Политика

Политические дебаты обычно связаны с вопросами свободы и экономики. Но можно быть свободным и материально обеспеченным, но при этом вести абсолютно бессмысленное и пустое существование. С нашей точки зрения, метафорические концепты FREEDOM/СВОБОДА, EQUALITY/РАВЕНСТВО, SAFETY/БЕЗОПАСНОСТЬ, ECONOMIC INDEPENDENCE/ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ, POWER/ВЛАСТЬ и т. п. представляют собой различные попытки *косвенным* образом получить ответ на вопрос об осмысленности бытия. Эти метафорические концепты отражают необходимые стороны разумного обсуждения данной проблемы, но, насколько мы знаем, ни одна политическая идеология не обращается к основному вопросу о существовании напрямую. Фактически многие идеологии утверждают, что вопросы осмысленности бытия отдельного человека или смысла культуры вторичны или что к ним надо обращаться во вторую очередь. Любая такая идеология антигуманна.

Политические и экономические идеологии формируются на основе метафор. Как и любые другие метафоры, политические и экономические метафоры могут скрывать определенные аспекты реальности. Но в области политики и экономики метафоры значат больше, так как они ограничивают рамки нашего существования. Скрывая существенное в политике и экономике, метафора может привести к деградации человека.

Рассмотрим только один пример — метафору ТРУД — ЭТО РЕСУРС. Большинство современных экономических теорий — как капиталистических, так и социалистических — рассматривают труд как естественный ресурс или товар, сопоставляя его с сырьем, и говорят в одинаковых терминах о стоимости и запасах и труда, и ресурсов. Этой метафорой скрывается сущность труда. Не делается никаких различий между понятиями труда, *значимого* для человека, и труда, в котором роль человека принижена или игнорируется (*dehumanizing labor*). Во всей статистике, посвященной труду, нет ни одной работы по *значимому* труду. Если мы принимаем метафору ТРУД — ЭТО РЕСУРС и допускаем, что цена ресурсов, определяемых таким образом, должна быть низкой, дешевый труд — наравне с дешевой нефтью — становится хорошим. Эксплуатация человеческих существ с помощью этой метафоры становится наиболее очевидной в странах, которые гордятся «фактически неисчерпаемыми запасами дешевой рабочей силы». Это как бы нейтральное утверждение из области экономики скрывает реальность человеческой деградации. Но фактически все крупные индустриальные страны — капиталистические или социалистические — используют ту же метафору в своих экономических теориях и политике. Бездумное принятие метафоры может скрыть реальность деградации, относится ли это к бессмысленности работы белых и синих воротничков, поставленной на индустриальную основу в «развитых» обществах, или к фактически все еще существующему рабству.

Послесловие

Сотрудничество в работе над этой книгой дало нам возможность обсуждать наши идеи не только друг с другом, но буквально с сотнями людей — со студентами и коллегами, друзьями, родственниками, знакомыми, даже с незнакомцами за соседними столиками в кафе. После изучения всех следствий нашей теории для философии и лингвистики, которые только можно было себе представить, мы еще яснее увидели, что представляют собой сами метафоры, и то, что они нам дают в понимании нашего повседневного опыта. Мы все еще с трепетом относимся к тем особенностям функционирования языка, которые показывают, что мы сами и окружающие нас люди живем такими метафорами, как ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и ПРОБЛЕМЫ — ЭТО ЗАГАДКИ. Мы считаем важным понимание того, что воспитанный в нас способ восприятия мира не единственный и что можно выйти за рамки «истин» нашей культуры.

Но метафоры — это не просто сущности, за которыми можно что-то увидеть. Фактически мы можем увидеть что-то за метафорой только с помощью другой метафоры. Способность понимать опыт с помощью метафоры — это как одно из чувств, как видение, осязание или слух; обращение к метафорам остается единственным способом восприятия и осознания в опыте большей части действительности. Метафора — такая же важная и ценная часть нашей жизни, как, например, осязание.

Аумепамыпа

1. *Bolinger, Dwight*. 1977. *Meaning and Form*. L.: Longman's.
2. *Borkin, Ann*. In press. *Problems in Form and Function*. Norwood, N.J.: Ablex.
3. *Cooper, William E., and Ross, John Robert*. 1977. "World Order". In Robin E. Grossman, L. James san, and Timothy J. Vance, eds., *Functionalism*. Chicago: Chicago Linguistic Society (University of Chicago, Goodspeed Hall, 1050 East 59th Street).
4. *Davidson, Donald*. 1978. "What Metaphors Mean". *Critical Inquiry* 5:31-47.
5. *Frege, Gottlob*. 1966. "On Sense and Reference". In P. Geach and M. Black, eds., *Translation from the Philosophical Writings of Gottlob Frege*. Oxford: Blackwell.
6. *Grice, H. P.* 1957. "Meaning". *Philosophical Review* 66:377-88.
7. *Lakoff, George*. 1972. "Linguistics and Natural Logic". Pp. 545-665 in Donald Davidson and Gilbert Harman, eds., *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: D. Reidel.
8. *Lakoff, George*. 1975. "Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts". Pp. 221-71 in Donald Hockney et al., eds., *Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics*. Dordrecht: D. Reidel.
9. *Lakoff, George*. 1977. "Linguistic Gestalts". In *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society.
10. *Lewis, David*. 1972. "General Semantics". Pp. 169-218 in Donald Davidson and Gilbert Harman, eds., *Semantics of Natural Language*.
11. *Lovins, Amory B.* 1977. *Soft Energy Paths*. Cambridge: Ballinger.
12. *Montague, Richard*. 1974. *Formal Philosophy*. Edited by Richmond Thomason. New Haven: Yale University Press.
13. *Nagy William*. 1974. "Figurative Patterns and Redundancy in the Lexicon". Ph. D. dissertation. University of California at San Diego.
14. *Reddy, Michael*. 1979. "The Conduit Metaphor". In A. Ortony, ed., *Metaphor and Thought*. Cambridge, Eng.: At the University Press.
15. *Rosch, Eleanor*. 1977. "Human Categorization". In N. Warren, ed., *Advances in Cross-Cultural Psychology*, vol. 1. N. Y.: Academic Press.